

I 2055522

Куединские былички

Мифологические рассказы
русских Куединского района
Пермской области
в конце XIX—XX вв.

Сух. тип. 3570—30 000 000.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
ПЕРМСКИЙ ФИЛИАЛ
УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ АДМИНИСТРАЦИИ
КУЕДИНСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ
КУЕДИНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

КУЕДИНСКИЕ БЫЛИЧКИ

**Мифологические рассказы
русских Куединского района Пермской области
в конце XIX—XX вв.**

Сборник фольклорных материалов

Составитель А. В. Черных

Пермь 2004

УДК 398 (470)
ББК 63.5 (2Рос 36)
К 88

Составление, комментарии канд. ист. наук **А. В. Черных**

Авторы вступительной статьи **О. В. Васнева, А. В. Черных**

Рецензенты:

Центр-лаборатория этнопедагогики народов Прикамья Пермского областного института повышения квалификации работников образования;

д-р ист. наук **Г. Н. Чагин;**

канд. филол. наук **К. Э. Шумов**

Научный редактор:

д-р филол. наук **И. А. Подюков**

*Книга подготовлена и издана в рамках проекта,
поддержанного ООО «Лукойл-Пермнефть»*

Для оформления обложки использован фрагмент узорной скатерти из с. Аряж и фотография святочного ряженного из д. Русские Чикаши Куединского района.

К 88 Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX—XX вв. /Сост. А. В. Черных; авт. вступ. статьи О. И. Васнева, А. В. Черных.— Пермь: Изд-во ПНИИЦАА, 2004.— 114 с.
ISBN 5-98244-013-2

Сборник «Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX—XX вв.» — третье издание, посвященное традиционной культуре русских одного из южных районов Пермской области (см. ранее вышедшие книги: Куединская свадьба. Пермь, 2001; Черных А. В. Куединские праздники. Пермь, 2003).

Сборник содержит тексты мифологических рассказов о духах природы, построек, быличек о колдунах и колдуньях, прочей нечистой силе. Все они записаны у русских Куединского района Пермской области во время этнографических и фольклорных экспедиций 1993—2004 гг. Пермского государственного университета и Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН.

Для специалистов по народной культуре и широкого круга читателей.

Рекомендовано к печати Ученым советом института истории и археологии УрО РАН.

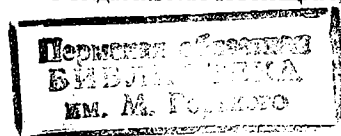
ISBN 5-98244-013-2

© А. В. Черных (составление, комментарии), 2004

© О. И. Васнева, А. В. Черных

(вступительная статья), 2004

© Издательство ПНИИЦАА, 2004

Былички и бывальщины русских Куединского района

Рассказы о встрече человека с нечистой силой, о необъяснимых явлениях есть отражение мифологических представлений, уходящих корнями в глубокую древность. С другой стороны, мифологические рассказы как в XIX в., так и в XX в. (а в некоторых формах — и до настоящего времени), составляют неотъемлемую часть народных верований. Бытование таких представлений связано с верой в одухотворенность природы и построек, которые населены мифологическими персонажами. Поэтизация сил природы была свойственна человеку с давних времен. Природа давала человеку хлеб и кров, заставляла переживать радость первооткрывателя и покорителя, подчинялась его разуму, его действиям. С другой стороны, природа жестока, нередко оборачивается для человека трагедиями и катастрофами, словно вступает в бой, в соревнование с ним, разрушает все, что он создавал изо дня в день, из года в год, подминая под себя волю и чувства человека. Именно такое двойственное отношение и породило сложившуюся систему взаимодействия человека и природы, нашедшее свое отражение в верованиях и обрядах. Окружающий мир персонифицировался в конкретных формах и персонажах, в образах духов воды и леса, дома и бани...

В этой книге собраны рассказы о духах природы и построек, о колдунах и ведьмах, кладях и покойниках, т.е. *былички* и *бывальщины*. Все помещенные в сборник тексты были собраны фольклористами и этнографами в русских деревнях Куединского района.

Быличка/бывальщина... Жанровая специфика представленных в сборнике текстов требует специальной оговорки. В этнографии, фольклористике и лингвофольклористике нет четкой жанровой дифференциации текстов, героями которых выступают мифические существа. Традиционно именно под этими терминами, вынесенными в заголовок сборника, понимается жанр устных рассказов о нечисти, о необычных, сверхъестественных явлениях. Однако это не составляет их принципиального отличия от исторических преданий, повествующих о действительных событиях прошлого и реально существовавших людях. Предания, легенды, былички, бывальщины — хотя и разные жанры, но по характеру информации они относятся, по мнению Э. В. Померанцевой, к одному и тому же виду устной прозы¹.

¹ Померанцева Э. В. Устные рассказы о мифических существах и их жанровые особенности. Исследование поэтики русских суеверных меморатов.: [http:// cooler12.boom.ru/ID_61_29_14.htm](http://cooler12.boom.ru/ID_61_29_14.htm). (проверено 01.10.04).

Наиболее часто для обозначения текстов народной мифологии о встречах с нечистой силой используют термины *былички* и *бывальщины*². В Куединском районе также известен особый термин для обозначения этого жанра устного народного творчества: «*Былицы* всякие были, про чертей, сказки страшные» (с. Дойная, ШАИ, 1918).

Термин *быличка* соответствует понятию *суеверный меморат* (Glaubensmemorat). Сам термин *быличка* был введён в научный оборот в первой половине XX века. Это народное слово по значению своему близко, или даже равнозначно, приводимым в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля терминам *бывалка*, *бывальщина*, *былица* (ср. с народным термином, бытующим в Куединском районе!), определяемым как рассказ не вымышленный, а правдивый, иногда вымысел, но сбыточный, несказочный. Слово *быличка* было «подслушано» братьями Б. и Ю. Соколовыми (*Соколовы, 1915*) у белозерских крестьян, использовано и прокомментировано в известном сборнике и с их лёгкой руки вошло в практику русских фольклористов, которые стали употреблять его как синоним терминов *предание*, *легенда*, *бывальщина*.

От *бывальщины*, *достоличины*, *предания*, т.е. фабулата или фикта, *быличка* отличается своей, условно говоря, бесформенностью, единичностью, необобщённостью. При анализе жанровых особенностей *быличек* следует учитывать особые условия их бытования. Рассказывание их никогда не является самоцелью, они возникают по случаю, вызванные той или другой житейской ситуацией или особой психологической настроенностью рассказчика и его слушателей. Обычно одна *быличка* влечёт за собой цепь аналогичных рассказов, так как содержание *былички*, в отличие от сказки, не исчерпывается рассказанным, не ограничивается рамками одного сюжета, а выплёскивается за их пределы, настраивая слушателей на восприятие дальнейших впечатлений от неизвестного, таинственного и страшного мира. Отсюда и выделенный Померанцевой признак бесформенности текстов *быличек* — они могут принимать форму небольшого

² *Быличка* — устный рассказ, меморат (воспоминание) о якобы имевших место сверхъестественных явлениях: встрече... с олицетворенным духом природы, домашним духом, другим демоническим существом... (*ВСФ, 1993, 26*); *Бывальщина* — суеверный рассказ о событиях, связанных с персонажами из разряда низшей мифологии (леший, водяной, русалка, домовый, банник, ови́нник и т.п.), о демонологических существах, наделенных сверхъестественными способностями (ведьмы, колдуны, оборотни), о покойниках, волшебных кладках, чертях, рассказ-быль с установкой на достоверность, передающий реальный факт и использующий художественный вымысел. В отличие от былички, имеет характер фабулата и ведется от третьего лица» (*ВСФ, 1993, 22—23*).

рассказа, реплики, комментария, суеверной приметы и т.д. Форму *былички* получала любая житейская история, осмысленная как следствие контакта с «нечистью» (*Духовная культура Белозерья, 1997; 49*). Эта структурная неоформленность текста *былички* — еще одна трудность в выделении ее как самостоятельного жанра, смешивание ее с другими жанрами несказочной прозы. Динамичный характер, занимательность нередко сближает *быличку* по содержанию с такими жанрами, как сказка и анекдот, а по достоверности и включенности в повседневность — с бывальщиной или легендой, по функциональной направленности — с приметой, поверьем (*Духовная культура Белозерья, 1997; 49*).

«Установка на достоверность» является главной чертой, отделяющей *быличку* от сказок и других жанров устной прозы: в *быличку* «верят» и те, кто рассказывает, и те, кто слушает. Точные ссылки на место, время события, других его участников и детали, подчеркивающие реальность происшедшего здесь не только являются смысловым каркасом, но и определяют эстетическое достоинство *былички*. Поэтому *быличка* всегда носит характер свидетельского показания: рассказчик либо сообщает о пережитом им самим случае, либо ссылается на авторитет того лица, от которого он об этом случае слышал (...Мужик Кузьмин рассказывал мне и божился, ...соседка, вон та рассказывала, что напротив живет...).

Поскольку подлинная *быличка* является бесхитростным свидетельским показанием, она большей частью одноэпизодна и невелика по объёму. Ее отличает приземленность обстановки — действие *былички* происходит среди знакомой местности, и главными ее героями являются реальные, знакомые люди или даже сам рассказчик, которые в момент вторжения в их жизнь чего-то необычайного занимают самыми обычными делами³. Однако желание рассказать как можно убедительнее, достовернее приводит к тому, что вводятся детали, материально свидетельствующие, что это был не сон, не фантазия, — они-то и превращают *быличку* в бывальщину. Чем больше деталей в *быличке*, чем сложнее её сюжет, тем дальше она отходит от мемуарата, тем ближе она к развлекательному повествованию. В устах рассказчика она часто вообще теряет основной жанровый и даже видовой признак — доминантной становится не информативная функция, а эстетическая. Рассказчик уже не стремится как можно точнее информировать слушателей о страшном, непонятном происшествии, а хочет развлечь их занятным рассказом о необычном.

³http://ufonav.spb.ru/ufo_nav/page2.phptml?num_m=748&mo-%ED%EE%FF%E1%F0%FC&num_d=200118&d=dictionary.

Структура былички, её композиция, система её образов, поэтические приёмы, портрет, пейзаж, образ рассказчика — всё это определяется основной функцией *быличек*, подчиняется главной задаче: доказать, утвердить, подкрепить то или иное верование. Своеобразным лирическим героем *былички* является свидетель, и образ этого свидетеля, его вера в достоверность рассказываемого, его потрясённость встречами с существами потустороннего мира всегда в ней наличествует, независимо от того, рассказывается ли она от первого лица или является переложением рассказа соседа, отца, деда...

Можно отметить в *быличке* некоторые особенности создания портрета демонического существа, о котором ведётся рассказ. В подавляющем числе *быличек* портрет нарочито неопределён и построен на каком-то одном признаке: рассказчик не называет того, кто ему встретился, он упоминает только, что кто-то вздохнул, захохотал, загремел, зашуршал, мелькнул над рекой, прикоснулся к нему лохматой шерстистой лапой, захлопал в ладоши и т.д. Поскольку рассказ воспринимался слушателями, которые знали о существовании лешего, домового, водяного, то для всех было ясно, о ком идёт речь. Очевидно, некоторую роль играл в данном случае и запрет называть нечистого напрямую, по имени.

Однако встречаются *былички*, в которых присутствует детализированный зрительный образ, например, рост лешего (вышиной с елку, ростом по траве...; в белой/красной рубаше), или цвет волос русалок (...сидит женщина с зелёными волосами и чешет...), или волосистой покров домового (...лапой шерстистой проведет...), признаки покойника (отсутствие бровей, длинные ногти, холод...).

Действия демонических существ в наиболее типичных *быличках* очень просты: показалось, захохотало, защекало, завело и т.д. Однако они могут усложняться, приобретать психологическую мотивировку. В таком случае простой эпизод разрастается в сложный сюжет, меморат превращается в фабулат, рассказ выходит за жанровые границы *былички*, становится *бывальщиной*. Это уже истории о лешем, водяном и русалке, а не свидетельские показания о встрече со сверхъестественным существом, как это характерно для *былички*.

Тем, что *быличка* рассказывает о страшном, определяется и преобладание в ней, в отличие от сказки и легенды, трагического исхода: после встречи с лешим, русалкой, водяным, хозяином земных недр человек начинает задумываться, становится мрачным, угрюмым, чахнет, пропадает или даже гибнет. Таинственность содержания и трагичный финал *былички*, её близость к кошмару и сновидению определяют многие детали повествования, усугубляющие её

зловещий смысл, в частности — сказываются в характере пейзажа и диктуют описание времени. В подавляющем числе *быличек* все события происходят в темноте: в сумерках, вечером, ночью, в туман, призрачную месячную ночь. Место действия обычно уединённое: пустынное место, кладбище, болото, берег реки, мельничная плотина, заброшенная шахта. Рассказчик подчёркивает зловещность обстановки, мрачность пейзажа (неподвижная река, ельник угрюмый, темный голбец...) ⁴.

Несмотря на то, что эстетическая функция в *быличках* вторична и стилистические средства в них менее выработаны, чем в сказочных жанрах, можно всё же обнаружить их жанровые приметы не только в содержании и системе образов, но и в композиционных и изобразительных средствах. Повествовательный характер жанра обуславливает особую роль глагола: нередко он актуализируется в структуре предложения и всего текста и выносится на первое место в конструкции, и нередко вся быличка начинается именно с глагола (Иду я через поле..., Решила спуститься в голбец..., Пошла я как-то домой одна через лес...). Поскольку в *быличке* обычно говорится об исключительном случае, нарушающем течение нормальной жизни, в подавляющем количестве *быличек* после одной-двух вводных фраз словом «вдруг» или каким-либо равнозначным ему, или же интонацией, передающей неожиданность, начинается кульминация повествования (... и тут вдруг как кто меня схватит..., ...вдруг мужик из-за елки...). Подобный композиционный приём типичен для *быличек* разных циклов, является своеобразным общим местом, поэтому его можно рассматривать как конститутивный признак *былички*.

Быличка в своих истоках связана с системой мифологических представлений о наличии, происхождении, внешнем виде, свойствах, вредоносных или положительных воздействиях на людей целого сонма мифических существ (*Народные знания*, 1991; 27). Эта же система лежит и в основе формирования жанра *бывальщины*. Поэтому в большинстве работ по этнографии и фольклористике эти термины используют одновременно, или даже тождественно, для обозначения несказочных жанров устной прозы, повествующей о сверхъестественных явлениях.

В задачу составителя данного сборника входило представить некий обобщенный обзор мифологических верований, зафиксированных на территории Куединского района, разграничить же данные

⁴ Померанцева Э. В. Устные рассказы о мифических существах и их жанровые особенности Исследование поэтики русских суеверных меморатов.: [Http:// cooler12.boom.ru/ID_61_29_14.htm](http://cooler12.boom.ru/ID_61_29_14.htm). (проверено 01.10.04)

жанры в условиях полевых записей бесед с информантами не представляется возможным. Это во многом связано с эффектом присутствия исследователя, что накладывает отпечаток на структурные и содержательные аспекты этих рассказов: информант ориентируется на незнакомого человека, целенаправленно рассказывает о нечистой силе, о встречах с ней, но рассказывает, направляемый исследователем⁵.

Былички и *бывальщины* создаются на одинаковую тематику, имеют один и тот же основной образ, во многом совпадают сюжетно и едины в своей основной установке на «истинность». Разница заключается только в степени обобщенности рассказа, характере его локализации, степени близости к свидетельскому показанию. Можно, конечно, говорить о большей близости *бывальщины* к сказке, а *былички* — к деловой информации, т.е. о разнице в тенденции рассказа. Однако это не дает в руки исследователя необходимых постоянных признаков для классификации. Поэтому при обзоре устной прозы о нечисти приходится отказаться от жанровой классификации и ограничиться рассмотрением ее по сюжетам, или, вернее, по тематическим циклам. Поэтому в данной работе термины *быличка* и *бывальщина* используются как общее терминологическое обозначение жанра рассказа о нечисти, а материал располагается тематически.

Тексты *быличек* и *бывальщин* можно воспринимать по-разному. Кто-то видит в них лишь отголоски седой старины, суеверные предрассудки предков. Однако это лишь поверхностный взгляд на многоплановый и многофункциональный феномен, — такой, как мифологические рассказы и представления. Несомненно, *былички*, наряду с другими жанрами фольклора и явлениями традиционной культуры, позволяют нам реконструировать мифологические представления предков. Но *быличка* — это еще и способ передачи накопленного

⁵ «Вообще стоит специально заметить, что в кругу хороших знатоков традиционного фольклора Севера и Сибири устные рассказы такого рода бытуют как *бывальщины*, а в том случае, если среди слушателей оказываются посторонние лица, плохо знающие местность, традиционную культуру и фольклор, в особенности язык коренного населения, *бывальщина* может рассказываться от первого лица и превращается в *быличку*. Если та же история будет зафиксирована в дневниках путешественника, то в таком контексте очень трудно отличить фольклорный рассказ, случайно услышанный автором дневника, от рассказа о реальном событии. Но если на подобный рассказ впоследствии обращает внимание кто-то из посторонних, мало знакомых с традиционным фольклором местных жителей, например, заезжий журналист — вот тут и начинается сенсация того типа, до какого падки читатели бульварной прессы». См.: В. Тихов. Страшные сказки, рассказанные дедом Егором, крестьянином бывшего Чердынского уезда Пермской губернии. М., 2000.

опыта прошлых поколений: именно в быличках дается ответ, как поступать в той или иной ситуации, говорится о поведении и способах защиты от нечистой силы и других необъяснимых явлений. Быличка — способ пройти психологическую закалку, а способность преодолевать страх — одна из важных в социализации личности. Не случайно активными рассказчиками и слушателями «страшных историй» становятся дети.

Былички обладают мощным этнопедагогическим потенциалом. В приведенных быличках множество воспитательных моментов. Высказанные в текстах предупреждения ненавязчиво формировали этические рамки, продиктованные нормами крестьянской общинной морали. В текстах быличек, например, звучит осуждение пьянства (именно пьяный человек становится первой и легкой добычей нечистой силы), суицида в любых формах, осуждение пренебрежения к умершим предкам и т.д. В рассказах этих раскрываются моральные и этические принципы нашего народа, отношения в семье и крестьянской общине. Они служат одним из главных методов воспитания с раннего детства нравственного человека. Разумеется, полностью переносить в современный быт все эти каноны нельзя, ведь некоторые из них отражают те стадии развития общества, которые ушли безвозвратно.

В Пермском крае, с его богатыми традициями собирания и изучения местного фольклора, активное изучение и публикация мифологических рассказов началось лишь в начале 1990-х гг., правда, исследовательский интерес к быличке не ослабевает и поныне (*Былички, 1991; Правдивые рассказы, 1993; Шумов, 2001; Нытва, 2001; Вишерская старина, 2002; Юрлинский край, 2003; Карагайская сторона, 2004*). Тексты мифологических рассказов становятся сюжетной основой для художественных произведений (*Тихов, 1993*). Исследователи неоднократно отмечали, что Урал и Сибирь стали теми регионами, где произошло своеобразное оживление мифологической традиции (*Былички, 1991, 7*). Особенность настоящего сборника в том, что он во всем многообразии и многоплановости ярко характеризует одну из локальных традиций южных районов Прикамья.

При анализе куединской мифологической прозы бросаются в глаза и некоторые характерные особенности, выделяющие район на фоне соседних традиций Пермского края. Несомненно, природный ландшафт, характеризующийся переходом к лесостепной зоне, в отличие от тайги Северного Прикамья, повлиял на то, что мифологические представления о лешем в Куединском районе выражены слабо (в сравнении с развитыми традициями северных районов). Такой вывод можно сделать, сравнивая не только былички о лешем, но и о

других духах природы. Характерной особенностью куединской традиции является развитость и многовариантность обереговых форм, ярко проявившихся в приемах защиты от колдуна и «мифологического любовника». Несколько десятков разнообразных и достаточно интересных приемов зафиксировано в куединских деревнях. Ярко характеризуют куединскую традицию, как и традицию ряда других южных районов Прикамья, рассказы и представления о таком мифологическом персонаже, как векшица. Некоторые выявленные нами особенности мифологических персонажей отмечены в разделах сборника.

Одна из причин тематического многообразия куединской несказочной прозы, ее вариативности — сложность формирования русского населения края. С конца XVIII в. земли в поречье реки Буй осваивали русские крестьяне, выходцы как из северных и центральных уездов Пермской губернии, так и из соседних западных губерний — Вятской, Казанской, Нижегородской (Черных, 2002).

Былички — это прекрасный образец фольклора, живого русского языка. Куединские былички демонстрируют яркие примеры живой разговорной диалектной речи: в них немало куединских диалектных слов, местных особенностей произношения звуков. К ярким примерам куединской фонетики, например, можно отнести замену «ч» на «с» или «щ», характеризующую западную часть района, удвоение шипящих звуков (не *катишься*, а *катишиша*), замена «а» на «о» в безударной позиции (*коровашек*). Тексты демонстрируют многие другие особенности разговорной речи куединцев, которые, надеемся, будут полнее описаны в одной из следующих книг, посвященных традиционной культуре русских Куединского района.

На примере куединских текстов мифологических рассказов видна еще одна особенность былички как жанра — ее вариативность. Например, в схожих сюжетах, помещенных в разделе о подмененных детях, могут действовать разные персонажи. Домовой в некоторых текстах заменяется лешим, и наоборот: функции лешего в поиске скотины также приписываются домовому. В некоторых текстах видна и контаминация, т.е. объединение в одном тексте нескольких разрозненных сюжетов. С одной стороны, эти примеры свидетельствуют о живом бытовании традиции, ее многообразии. С другой же стороны, появление контаминированных сюжетов и подмена персонажей свидетельствуют и об определенном разрушении мифологической традиции.

Еще в XIX в. исследователи предсказывали скорый конец мифологических рассказов. Паровозы и самолеты, электричество и телефон, как и другие блага цивилизации, казалось бы, должны были уже

давно вытеснить эти суеверия. Но, как ни парадоксально, быличка продолжает жить, наглядный пример чему — тексты настоящего сборника, записанные лишь в последнее десятилетие XX в., среди информаторов которого — не только старики, захватившие бытование «живой» фольклорной традиции, но и молодое, современное поколение.

Предлагаемый вниманию читателя сборник фольклорных текстов содержит 332 текста, записанных в 30 селах и деревнях Куединского района от 125 информаторов. В сборник мы поместили не только тексты быличек и бывальщин в классическом их понимании, но и приметы, поверья и даже отдельные реплики, раскрывающие всю сложность и многообразие народных мифологических представлений.

Структура сборника во многом определена особенностями собранного материала. Первый раздел содержит тексты и комментарии, посвященные духам природы (лешему, водяному и полуднице); второй — духам построек (домовому и баннику); третий включает мифологические рассказы о подмененных детях; четвертый раскрывает особенности народного восприятия колдовства, колдунов, знахарей, а также рассказывает о насылаемых ими болезнях (килы, порчи, икоты); в пятом разделе помещены рассказы, в которых человек так или иначе взаимодействует с предками; в шестом разделе помещены редкие тексты, раскрывающие феномен народной мифологии и основанные на мистификации явлений природы и предметов быта, на выделении не явленных визуально персонажей. Несколько особняком в сборнике стоит последний небольшой раздел «Рассказы-пародии», тексты которого построены как классическая *быличка*, однако изложенная в них история о встрече с нечистой силой в итоге оказывается курьезом. Появление подобных рассказов отражает некую тенденцию разрушения мифологических представлений, т.к. в них отражена утрата веры в реальность мифических персонажей, а установка на «правду» исчезает.

Каждый раздел сопровождается комментариями. Справочный аппарат сборника содержит указатель информаторов и список использованной литературы. Все тексты, помещенные в сборнике, приведены с сохранением основных лексических, стилевых и, в некоторых случаях, фонетических особенностей народной разговорной речи. В работе используются как записи из полевых тетрадей, сделанные «под карандаш» (1980-е гг., 1993—96 гг.), так и расшифровки аудиозаписей бесед с информаторами (2000, 2002, 2004 гг.). Каждый конкретный текст сопровождается ссылкой на информатора. Первым в

сноске обозначен населенный пункт, где производилась запись, далее — трехбуквенный шифр (по первым буквам фамилии, имени и отчества информатора), далее — год его рождения. Полная информация об информаторах приведена в конце книги.

Основу сборника составили материалы, собранные в ходе фольклорно-этнографических экспедиций 1990—2000 гг. Пермского государственного университета и Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН, в которых непосредственное участие принимал автор-составитель сборника. Кроме того, используются материалы фольклорной экспедиции 1989 г. в Куединском районе студентов филологического факультета Пермского государственного университета (рук. К. Э. Шумов), хранящиеся в фольклорном архиве лаборатории «Фольклор Прикамья» Пермского государственного университета⁶, а также материалы экспедиции 2004 г. филологического факультета Пермского государственного педагогического университета (рук. О. И. Васнева). В результате собирательской и архивной работы удалось объединить значительное количество текстов, со всей полнотой характеризующих одну из локальных традиций Пермского Прикамья. В сборник вошли почти все записи мифологических рассказов, когда-либо фиксировавшиеся фольклористами и этнографами у русских Куединского района Пермской области.

Автор благодарит руководителей фольклорных экспедиций в Куединский район Пермской области Константина Эдуардовича Шумова и Ольгу Ивановну Васневу за предоставленные материалы, администрацию Куединского района Пермской области, управление культуры и управления образования администрации Куединского района за постоянную помощь в организации и проведении фольклорно-этнографических экспедиций, а также всех участников фольклорно-этнографических экспедиций Пермского государственного университета, и лично В.В. Жука, Е.В. Абанькину, В.А. Базанова, О.В. Базанову, Е.С. Базанову, О.В. Градусову, Т.Г. Голеву, М.В. Крысову, М.Е. Суханову. Выражаем глубокую признательность всем жителям Куединского района, с которыми нам посчастливилось встретиться во время экспедиций.

*О. И. Васнева
А. В. Черных*

⁶ Часть текстов, собранных в этой экспедиции, уже опубликована, см.: Былички и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье./Сост. К. Э. Шумов. Пермь, 1991.

РАССКАЗЫ О ДУХАХ ПРИРОДЫ

ЛЕШИЙ

Леший — один из основных мифологических персонажей быличек и бывальщин о духах природы. Среди других духов, представления о которых развиты в традициях русских Куединского района, именно лешему посвящено большее число текстов. Однако особенности хозяйственного уклада, связанные с доминированием земледелия и животноводства, с неразвитостью охоты и лесных промыслов, определили относительную малочисленность представлений о лешем, по сравнению с более северными районами Прикамья (*Былички, 1991*), с территорией Русского Севера (*Криничная, 1993*). Немногочисленны тексты, в которых рассказывается о непосредственной встрече с лесным хозяином, большинство записанных текстов раскрывает лишь общие представления о лешем.

В куединских быличках леший имеет несколько имен: *леший, лешак, лесной, лесной батюшко, лесной хозяин, хозяин, дед, дедушко, лесной суседушко, шайтан*. В некоторых случаях представления о лесном хозяине выражены нечетко, с лешим сближаются черти, нечистики и другие персонажи низшей мифологии. Как и в традициях русских других регионов (*Максимов, 1903; Криничная, 1993*), леший чаще всего предстает в человеческом облике, чаще в виде мужика, дедушки: «Вижу, мужик стоит, рубаха белая...»; «Идет он как-то, ему человек навстречу в шляпе. Рукавички под кушак⁷ заделаны...». Лишь некоторые черты внешности или поведения отличают его от живого человека. В быличке о встрече с лешим из с. Большие Кусты к таким чертам можно отнести выющиеся полы одежды: «полы у пиджака так и вертятся...», в других текстах как отличительная особенность облика лесного отмечается отсутствие у лешего бровей: «бровей у него нет. Он рукавом лицо вытер, отец и узнал, что бровей нет...». Характерной особенностью лесного в некоторых текстах является наделенность персонажа такими ирреальными чертами, как высокий рост: «такой человек, с елку ростом». Лишь в одном тексте

⁷ Широкий, в данном случае мужской пояс, надеваемый на верхнюю одежду.

упоминается, что леший в лесу живет не один, а с женой, лешачихой. В некоторых случаях леший не показывается человеку, о его присутствии свидетельствует лишь «бесовский» хохот, «звериный» крик: «и по лошадины-то, и по-коровьи-то». Появление лешего часто сопровождается вихрем, сильным порывистым ветром.

Взаимодействие лешего и человека, как правило, происходит в лесу. Наиболее распространенный сюжет рассказов — плутание, «заблуждение» в лесу, что также считается проделками лесного. Противодействием в таком случае повсеместно в районе считали необходимость переменить обувь (переодеть лапти, правый на левую ногу и наоборот, перевязать оборы лаптя не как обычно, а наоборот, «попокойнишки») и вывернуть одежду. В других случаях найти дорогу помогала произнесенная молитва (Шумов, 1994, С.271).

Пропажа скота в лесу также связывалась с лешим. Одним из действенных способов вернуть пропавший скот из «царства лесного» было жертвование лесному: «...милостыню несут в лес...»; «...хлеб ложишь на три пенька. Говорят, поможет. И говорят: “Лесной батюшка, отдай мне коровушку...”». К жертвованию прибегали и в случае пропажи в лесу человека: «хлеб в лес на пенек носили в разные места, а от пенька шли спиной вперед...». Переодевание обуви, выворачивание одежды, предписание идти от пенька, на котором положена милостыня для лешего, «спиной вперед», т.е. выполнение действий «наоборот», нехарактерных для обычного поведения, позволяет преодолеть невидимую границу мира лесного, выйти из него.

Среди сюжетов, связанных с лешим, выделяется запрет «посылать», «отсылать» к лешему. Считалось, что именно леший уводит проклятых детей, детей, чья мать, ругая ребенка, помянула имя лешего: «...Никогда не ругай ребенка, лешего не поминай, а то ребенка забрать может...». Несколько особняком в приведенных текстах быличек стоит рассказ из д. Еламбуй, в котором леший полностью идентичен домашнему духу домовому-суседке.

Из приведенных немногочисленных текстов о лесном духе, раскрывающих комплекс представлений одной из локальных прикамских традиций, видна, с одной стороны, многофункциональность этого персонажа, а с другой — тесная связь представлений о лесном с природным ландшафтом и характером хозяйственной и промысловой деятельности человека.

О лешем говорят

«В лесу тоже хозяин есть, леса без хозяина не бывает...» (с. Урталга, ЛАН, 1917).

«Бес в лесу отгаркивается: топор стук — и как кто отгаркивается. Говорят, бес отгаркиват. Бес, он ведь подделался — да за уши водит. Дак он, бес, подделается к человеку, этот бес. А вот ты вовсе не знаешь, с тобой человек говорит, а ето бес. Да. Вот мы сидим с вами, говорим, а вы окажетесь, или я бес окажуся, так и в лесу. Сёдня де ко мне бес подделался. А кто знает, как он подделатся к человеку. К человеку подделатся, уговорит, всё что надо, выпросит. Вот етот бес ходит самый в лесу...» (д. Н. Тымбай, КММ, 1915).

«Леший, говорят, есть, да кто знает. Че-то кажется. Какой-то там мужик ходит ли че ли, такой лесной, длинной...» (с. Краснояр, ЕЕС, 1923).

О встречах с лешим

«Я от отца слышал. Идет он как-то, ему человек навстречу в шляпе, бровей у него нет, рукавички под кушак заделаны. Он рукавом лицо вытер, отец и узнал, что бровей нет. Отец спросил: «Что ты такой потный?». Он ответил: «Всю ночь белок гонял!». Потом он достал рукавички и замахал ими так, что даже лес гнулся. И исчез. Это бес был...» (с. Б. Кусты, КУИ, 1923).

«А вот еще было. Мы сено косить пошли. Вижу: мужик стоит, рубаха белая, а полы-то пиджака так и вертятся. Я на скирде была, скатилась с нее, и бежать. Не один год его видели, еще бабушка моя его видела. И все в лесах...» (с. Б. Кусты, КТС, 1906).

«В нашей деревне, в Иргише, есть место, где виденья разные бывают, Холодный Ключ называется. Как-то трое рыбачили возле этого места ночью, костер разожгли. Вдруг — шум сильный, как будто буря, а ветра нет. Тогда увидели лешего, большого он роста. Испугались и убежали, а когда оглядывались, видели, как из леса вылетают головешки...» (д. Иргиш).

«Все говорят, леший есть. А раньше по ночам косили. Жнешь рожь, а потом эту жниву-то⁸ косишь скотине. А запрещали это косить-то. И вот там-то, говорят, леший. Мы слышали лешего. Так он на всяки голоса кричал: и по лошадины-то, и по-коровьи-то, и смеется, и в ладушки вроде хлопает. Он в лесу живет. У лешего жена есть, как поди, нет. Лешачиха. А вот говорят, сам-то он, леший, страшный. Если человек какой-то страшный, говорят, на лешака походит...» (д. Д. Гора, БМА, 1918).

«Был двоюродный брат. Он все ездил ловить рыбу. И вот он ловил, ловил рыбу, и вдруг перед ним стоит такой здоровый мужчина — страх Божий. И я, — говорит, — испугался его и побежал. Все оставил тут. Говорит, я бегу, а там в гору бежать до Талмаза с Лайги. Я бегу, он за мной. Я бежал, бежал, потом светать начало, он исчез, и все. Говорили, что там водится леший» (п. Куеда, КЕН, 1933).

«Про лесного-то я у мамы слыхала. У Афросиньи был брат, он в Пильве жил, в парнях. А подружка его в Иргише. У как далеко! Он к ей в летнюю ночь в Иргиш сбегат. И вот один раз он к ей бежит, и вышел такой человек, с елку ростом. Дак он так переполохался, на-верное» (д. Пильва, ЧКП, 1939).

В гостях у лешего

«В одно время у тетки дочь была. Пошли они на мельницу, она дочь-то и оставила на полдороге: «Посиди, — говорит, — ягодки поешь, я быстро». А тут мужики коров пасли. Девка-то испугалась их и ушла к могилишам⁹. Только через неделю ее нашли. «Где была?» — спрашивают. — «В лесу». — «Че ела?» — «А мне дедушка давал орешки и конфетки» (с. Б. Кусты, КАА, 1932).

«Лесной так тож де сатана какой-то. Я еще небольшая была, слыхала. Лен рвали бабы на поле. И вот одна пошла, кругом лог был и лес, лес. И почему она пошла в лес по воду? Туда, на ключ, пошла в лес этот. Ее ждали, ждали, не могли дождать. Ушли домой все. И только утром нашли ее, на бане она сидит. На банс сидит, бсс ее за-ташил. «Везде, везде водил он меня, — говорит, — он меня орехами кормил». Всяким месстом этим, заячьи катышки в фартуке у нес. Вот

⁸ Выжатое поле, оставшееся на корню после жатвы короткая солома.

⁹ К кладбищу.

он какой, бес. Он горой качат. Только ему поддайся, попробуй» (п. Куеда, ЗЛК, 1923).

Как у лешего скотину искали

«Лесной есть, теряются в лесу. [Если скотина потеряется?]. О, да, это бывало. Видать не видала, но слыхала. Как-то милостыню несут в лес, после она возвращается...» (д. Узяр, ДАФ, 1915).

«Лесной был как-от. Если заблудишься, скотину потеряешь, то хлеб положишь на три пенька. Говорят, поможет. И говорят: «Лесной батюшка, отдай мне коровушку». А раньше, говорили, не было пастуха, поэтому коровы часто терялись. Говорили, хохочет в лесу» (д. Узяр, КАП).

«Скотину потеряешь. Раньше говорили, что лешаку надо пачку табаку, пачку махорки. Со словами какими-то несут. Ставят где-нибудь на пенек» (с. Аряж, ЗКА, 1926).

«Скотину потеряют, на пенек просто кусочек хлеба кладут: «Суседушко-лесной, — скажут, — скотина потерялась...» (д. Пильва, ДЕС, 1932).

Почему нельзя поминать лешего

«Я сказала как-то: «Леший тебя унес! Надо спать ложиться, а ты тут ходишь». Мать моя услышала это. И мать меня сковородником: «Никогда не ругай ребенка, лешего не поминай, а то ребенка забрать может...» (д. Куеда, ТЗИ, 1927).

«В Земплягаше было, две девочки заблудились. Они бегут, а им сказали: «Идите вы к лешему, не бегайте здесь, не мешайтесь». И все, они ушли. Дак возле Осиновика их нашли. Они рассказывали потом, что бабушка нас орехами кормила, под свой сарафан прятала, чтобы не замерзли. А когда их нашли, у них заячьи говешки были в платишках. Вот, орехами она их кормила. Посылают к черту, они и ушли к черту, к лешему» (д. Пильва, ДЕС, 1932).

«Сестра была, и вот она, че-то девочка помешала ей, та сказала: «Леший тебя унес бы!», — говорит. Как-то вот так она сказала. И вот она на вечер, девочка, пошла туда на закат солнца, все в лог, там еще

2055522

Перевод с белорусского
БИБЛИОТЕКА
им. М. Горького

лог, сколок. Стали искать, где Лена, где Лена. Искали, искали — нигде ее нет. А кто-то все-таки ее видел, что она по горе пошла. Вот как леший, куда и унесет. Давай искать, искать. Уже темнать стало. Она где-то заревела. А она уже под кучей лежит. Ладно, нашли, с огнем ведь уже искали» (п. Куеда, ЗЛК, 1923).

Как леший водил

«В лесу — дед хозяин, заведет, что и не выйдешь. Чтобы не заблудиться, нужно переобуться» (с. Федоровск, КЯГ, 1913).

«Как-то я один раз запуталась сама. Пошла клубнику собирать, вроде дорогу хорошо знала, а свернула с тропинки-то, запуталась. Начала молитву читать. Кто-то захохотал. Опять творю. И вдруг дорога образовалась. Вышла» (с. Б. Кусты, ЛЕП).

«Вот один рассказывал. Идёт: «Ох, заблудился де я же, ведь кое-как из лесу де вышел. Что де сделалось у меня с головой?» Он не знает сам! Всё ходит, бродит и вытти не может, да в лаптях обутый. Надо накосулю переобуться... Дак ну едак вот прямо они по пути, а потом ету ногу на ту надо переобуть. Вот выйдешь из лесу скоро де...» (д. Н. Тымбай, КАИ, 1916).

«Бывало, что заблуждались в лесу. Я в одно время тоже сплутала. Никаких я шайтанов не признавала. Во время войны было. Вымылась в бане и пошла на ферму. Во втором-то логу шайтан-то меня и сбил с толку, тянет меня пуще. Шла, шла да плюнула: «Да ты, нечистый дух, пристал!». Одна женщина поставила лампочку на окошко. Я и вышла... Так бы долго плутала» (с. Урталга, БТА, 1927).

«Леший кричит в лесу, говорили. У меня брат с мужем пошли как-то по смородину, на Гришкин скол. Заходят в лес, ходят, смородину собирают. Заблудились, с утра ушли и нет, и нет. Потом они показывали то место. Леший водит, говорят. Сколько ни ходят — смородины не могут найти. Кругом хмель да черемухи стоят. Дойдут до черемухи — выйти не могут. На черемухе запятнали — шесть раз доходили до нее. И деревьесв нет больших залесзь. Муж рассердился: «Выворачивай, Григорий, рубаху!». Вывернули — и вышли. Майки, штаны вывернули. Весь день ходили, а смородины чуть на донышке у них было...» (д. Куеда, ТЗИ, 1927)

«Иван Вшивков у нас работал на комбайне. Решил передохнуть немного, пошел в лес, а там малина. Ну, он ел, ел и заблудился. Долго его искали, хлеб в лес на пенек носили в разные места, а от пенька шли спиной вперед. Что-то потеряется, что что-то надо на пенек положить. На третьи сутки только он вышел. Видимо, леший его водил» (д. Пильва, ЛКК, 1925).

«Сватья моя в деревне Малиновке пошла в другую деревню, в Березовик. Ходила, ходила, а вышла уже в Пильве, к магазину. Вот и не верь после этого в дьявола...» (д. Пильва, ЛКК, 1925).

«Старуха одна вышла за деревню, на угор, и заблудилась. Деревню видит, а выйти не может. Лапти передела накосулю, как на покойника, и вышла...» (д. Пильва, ЛКК, 1925).

«Я в лесу однажды сама заблуждалась в Тородиново. Рябину мы с мамой собирали. Я стала там, а она рядом. А потом я кричу, она кричит, а друг друга не слышно. Молитву сотворила, валенки переменяла, только тогда маму и услышала...» (с. Б. Кусты).

«Вот Настя пошли по ягоды или по чё, и там заблудились, да. Их двое суток искали всей деревней. Нечистики есть какие-то, говорят. Увели, увели их куда-то, вот они и бродили там, но потом их нашли. Стали набат бить, искать, чтобы они откликнулись. Это вот они их ведут, нечистики, а сами не показываются. Чтобы не заблудиться, говорят, надо всю одежду, что на тебе, выворотить на левую сторону. Я сама один раз выворачивала даже...» (д. Земплягаш, БЕЕ, 1927).

«Мы косили под Шайтанкой. Как раз клубника ягода поспела. Пошли собирать, встретился там кто-то навстречу: «Далеко пошли? — спрашивает. — Не заблудитесь!» — «Да я все елочки здесь знаю!». Все-таки заблудились. Ну, я лапти накосулю одела, юбку сняла — тогда нашли дорогу...» (д. Н. Тымбай, КАИ, 1916).

Леший-домовой

«Леший живет в конюшне. Если корова ему не понравится, то утром приходишь доить, а она вся в поту стоит. Лошади он заплетает из гривы косы...» (д. Еламбуй, ММД, 1926).

ВОДЯНОЙ, РУСАЛКА, ЧЕРТОВКА

Рассказы о водяных и русалках в куединских деревнях немногочисленны. Водяные духи, в отличие от лесного, представлены несколькими персонажами: как собственно водяным (*водяной, речной дедушко*), так и русалкой или чертовкой. При этом быличек о встречах с русалкой заметно больше, нежели текстов о водяном. В некоторых случаях представления о водяном подменяются представлениями о чертях, одним из мест обитания которых также становится водная стихия. В одном из текстов (из с. Большие Кусты) водяной предстает как хозяин рыб и имеет вид рыбы. Другие тексты не раскрывают образ водяного.

Наоборот, образ русалки прописывается достаточно полно. Русалка в куединских быличках имеет чаще полностью антропоморфный вид, что отличает ее от литературной русалки с рыбьим хвостом вместо ног. В одной из быличек русалка предстает похожей на сороку. Сорочий образ водяного духа сближает русалку с таким персонажем народной демонологии, как колдунья-векшица, также чаще всего предстающей в образе сороки. Характерный признак персонажа — длинные распущенные волосы, которые она расчесывает руками или гребнем. Распущенные волосы — признак потустороннего мира, обычаем запрещал женщинам появляться на людях с неприбранными волосами. Признаками бесовской природы можно считать косматость, хохлатость и шерстистость русалки: «вся в шерсти...»; «она хохлата, хохлатушша...»; «чертовка косматая...». Куединские русалки черны и черноволосы: «...Она черна-черна, вся черна...». О красоте русалки высказываются разные суждения, с одной стороны, она «...черна, но красива...», с другой стороны — «...страшная, шибко нехорошая...». Наиболее частое наименование русалки в куединских тестах — *чертовка, шутовка, русалка, шайтанка*. Образ русалки, читаемый в куединских быличках, сближает этот персонаж с севернорусскими текстами мифологических рассказов (*Криничная, 1994*).

Связь силы воды, мельниц с водными духами нашла отражение и в представлениях о связи мельника с русалками и водяным. Согласно народным поверьям, русалка или речной дедушко останавливали мельничное колесо. С представлениями о водяном связываются поверья об утопленниках: «...тонут — черт затащит, где вода вьется — туда не ходи...». Образ русалки до настоящего времени используется как верное средство народной педагогики: «русалкой пугали, чтобы дети к реке не ходили...».

«Тут главарь ихний...»

«Как-то семь карасей поймала я мордой. Зимой, заморожены были. Домой пришла — глянь! — живые. Дед мне говорит: «Отнеси рыбу обратно, мол, тут главарь ихний». Дедка и отнес в реку. Как сбухают в воду через лед, и исчезли!» (с. Б. Кусты).

О водяном говорят

«Все говорили, все черти в воде, сейчас тонут — черт затащит. Где вода вьется, туда не ходи...» (д. Узяр, ДАФ, 1915).

«Когда Ленка утонула, в омуте вода так стонет, так стонет. А мы еще и не знали, что она утонула. А в это время все кажется, что вода стонет. Ак мы по деревне бежали, от этой воды бежали, прибежали в деревню, говорят: «Ленка утонула!» (д. Н. Тымбай, ВНИ, 1934).

Почему мельницу без присмотра не оставляют

«Мельницы были в Колесухе, Ярилове, Петровке. Говорили, что там была русалка. Мельник знал эту русалку...» (с. Б. Кусты, МИВ, 1905).

«В речке речной дедушко. В двенадцать часов ночи, если мельницу без присмотра оставишь, то русалка прыгнет и остановит ее. Если так, то надо выходить и палкой липовой бить по колесу, она спрыгнет. [А на что она походит?] На сороку походит и на человека. Волосы длинные, черные, вся в шерсти, днем не выходит. Один мельником работал, видел. Как-то пришел новенький работать, увидел русалку и сказал, что больше ходить не будет, испугался...» (д. Узяр, КАП).

«Не ходите к речке, там чертовка живет!»

«Мельницы были. На мельнице чертовка у воды живет, дедушка рассказывал. Она хохлата, хохлатушка ему вышла, страшная. Шибко нехорошая. Раньше боялись ее...» (с. С. Шагирт, ГТА, 1905).

«Бани раньше были у реки. Все говорили, что там кто-то живёт. Мы боялись. Так это только, наверно, присказки. В речке кака-то чертовка косматая. «Не ходите к речке, там чертовка живёт косматая». Никто её не видел...» (д. Р. Чикаши).

«Чертовка в воде сидит. Я не видала, а от людей слыхала. Вот чертовка там сидит и голову чешет гребнем...» (с. Краснояр, ЕЕС, 1923).

«На дальнем-то пруду все тонули очень много, дак все говорили, шутовка там их затягиват. Нам наказывали — туда не ходите» (п. Куеда, ТКА, 1938).

«Вот раньше мама рассказывала, они ведь единолично жили, и говорит: сидит женщина на плотках, волосы черные чешет. Шайтанка, кто ли?...» (д. Н. Тымбай, СЕС, 1924).

Встреча с русалкой

«Чертовка — это русалка. Дочь видела, на плотках баба сидит, волосы чешет. Она испугалась, прибежала домой, рассказала...» (с. Урталга, ДЕА, 1912).

«У нас русалка есть. Я сама ее видела. Но давно. Она живет у нас вот на реке. Да, у нее место есть. На доске видела, где полоскать ходят. Но счас там берега стали крутые, а там стояла баня, и вот она... я сама видела, вечером. Она черна-черна, вся черна, но красива. Да, че-то на ней есть из одёжи, но не понять. И она вот этак сидит, голову чешет, и вот у ней волосы вот этак все чешет, и все по ноге, да, все до пятки, такие длинные. А вот у нас теперь по гору от моста. Вот тут, у меня там брат живет, вот тоже что-то тут есть...» (д. Д. Гора, БМА, 1918).

«Дедушко это сказывал. Вот мост-то тут. Он шел по мосту, на берегу де сидит русалка и волосы де долги распустила и чешет де их, волосы эти руками...» (д. Куеда, БПД, 1904).

«Русалка, женщина косматая. Она сидела там на берегу. Там елка здоровая стояла, потом ее сломило. Сидит там, чешет волосы рукой. Купаться стали, она спрыгнула. А потом она схватила меня за ногу, дак товарищ спас...» (д. Пильва, СПН, 1925).

«Русалкой пугали, чтобы ребята к воде не ходили...»

«В речке-то чертовка живет, дак это только пугали нас. Не ходите на речку — там чертовка живет, она вас уташит...» (с. Урталга, ЛАН, 1917).

«Это ведь только ребят пугали. Кому надо своих ребят напугать — вывернут шубу и идут над рекой. Волосы распустят. Русалка, она тоже хохлатая. Говорят: «Что ты ходишь хохлатая, как русалка?!». Русалку мы здесь не видели, а ребят пугали. В одном месте показалась, в другом шубу сбросила...» (с. Урталга, БТА, 1927).

«Пугали, как ребят не пугали. Я учился еще в Каскасале, в школе, в первом классе. Все говорили, что русалку видели, волосы расчёсывала. Спугнули ее, дак она даже гребень-то оставила. На плотках сидела, а там речка-то — воробей не утонет в ей...» (с. Аряж, СИА, 1923).

ПОЛУДНИЦА

Еще одним мифологическим персонажем выступает полудница. В традициях северных районов Прикамья, как и в других северных областях России, полудница появляется в полях, в самую жаркую пору лета или в полдень (*Померанцева, 1975; 1978; Былички, 1991, 29—34; Мифологические рассказы, 1996, 154—155*). В русских традициях Куединского района полудница выступает «хозяйкой» огорода. Скорее всего, в огородное пространство полудница переместилась с поля. Однако текстов, раскрывающих особенности этого персонажа, немного. Схожие представления о полуднице известны и в других районах Прикамья.

«В огороде полудница была. В огород не ходите — полудница поймает» (с. Б. Уса, КАФ, 1940).

«Про полудницу разговоры такие были. Я так понимаю, это в огороде, чтоб в огород не ходили, пугали полудницей...» (д. Узяр, КДА, 1929).

РАССКАЗЫ О ДУХАХ ПОСТРОЕК

ДОМОВОЙ, СУСЕДКО

Образ хозяина дома — домового — известен среди русских повсеместно. Исследователи связывают происхождение этого образа с духами предков, покровителей домашнего очага (*Мифологические рассказы*, 1996, 134). У русских Куединского района среди всех записанных мифологических рассказов тексты о домовом наиболее многочисленны. Причиной такой популярности домового является не только его среда обитания — жилище человека, но и многофункциональность персонажа: в его обязанности входит присмотр за домашним хозяйством, покровительство домашнему скоту, предсказание будущего, предупреждение. Именно с домовым связаны ритуалы вселения в новый дом, прихода в дом молодой невесты, приобретения домашних животных.

В кудинских быличках домовый имеет множество наименований: *суседушка, соседушко, суседко, дедка-соседка, суседушко-батюшко, суседушка-братанушко, дедушко-боданушко, дедушко-батюшко, дедушка-домовой, хозяин*. Однако наиболее частым его названием следует считать *суседко, суседушка*. Обычно человеку домовый показывается в антропоморфном или зооморфном виде, при этом антропоморфный образ встречается в текстах наиболее часто. Как правило, суседко показывается небольшим мужичком или стариком: «двое мужичков махоньких таких»; «мужичок выходит, махонький такой»; «пришел старик». В быличках из с. Урталга отличительный признак домового — пушистость: «до того пушистой и шерсть у него такая мяконькая»; «а руки как кишки, длинные такие и такая маленькая шерстка». Пушистость домового подчеркивает его отличие от человека и указывает на связь с потусторонним миром. Характерными признаками мужского образа суседки выступает и борода. В женском облике предстает в быличках жена домового *суседиха, домовиха, суседко*: «вышла баба и на меня глядит, маленькая такая бабочка». В некоторых случаях домовый с домовихой появляются вместе. Текстов, в которых домовый схож с представителями животного

мира, немного. Чаще всего его соотносят к кошкой или лаской (небольшой зверек семейства куньих). В одном из текстов домового назван ласточкой-касаткой: «домовой-то он ласточка-касатка такая, черненький, с лапками белыми и с хвостиком вот таким...», в данном случае его образ также соотносится со зверьком лаской.

В Куединском районе не известен такой мифологический персонаж, как дворовой, характерный для русских традиций других регионов (*Мифологические рассказы*, 1996, 134—138). Функции дворового в этом случае полностью переносятся на домового. Однако в одном из текстов (из с. Б. Кусты) некоторые функции домового разводятся: в этом случае рассказывают о двух домовых, один из которых — покровитель жилища и людей, а другой — покровитель скота.

Наиболее частым местом обитания домового является подпол — голбец: «из голбесу кто-то вышел»; «из голбца выходит». При переезде из голбца «забирали» домового в старом доме, в голбец же спускали его в новом. Дары домовому также следовало оставить в голбце: «коровашек положить в голбец». В некоторых случаях местом домового считается чердак: «слыхала, на чердаке домовый живет», на чердак также кладутся дары домовому — испеченный первый блин. В рассказе из д. Еламбуи домового забирают в углах старого дома, в углы дома при переезде в новый дом кладут денежки для домового. Многочисленные былички, раскрывающие связь домового со скотом, указывают на место обитания домового в конюшне. Места обитания домового в куединских быличках не ограничиваются усадьбой. Так, в д. Нижний Тымбай к домовому обращались в случае потери скота в лесу, так как считали, что «он ведь везде бегат, не сидит он ведь в избе-то».

Достаточно своеобразен и интересен текст о домовом из д. Пильва, в котором домовый выступает, скорее всего, хозяином скота: «Когда корову нову покупаешь, домой ведешь и говоришь: «Суседушко-братанушко, айда с нами». А домой придешь: “Суседушко-братанушко, живи с нами”» (д. Пильва, ДЕС, 1932). Связь домового со скотом в русских быличках прослеживается постоянно, возможно, эта функция домового — одна из древнейших, и в данном случае произошло ее обособление от множества других. С другой стороны, образ хозяина скота часто встречается в мифологии соседнего, тюркского и финно-угорского, населения Прикамья. отождествление домового и лесного духа известно в Северном Прикамье, в русских традициях Вишерского поречья (*Вишерская старина*, 2002, 31).

Не только функции лесного духа в некоторых случаях переносятся на домового, в одном из текстов домовый выступает и хозяином бани: «В баню ходить надо, и веник в тазик положить и говорить: это, домовый, тебе. Можно еще и кусочек хлебушка. Тогда хорошо в бане мыться будет...» (с. Б. Кусты, ЛЕП).

Устойчива связь представлений о домовом с ритуалами переезда в новый дом. Домового приглашали из старого дома в новый. В д. Дубовая Гора при этом требовалось опустить подол в подпол старого дома и «перенести» его в подоле в новый дом, где также опустить в голбец. В д. Еламбуи домового перевозили из углов старого дома в подпол нового на шубе. Даже в том случае, когда не производили специального ритуального действия, в старом доме требовалось произнести словесную формулу-приглашение домовому: «Дедушка-домовой, айда с нами, мы уходим в новый дом»; «Ну, суседушко-братанушко, мы поехали, и ты айда с нами. Не оставайся от нас»; «Дедка-суседка, мы уезжаем в новый дом, и ты с нами, там тебе будет хорошо». В новом доме также необходимо было просить домового: «Дедушка-домовой, спускайся в новое жилье».

Целый комплекс представлений, и, соответственно, текстов раскрывает связь домового и домашнего скота. К суседке обращались при покупке нового скота: заводя купленную корову в конюшню, произносили: «Соседушко-батюшко, прими мою скотину!»; «Соседушко-батюшко, люби мою скотину!»; «Домовой, домовый, я несу тебе скотину, и красных, и белых, всех бери, это наши, принимай их. Дай Бог добра и счастья нам». Благополучие и «вод» скота в хозяйстве зависел, по народным представлениям, от расположенности к нему домового. Так, в одной из быличек из с. Б. Кусты рассказывается о том, как домовый с домовихой кормили скот в отсутствие хозяев. В другом тексте упоминается, что домовый сам может добывать прокорм для скота. Значительно число текстов, в которых отмечается, что если домовый не любит скот, тот худеет, слепнет, «нелюбимым» лошадям он заплетает косы. В этом случае следовало поменять скот, так как верили, что домовый любит скот лишь определенной масти. В некоторых деревнях считали, что в случаях, когда домовый не любит скот, следовало дарить домового: разбросать в конюшне мелкие деньги. В деревне Ключики поступали и так: «испеки четыре каравая, маленьких, и в овин¹⁰ на четыре угла крест-накрест положи: «Суседушко-братанушко, на тебе хлеб, люби мою коровушку!».

¹⁰ Овин — хозяйственная постройка для сушки снопов.

От домового в некоторых случаях зависело благополучие хозяев: «Если хозяйка ему по мысли, он ей добро делает, в доме хорошо» (д. Д. Гора, БМА, 1918). Считали, что «если домовый полюбит, то можно все делать», и наоборот, «если дела не пойдут, значит, домовый не любит». Особенно важно было получить любовь домового при переезде в новый дом, при переходе в новый дом снохи, что, как мы отмечали, часто обставлялось особыми ритуалами дарения домового. Если молодая сноха худела или тосковала по дому, если в новом доме досаждал суседко, также следовало «откупиться» от домового: побросать монеток, хлеба, разложить в углы дома четыре булочки или каравашка. В подарках домовому следует видеть следы древних жертвоприношений духам-покровителям жилища. Кроме чрезвычайных обстоятельств, жертвование домовому проводилось и во время календарных праздников, в с. Дубленевка его совершали в Великий четверг: «В четверг перед Пасхой дарили хлебушко, денежку или шерсти в узелок, приговаривали: “Суседушко-братанушко, люби мою скотинушку, пой, корми...”». В с. Б. Кусты отмечали, что домовому предназначался первый испеченный блин. Блин как жертва домовому достаточно символичен и отчасти раскрывает природу происхождения этого персонажа народной демонологии. Блин в некоторых русских традициях — неперемнная жертва предкам, именно предкам предназначается первый испеченный блин. У русских восточных районов Урала блины — первое блюдо на поминальном столе. Как мы отмечали, происхождение домового как мифологического персонажа также связывается с духами предков.

Значительное число текстов, как и наиболее распространенные представления о домовом, связано с его возможностью предсказывать будущее. Обычно в таких случаях суседко «давил», «душил» одного из домочадцев. В такой ситуации следовало спросить: «К добру или к худу?». Часто само появление домового «в людях» расценивалось как предсказание. В других случаях таким предсказанием является плач, стон домового: «а в голове стон, домовый, верно, стонет. Ой, говорю, Галя, чей-то будет... И верно, внук в беду попал...».

В крайних ситуациях, если суседко сильно досаждал, можно было с помощью ритуальных действий избавиться от домового. В д. Дубовая Гора так поступали, если не велся скот: «салятся верхом на какую-то палку, наряжаются стариком мохнатым, и вот, по углам, верхом садятся на эту палку, на осинову палку-то, и вот в каждый угол тычут ей-то, и гоняют его, он и убегает». В д. Ключики избавлялись от домового молитвой и свечой с церковной службы: «Как свеча

прогорит, так и суседка уйдет!». Однако, как считали, в доме без домового не может быть достатка, благополучия и хорошей жизни.

«Дедушка домовой, айда с нами в новый дом...»

«В голбец спустишь свой подол и говоришь: «Дедушка-домовой, айда с нами, мы уходим в новый дом». И она в подоле его несет. В новую квартиру придет, и опять подол в подпол спускает: «Дедушка-домовой, спускайся в новое жилье»» (д. Д. Гора, БМА, 1918).

«Когда переезжаешь в новый дом, брали старую шубейку и ходили по углам старого дома, говорили: «Дедка-суседка, мы уезжаем в новый дом и ты с нами, там тебе будет хорошо». А когда приезжали в новый, то спускались в голбец, где говорили: «Вот твой новый дом. Пожалуй к нам»» (д. Еламбуй, ММД, 1926).

«Когда в новый дом заходишь, по углам деньги клади и скажи: «Суседушко-батушко, ты меня люби, хозяйошку!». В конюшню, в колодец деньги кидай» (с. Б. Кусты, МАА, 1931).

«Домовой живет в голбце, охраняет нас. Ему дают денег и хлеба. А если переезжаешь на новое место, то первую в дом пускают кошку. Если дедка-суседка полюбит кошку, то и вас тоже полюбит» (д. Кусда, УЕХ, 1928).

«Мы когда переезжали сюда, я пригласила: «Ну, суседушко-братанушко, мы поехали, и ты айда с нами. Не оставайся от нас». Раз так говорят люди, я тоже сказала» (с. Краснояр, ЕЕС, 1923).

«Раньше было грех заходить домой, пока не помолишься. Дом надо освятить. Молятся и освятят. В неосвященном доме больше блазнит¹¹» (с. Урталга, БТА, 1927).

«Говорят, когда на новое место переезжаешь, суседко едет с тобой. Если суседко любит тебя — с тобой приедет, если не любит — синяков наставит. Вот проснешься утром и весь в синяках. Мы иногда говорим: «Соседушко-братанушко, люби мою скотинушку. Суседушко-братанушка, люби и меня»» (с. Б. Кусты, МИВ, 1905).

¹¹ Кажется.

Молодая должна дарить домового

«Когда я пришла сюда жить, бабушка сказала мне бросить в колодец денежек. Я их бросила, зачем, не знаю. Еще говорила, чтобы я сделала коровашек хлеба маленький и положила его в голбец дедушке-соседушке» (д. Куеда, ЛРМ, 1936).

«Молодая, когда к мужу переезжат, приходит наперед к колодцу: «Батюшка-соседушка, воду мне давай!». Копейки бросали серебром. Потом в загон¹² идет, тоже копейки бросали» (с. Б. Кусты, УАП, 1925).

«Говорят, не ко двору пришла сноха, хворат или тоскует. Суседко не полюбил» (с. В.-Сава, ВФК, 1909).

Суседко давит...

«Суседко давит. Если некрепко спишь — слышишь. Деда-то моего душили. Проснулся и выговорить не может. Все горло сдавит» (с. Б. Кусты, УАП, 1925).

«Даже такая история случилась с моим мужем. Его ночью будто кто-то душил, наверное, это была дедка-соседка. А когда он душил, значит, подает знак — к добру или к злу. Так муж ничего у него не спросил, но ничего не случилось...» (д. Еламбуй, ММД, 1926).

«Если суседко давит, нужно спросить, к добру или к худу это...». (с. Б. Кусты, САМ, 1909).

Встреча с домовым

«Две девушки в комнате жили. Пришли, кто-то ходит, дышит, а они никого не видят. Дык все едину трогает и гладит, а другу нет. Тоже ведь чудно...» (с. Б. Кусты, ШФИ, 1929).

«Сениха сказывала, дома сидела, кого-то стряпала — из голбесу кто-то вышел больше кошки, а на кошку не похож, она глядела-глядела, да замахнулась на его — убежал. Кто это?! Да домовый... Конечно, бывают оне...» (с. Б. Кусты, ЛЕП).

¹² Здесь: конюшня, огороженное пространство во дворе для скота.

«Вот когда я еще в Дойной-то жила, был у нас на конце села дом. В нем никто не жил. Сколько людей-то покупали его, да все уезжали. Кто-ить в нем жил-то, рассказывали. Иногда обернешься, а из спальни двое мужичков махоньких таких выглядывают в большую половину. А как к двери подойдешь — исчезнут. Вот все из дому бежали — боялись. А это, наверное, суседко выглядывал. Он, может, голодный был, дак ему поись никто дать не догадался...» (с. Б. Кусты, КТС, 1906).

«Вот на самом деле, знаешь, в суседко я верю. У меня когда сын умер, мы привезли его, здесь он лежал, а мы вот на койке лежали. И вот суседко ко мне пришел, и я его гладила. До того ведь пушистый. До того уж он мягкой, вот я это верю. Зачем приходил — не знаю. Я его самого-то тоже не вижу, а вот поглаживаю его. Сама глазами вроде бы и не гляжу, а глаживаю его. А вот у его шерсть, дак как пушиночка. Просто вот он пелится ко мне, а я его глажу. Больно уж он пушистый. Я его по спине гладила...» (с. Урталга, ЛАН, 1917).

«Вот я пошла в баню стираться. Замерзла там, пришла домой, залезла на печку. Слышу: кто-то меня зовет — Ройсья. Бывает, шью на машинке, а кто-то дышит мне в плечо. Я говорю: “Кто это, почто мне в плечо дышишь. Иди прочь!”» (д. Куеда, ЛРМ, 1936).

«Поженились мы с мужем недавно и в новый дом пошли. Только зашли. Тут вышла баба и на меня глядит, маленькая такая бабочка. Руки в боки уперла, глаза выпучила и не мигает. Я испужалась-то, стою, за мужнин рукав схватилась. Говорю ему: «Гляди, гляди, что это баба на меня смотрит?». Она исчезла. Вот, это суседиха была...» (с. Б. Кусты, КТС, 1906).

«Один раз такое было. Я училась на пчеловодстве. И вот меня девчонки позвали. У нас одна жила у одного дядьки. «Айда, — говорит, — веселее артелью-то!». Ну ладно, веселее, веселее артелью. Мы легли спать, а меня положили к лавке на пол. Че, раньше много ли кроватей было. И вот, легли, и вот ко мне приходит старик... А вечером-то, правда, лук ели у хозяйки. Тогда-то че, какая уж еда была шибко-то. И вот я вижу во сне, пришел старик ко мне и говорит: «Ты, — говорит, — не ешь больше лука, а то я к тебе ходить не буду. То ли я это во сне видела, то ли че? Ох, как я испугалась. Скорее уж к девчонкам приблудилась, поймала. «Че, — говорят, — ты че?» —

«Ко мне старик пришел, да говорит лук-от не ешь». Как только спать ложиться, ну скорей на лук нажимать...» (с. Краснояр, ЕЕС, 1923).

«Суседко, дома в Сандияке спала, не к стене лицом. Кто-то пришел и за мной лег. Смотрю, шупаю, голова такая гладкая, а руки как кишки, длинные такие, и такая маленькая шерстка. Хотела свет зажечь, а он раз меня по рукам. Хотела спички взять, он опять по рукам...» (с. Урталга, ТПВ, 1924).

«У меня умерла мама, так вот слышу однажды, кто-то в доме свет включил. А дома никого кроме меня. Я встала и говорю: «Кто задумал меня пугать, я здесь хозяйка и никого не боюсь». После чего я все рассказала Марусе, и она пришла ко мне ночевать. Когда тебя кто-то давит, то надо говорить: «Господи, Иисус Христос¹³, помилуй мя, грешную» (д. Пильва, ЛКК, 1925).

«Дома жила, ребятишками были еще. Родители уехали, братья ушли в клуб, а нас с Сашкой оставили. Сашка спит, а я нет, боюсь темноты. Слышу: кошка прыгнула, смяукала. Я притаилась. Слышу: шаги тяжелые, как сапогами стучат. Я вся боюсь, вся вспотела. Подходит к кровати, остановился, я одеяло на уши натягиваю. Думаю, сейчас тяпнет. И тут слышу: ребятишки из клуба идут. И — раз, ниче не стало» (с. Б. Кусты, МЛВ, 1968).

«У суседей-то спали девки. Отец с матерью уехали на базар да куда ли, в гости ли... Спали молодые, девчонки. Да сноха видно, была. Утащил с них кто-тося ватолу¹⁴ в голбец, утащил» (д. Куеда, БПД, 1904).

Если суседко не залюбил

«Вот некоторые хозяева в дом войдут и им все кажется, что кто-то пугает. А вот еще соседка говорит: «Спать боюсь. Как только глаза закрою, из голбца выходит и целоваться лезет с бородой такой...». Я говорю: «Это суседушко тебя не любит. Откупись, скажи: «Суседушко-батюшка, не обижай меня». Монеток покидай. Я вот с кошкой в этот дом вошла, говорю: «Соседушко-батюшка, не обижай нас. Люби нас с кошечкой». И откупилась. Копеечек сколько-то покидала

¹³ Здесь и далее в текстах, записанных от старообрядческого населения, сохранено написание имени Иисус.

¹⁴ Большое тканое покрывало, использовавшееся как простыня и одеяло.

по углам. А у скотины другой. Надо сказать: “Соседушко-батьюшко, люби моего поросеночка, чтобы худа не было”» (с. Б. Кусты, ПЕ, 1921).

«Если домовый полюбит, то можно все делать. Если дела не пойдут, значит, домовый не любит. Мать моя, прежде блины делает, первый смажет чем-то и доверху кладет куда-то, на чердак...» (с. Б. Кусты, ЗВИ, 1929).

«Домовой есть. В новый дом когда переехала, каждое утро, как ни встану — в синяках. Сказали, это я хозяйина не благодарила. Надо испечь булочки и в каждый угол положить. Сделала так, и ничего не стало...» (с. Бикбарда, ЩАВ, 1919).

Суседко предсказывает

«Было как-то раз. Хожу по дому, а в голове стон, домовый, верно, стонет. Ой, говорю, Галя, чей-то будет. Тут переговоры мне другая дочь заказала. И верно, внук в беду попал...» (с. Б. Кусты, ЛЕП).

«Другой случай, когда переехали в новый дом сюда, в Еламбуй, то в старом доме, подруга сказала, кто-то ревел, очень страшно, голос похож на женский. Подруга подумала, что это я реву, а я сказала, что там не была. Ревело два дня, я думаю, что это ревело горе. Ведь через несколько месяцев у меня утонули двое детей, сын и дочь. Может, домовый давал знак, что дети утонут» (д. Еламбуй, ММД, 1926).

В Великий четверг дарили домового

«В четверг перед Пасхой дарили хлебушко, денежку или шерсти в узелок, приговаривали: «Соседушко-братанушко, люби мою скотинушку, пой, корми...» (д. Дубленевка, ПАП, 1931).

Суседко ребенка пугает

«Если ребенок по ночам вздрагивает — это его суседко пугает. Тогда от своего кусочка, когда ешь, надо отломить крошечку и в подвал в щелочку спустить. Или серебрушку денежку кинуть. Он ведь не любит...» (с. Б. Кусты, КАА, 1932).

Суседко прыдет

«Домовой-то топал, шаги страшные. Пугат человека. А еще пряха он. Спали, я, да Татаркиных сестра, вместе лежим. Она мне и го-

ворит: «Ты, Манюшка, спишь? Слышишь? За пряхой шерсть прыдут?». Пошли мы посмотреть. А суседко-то уже много на веретешко напярл, намусолил сильно. Но самого-то мы не видели, не успели...» (д. Н. Тымбай, УММ, 1915).

Ласточка-касаточка

«Отец говорил, домовый-то он ласточка-касатка такая. Черненький, с лапками белыми и с хвостиком вот таким» (д. Кашка, ГПА, 1922).

«Поиграй да отдай...»

«Слыхала, на чердаке домовый живет. Только его нельзя домовым звать, а надо хозяином. Вот, когда потеряешь что-либо дома, это, значит, черт взял поиграть. Надо ходить и говорить: «Черт, черт, поиграй да отдай!». Обязательно отдаст...» (с. Б. Кусты, БЛП, 1938).

Как суседко скучал

«Я уехала в Соликамск, к дочери, и долго у ее жила. Вот вернулась домой, ночью заснула, вдруг слышу, как меня давит кто-то на грудь, мне и не вздохнуть. Проснулась. Гляжу: нет никого! Я опять лежу. От уснуть-то не успела ишшо, гляжу, а из-за печки ко мне мужичок выходит, махонький такой. Подошел ко мне и с ног-то так и шшупат, так и шшупат. Руками-то все выше, выше, так до груди дошел, да так сдавил. Уж так мне худо стало. Ему говорю: «Суседушко-батушко, отпусти ты меня. Да я, суседушко, никуда не уеду больше, не оставлю тебя одного». Он меня тогда и отпустил...» (с. Б. Кусты, КТС, 1906).

Когда скотина не ко двору

«Суседко хвосты заплетет. Нас суседко не любит, у лошади гриву заплетает» (с. Б. Кусты, УАП, 1925).

«В каждом хозяйстве есть домовый. Если не залобит кого-то — запарит. Лошадь у нас стояла взмыленная вся и овса и не ест. Если не залобит корову, ослепнет. У нас ни черные, ни белые в доме коровы не водились. Сивые лошади тоже не велись. Была у нас сивая — так зайдем в конюшню, у нее хвост и грива перепутаны, как человек заплел. Вот поди-ка докажи» (с. Б. Кусты, КУИ, 1923).

«Суседко мучит, это есть. У людей бывало. Скотину не залюбел. Она не понравилась, он вымучит. Она мокрая и днем, и ночью. Кто продает, кто заколет. Такие заплетает косюли. Ты думаешь, путевую косу? Если не любит — наплетет, раз уж не залюбил. Ее, милую, сразу узнаешь, скотину бедную» (д. Н. Тымбай, КММ, 1915).

«Раньше говорили, что кто-то гоняет по ночам скотину. Это говорили, что если лошадь суседко не любит, не ко двору, он наплетет ей такие петли и качается. И лошадь худеет, а если любит, наоборот. Все говорят: “Суседушко-братанушко, люби нашу скотинушку, пой-корми скотинушку, не давай в обидушку”» (с. Краснояр, ЕЕС, 1923).

«Был такой случай. Телка у нас была. Раньше скотину держали — все нормально было, а эта каждое утро мокрая. Сказали, что ее не любит хозяин. Надо деньги в конюшне по углам побросать. Так и сделали, вроде, помогло» (с. Б. Кусты, ЛТА, 1930).

«Есть суседушко. Он если скотину не любит, всю ее иссечет. Ты его подари — испеки четыре каравая, маленьких, и в овин на четыре угла крест-накрест положи: «Суседушко-братанушко, на тебе хлеб, люби мою коровушку!». Скотину дома одной масти держать надо, тогда суседко любит» (д. Ключики, СВГ, 1922).

«Когда суседко не любит лошадь, дак ведь гриву-то всю исплетет, косы исплетет. Это уж знай, что суседушко напелел. Не ко двору она, эта скотина, надо менять на другую. Еще этот суседушко может от другого соседа перенести корм ко своему, другому соседу...» (д. Куеда, БПД, 1904).

«Суседко, которую лошадку любит, так кормит, а нет — гоняет. Сосед говорил: «Одна лошадь совсем плоха стала, худая стала — хозяин гоняет. Продав эту, купил другую, так ту суседко полюбил, все кормил...» (с. Б. Кусты, САМ, 1909).

«Суседко в каждом доме есть. Суседко, который скотину не залюбил, по конюшне гоняет. Нужно пеструю лошадь иметь, такую не гоняют. У одного мужика лошадь была, она была карая. Ничего не ела. Он придет в конюшню, а она чуть живая. Потом он эту лошадь продал, купил худенькую, но пегую. Она стала, как печь...» (с. Б. Кусты, САМ, 1909).

«Суседушко косички заплетает, если не любит скотину. И потная скотина бывает. Гладенькая бывает скотина, если суседушко любит...» (с. Б. Кусты, МАА, 1931).

«А вот то скотина пропадет, или самой нездоровится, стало быть, не по нутру хозяйка. Я ведь уже говорила про скотину. Он на ней издит. Он вот если лошадь не любит, он всю гриву исплетет ей в сосульку. А если лошадь он не любит, он даже косы наплетет» (д. Д. Гора, БМА, 1918).

Как домовый за скотиной ходит

«Вот у нас раньше было тут. Уехали у нас одне, никого дома не осталось, а скотина-то не ревет. День прошел, другой. Вот соседи-то и решили подсмотреть, в чем тут дело-то. А того не знают, что это домовый с домовихой всю скотину кормили. Глянули они во двор, а там домовый с домовихой катаются. От и поняли, почему скотина не ревет, кто ее поит, кормит. А суседко на всех обиделся и ушел со своей суседкой из дома. Так скотина потом три дня редела — смотреть-то за ней некому стало. Вот так у нас было, а щас этого ничего нет» (с. Б. Кусты, КТС, 1906).

«Соседушко-батюшко, люби мою скотинушку...»

«В каждом доме домовый есть. Он ведь не покажется. Купишь скотину. Придешь с ней, говоришь: «Соседушко-батюшко, прими мою скотину!». Если не полюбит, наутро вся скотина взмокшая будет, а лошадь если, то грива вся взъерошена будет. Не знаю, ласка это сделала или домовый — не пойму. Никто его никогда не видит» (д. В. Тымбай, КАМ, 1926).

«Это знаете, когда я скотину домой несу, говорю: “Домовой, домовой, я несу тебе скотину, и красных, и белых, всех бери, это наши, принимай их. Дай Бог добра и счастья нам”» (с. Б. Кусты, ПЛП, 1937).

«Когда скотину заводишь, говоришь: “Соседушко-братушко, люби мою скотинушку!”» (с. Урталга, ЛАН, 1917).

«Перед тем как скотину домой завести, нужно сказать: “Суседушко-братанушко, люби нашу скотинушку...”» (с. Б. Кусты, САМ, 1909).

«Скотину когда на двор приводят, говорят: «Дедушко-батьошко, полюби нашу скотинушку». Если домовый скотину полюбит, то она и домой ходит, а нет — так и не ходит» (с. Бикбарда, ЩАВ, 1919).

Если скот потеряется

«Есть, наверное, домовый. Суседушка-боданушко называется. Скотина пропадет, идешь в лес: «Дедушко-боданушко, выведи мою коровушку». Он ведь везде бегат, не сидит он ведь в избе-то...» (д. Н. Тымбай, КММ, 1915).

Как прогнать домового

«Да, вот скотина худа, все говорят, не ко двору эта скотина. Дедушко-домовой, говорят, ее не любит, за то она и худая. Ну, раньше-то, говорят, садятся верхом на какую-то палку, наряжаются стариком мохнатым, и вот, по углам, верхом садятся на эту палку, на осинову палку-то, и вот в каждый угол тычут ей-то, и гоняют его, он и убегает. Наряжаются как дедушко-суседушко...» (д. Д. Гора, БМА, 1918).

«У меня вон суседко не любил, когда бутылки были, стояли. Все их собьет. Я со свечой со службы из церкви пришла, три раза «Отче наш...» прочитала, свечу поставила и говорю: «Как свеча прогорит, так и суседка уйдет!». Ну и не было его больше. Но плохо потом и жилось, несчастья одни» (д. Ключики, СВГ, 1922).

Хозяевам бани — баннику и баннице — в пантеоне мифологических персонажей отведено особое место. Далеко не все постройки усадьбы у русских имеют своих мифологических духов-покровителей. Баня — не только необходимый элемент в бытовой культуре русских Прикамья, где моются и парятся, сушат лен, рожают, собираются вечером на посиделки. Особое отношение к бане связано с ее почитанием как исключительно сакрального пространства. Мытье в бане, связанное с идеей очищения, — необходимый элемент многих обрядов и ритуалов. С другой стороны, баня — место нечистое, в ней нет икон. Баня — место обитания не только банника, но и чертей и бесов. Именно здесь легче всего установить контакт с нечистой силой. Поэтому многие святочные гадания происходили в бане. В бане совершалось посвящение в колдуны (см. раздел «Рассказы о знающих»).

Множество предписаний регламентировало поведение и отношение к бане у русских Куединского района. Банную воду не разрешалось пить и использовать для хозяйственных нужд. После бани обязательно следовало умыться или ополоснуться дома чистой, «не банной», водой. Посудину (ковши, тазы, емкости для воды) в бане не оставляли открытой или перевернутой. Не разрешали мыться в бане без креста. Строго оговаривали, что «заспор в баню не ходят». Регламентировалось и время посещения бани: «нельзя мыться в третий пар»; «нельзя мыться в двенадцать часов», так как в это время баня поступает в распоряжение нечистой силы. Столь многочисленные «банные предписания», характерные для района, обусловлены и тем фактом, что значительная часть его русского населения придерживалась старообрядчества.

«Нечистый», опасный характер бани определил и особенности банника как демонологического персонажа. Банник, как правило, существо опасное, агрессивное по отношению к человеку, в отличие, например, от домового, который защищает и помогает человеку (правда, в некоторых текстах куединских быличек банник может связываться с домовым). Банник может выступать как мужским, так и женским персонажем. Типичное и повсеместно распространенное название хозяина бани в текстах быличек — *банник* (для мужского персонажа) и *банница* — для женского. Практически нет в собранных материалах описания внешнего облика хозяина бани, лишь в некоторых быличках из с. Б. Кусты оговаривается, что он «в виде дя-

дечки»; «заходят две женщины, одна с тазом и веником, другая просто так...». Часто действующим лицом в бане становятся черти: «черти мылись... такие волосатые с хвостами».

Встречи с банником происходят, как правило, в тех случаях, когда нарушается один из запретов: баня посещается либо в третий пар, либо в неурочное время, в полночь, поздно в баню идут на спор, хвалятся тем, что никого не боятся. Баня полностью находится в распоряжении банника, поэтому не известны и особые охранительные действия. К ним, впрочем, можно отнести ритуалы дарения банника. В д. Никольск они приурочивались к посещению новой бани. Хозяину бани в первое ее посещение следовало подарить денежку, бросив ее в котел горячей воды (д. Никольск, ААП, 1922). В с. Б. Кусты жертвовали при каждом посещении: ««В баню ходить надо, и веник в тазик положить, и говорить: это, домовый, тебе. Можно еще и кусочек хлебушка. Тогда хорошо в бане мыться будет...» (с. Б. Кусты, ЛЕП). Встреча с банником также не всегда может закончиться безобидно для человека, некоторые былички раскрывают и смертельные исходы, связанные со встречей с банником и нарушением предписаний.

Особый комплекс представлений связан с баней, банником и родильницей. Так как роды раньше чаще всего происходили в бане, строго запрещалось оставлять даже на короткое время в бане новорожденного. В случае нарушения запрета ребенка могли подменить (см. раздел «Рассказы о подмененных»).

Банника дарить

«Когда в новую баню идешь первый раз, или просто в баню другую идешь первый раз, надо в воду денежку бросить, прямо в котел, где горячая вода, для банника...» (д. Никольск, ААП, 1922).

«В баню ходить надо, и веник в тазик положить, и говорить: это, домовый, тебе. Можно еще и кусочек хлебушка. Тогда хорошо в бане мыться будет...» (с. Б. Кусты, ЛЕП).

После двенадцати в бане не моются

«После 12 часов ночи нельзя мыться в бане, а то могут черти утащить» (с. Федоровск, КЯГ, 1913).

«Банник есть, ага, в бане. Летом пошла в баню одна, села на пол, в двенадцать часов ночи. Была у нас одна, так ее за ногу схватил и под полок потащил. А не знаю кто. Видно, есть кто-то. А ведь и не

так чтоб темно было, лампушка была. Она голая домой улетела...» (д. Н. Тымбай, ВАА, 1932).

«Сейчас есть-не есть такое, а раньше верили, всякие векшы да домовые, да в бане черт знает что. Правда, вот, не правда все это? Мне мама раньше не врала, рассказывала. Раньше ведь бани не ставили у домов, у речки далёка, ни свету, ниче там в то время. Вот пришли с работы, а баню-то истопили к ночи, время было много, а уж в одиннадцать часов в баню пошли. Тетка Таня, видно, вперед пошла, а мамка потом. Раньше ведь ни электро, ниче не было, может, ей фонарь тут оставить, тетка спросила. Она ей говорит: «Я фонарь уберу». А та ей: «Ты иди, иди...». Вот она фонарь унесла, я, говорит, осталась, думаю, выпарюся и одеваться буду. При фонаре воды направила, все. Вот, говорит, только унесла, стук в дверь. Я глаза зажмурила, а там и так темно, че зажмуривать. Опять, говорит, парюсь и слышу: вся каменка¹⁵ рассыпалась. Опять парюсь, только бы взяла перекрестилась. Бог ли меня спаси, ли чё. Она опять говорит: «Не пугай. Не пугай! Никого все равно не боюсь в своей-то бане». И дальше продолжаю. Вот опять, говорит, стук. Кто-то по полке-то. Ну че делать-то. А в углу-то полочка¹⁶ была, где одёжа была свернута, чисто. А вон где баня-то, под горой. Я, говорит, нацелилась прямо в дверь. Как с полка-то прыгнула, рукой-то сцапала, а кто-то успел меня за ноги схватить, да так, по всей ноге, ну, ногтями, говорит, прощоборил. И босяком, и лапотки под пазухой, босяком летела домой. Пролетела сразу к тете Пане. Она говорит: «Че, мол, черти-то за тобой гнались?» Само понятно, голая дак. Вот, говорит, с той поры никогда не надо так говорить, с молитвой все, да и уж без свету-то не надо оставаться. Ну и че, дак так де у меня ноги всю ночь горели, а ссадины-те на снегу померзли. На следующий день пошли с теткой Паней-то в баню вместе проверять. Зашли: и каменка на месте, и все тазы на месте, и никто не гремел, и ничо не падало, все на месте...» (д. Н. Тымбай, ВНИ, 1934).

«Нагишом из бани убегали...»

«Говорили, что кто-то есть в бане, нагишом из бани убегали. Бабы стали париться, тетка, покойная. Села на порог, ей эдак оцарапил ногу. А увидеть, дак никого не видели» (д. Куеда, БПД, 1904).

¹⁵ Печь в бане, печь по-черному, сложенная из галек.

¹⁶ Полка.

Заспор в баню не ходят

«Золовка Прасковья рассказывала. Пошла она на спор в баню, в третий пар, часов в одиннадцать-двенадцать. Начала мыться. Тут камни полетели, камни летят и стучаются об пол. Она убежала. Утром пришла — никаких камней нету. Каменка целой оказалась. Заспор не надо ходить было в баню...» (д. Н. Тымбай, КАИ, 1916).

Пошла она рожать в баню

«Мать моя была сирота, мачеха была у ей. Пришла она рожать в баню с баушкой. Родила двойню. Баушка утром и говорит: «Посиди, я домой схожу, пошлю к тебе девчошку или мужа». Сидит она, заходят две женщины, одна с веником и тазом, другая просто так. Одна другой говорит: «Давай ребятишек унесем!». Другая говорит: «Запарим!». Спорят и спорят, и нет между ними согласия. Пришла в это время девчошка ее, они и исчезли. Прибежала, говорит: «Сейчас тятю пошлю». Так нет, не осталась мачеха, пошла, посреди огорода ушла, муж за ней прибежал потом...» (с. Б. Кусты, САА, 1908).

Как в бане черти мылись

«У моего двоюродного брата в бане черти мылись. Давно это было. Воды налили горячей, взяли веник и давай париться. Он из клуба шел, услышал, что гремит в бане что-то, заглянул — а там такие волосатые с хвостами. Он испугался и убежал. Потом пришли в баню, а в тазике вода и веник чуть живые...» (с. Б. Кусты, САМ, 1909).

Как мужик с чертом в бане боролся

«Когда я сюда приехала, первый год жила, был у нас мужик один. Ох, не помню уж, как его зовут-то. Ну, он в чертей да колдунов не верил. Все отвечал: «Брехня это все. Ничего такого нет. Я, — говорит, — сам черт». Вот пошел он в баню однажды. А после двенадцати часов пошел. Потом сказывал: пришел к нему черт в виде дядечки. Он схватился с ним. Мужик-то сильный был. Черт-то его все на каменку метил бросить. Боролись, боролись, не смог черт его побороть. Размахнулся им да как бросит его в дверь, так косяк-то и вылетел. Мужик-от три дня лежал. Без языка был. Только на четвертый день и отошел...» (с. Б. Кусты, СМП, 1934).

Как девку в бане погубили

«Вот мне рассказывали: жила тут девка одна — вон, где угор сейчас. Ну и пошла она однажды баню топить. Только-от топить-то начала, слышит. Голос какой-то ей говорит: «Топи баню жарче, чтобы кожу снимать ловчее!» А она, глупая, баню дальше топит. Вот вытопила баню-то, пошла та девка с матерью. Ну, вымылись оне, вышли уже. Девка-то и говорит: «Обожди, я поводник там оставила. Пойду, заберу!». Мать ей отвечает: «Да брось ты его. Завтра возьмешь». Та не послушалась, все одно в баню вернулась. Вот мать-то подождала ее и кричит: «Где ты долго?» А та отвечает: «Сейчас, сейчас!». Сама из бани не выходит. Мать опять ей кричит: «Где ты долго там?» Девка-то опять ей: «Сейчас, сейчас!». Три раза ее мать звала, а потом видит: плохо дело. Она мужиков-то в баню и послала. Они пошли туда и видят: девка уже наполовину ободрана. Черти-то ее предупреждали же, не послушала...» (с. Б. Кусты, СМП, 1934).

РАССКАЗЫ О ПОДМЕНЕННЫХ

Целый комплекс быличек связан общим сюжетом подмены ребенка нечистой силой. И хотя в этих текстах действующими лицами выступают уже известные персонажи (банник, банница, чертовка, леший, черт и т.д.), общая сюжетная линия позволяет вывести эти рассказы из разделов о духах природы и построек и поместить отдельно.

Основная сюжетная линия большинства рассказов о подмененных такова: леший, черт, чертовка, банница, банник по какой-либо причине (оставленные без присмотра новорожденные; проклятые дети; кто-либо — как правило, дети, которых «послали» к лешему или черту) подменяют ребенка. Ребенок до восемнадцати лет живет в мире нечистой силы, обычно в бане. По истечении этого срока подмененного вызволяет парень, зашедший в баню в неурочное время (в двенадцать часов), или с целью выйти на контакт с потусторонним миром (отправился в баню ворожить). Вместо подмененного ребенка в колыбели родителей оказывается осиноый кол, полено.

Мифологические персонажи, совершающие подмену, как мы отмечали, в куединских быличках варьируются, в то время как в большинстве других пермских вариантов подмена все-таки осуществляется банником или банницей (*Шумов, Черных, 1996, 187*). Подмена могла произойти в нескольких случаях. В одних быличках подменяют оставленного в бане без присмотра новорожденного ребенка, в других — проклятых либо «отправленных» к лешему, черту детей. В двух записанных текстах констатируется подмена, но отсутствует ее мотивировка. Как мы отмечали, наиболее часто вместо подмененного ребенка оставляют осиноый кол или осиновое полено. Выбор осины при этом не случаен: осина, по народным представлениям, известным русским и Куединского района, — «чертово», «иудово» дерево. «Нечистость» осины, ее связь с потусторонними силами объясняется легендой, что «на осине Иуда повесился...». Местом обитания настоящего ребенка после подмены чаще всего становится баня. Лишь в одном из текстов местом, где находится подмененный, становится голбец поповского дома.

Тексты о подмененных детях часто и самими информаторами расцениваются как сказка. Современный читатель также вряд ли поверит в возможность проживания до восемнадцати лет с банником. В то же время сюжет построен на универсальном для традиционных культур многих народов представлении о существовании двух параллельных миров, мира человеческого и мира потустороннего, которые пересекаются лишь в определенное время, в определенном месте и при определенных обстоятельствах. Согласно этим представлениям человек действительно мог находиться в ином мире, на чем построены не только сюжеты о подмененных детях, но и сюжеты о гостевании у лесного в северном Прикамье и т.д. (Подюков, 2004, 90—91). Вернуть подмененного ребенка в мир человека можно несколькими способами. В одном случае подмененного «рубили под корытом», — считалось, что после выполнения такого действия ребенок либо выздоровеет, либо умрет (Шумов, Черных, 186—187). В большинстве приведенных текстов единственная возможность для подмененной девушки вернуться в мир людей — совершение свадебного ритуала (иногда особо оговаривается обязательность венчания).

«А раз подмененный, то не жилец...»

«Я вот от свекрови слышала. Одна баба родила парня да на второй день мыть его пошла. А воды-то в бане нет, она его на лавку в бане положила, а сама за водой побежала. Приходит, а парнишка-то под лавкой лежит. Когда его достала, совсем не такой оказался, какой был. Они осиновое корыто сделали, сверху им ребенка накрыли и рубили до трех раз. Через день помер. Стало быть, ребенок подмененный был. А раз подмененный, то не жилец...» (с. Б. Кусты, КТС, 1906).

«Вот она в бане-то и жила...»

«В двенадцать часов ночи ходили в баню, зачем-то девятый кирпич доставали. Мне брат рассказывал. Один парень пошёл. Только кирпич взять — его кто-то поймал. И говорит девка: «Если замуж возьмёшь — отпущу, не возьмёшь — не отпущу». Ну ему чё делать — согласился. «Приходи завтра, принеси мне платье!». Он принёс, она оделась — така обыкновенная девка. Она говорит, её мать прокляла, вот она в бане-то и жила. Проклинать-то нельзя. А у матери-то осиновый кол остался в зыбке. Ну, женился, взял её. Она вспомнила всё, поехала к родителям. [А кто поменял?] Чёрти да биси, леший ли...» (с. Р. Чикаши).

«Настоящая девка у банницы росла...»

«Пошел парень в баню воровать. И кто-то в него вцепился и не отпускает. Он смотрит: девка перед ним. Она и говорит: «Замуж меня возьмешь, тогда и отпущу». Парню нечего делать, согласился. Она ему тогда наказывает: «Приходи в двенадцать часов в баню со сватами. Выйдет нас двенадцать девок, а чтобы ты меня отметил из всех нас одинаковых, я ленточку на плечо себе пришью. И с каждой стороны будет стоять по три мешка. Так ты возьми те, что справа». А может, слева она ему сказала, я уж не помню. А в мешках-то деньги были, приданое ее. Он так и сделал. Вот свадьбу сыграли, сколько-то прожили, она и говорит-де: «Поехали к моим родителям». Парень с родителями подивились: «Да куда ехать-то?». А она все пристаёт. Ну, те согласились. Ехали, ехали, остановились у одного дома, вошли. Глядят: женщина сидит, зыбку качает. Девка к зыбке подошла. Да как швырнет ребенка к порогу: «Кого растите!» А ребенок-то вдруг поленом стал. Подмененный, видимо, ребенок был. А настоящая девка у банницы росла...» (с. Б. Кусты, КТС, 1906).

«Чертовка украла и восемнадцать лет воспитывала...»

«Мама моя случай рассказывала. Родился ребенок и не растёт. Ест, а не растёт. Поповский ребенок-то был. Восемнадцать лет пролежала в колыбели девочка да такой и осталась. Потом у той семьи, как двенадцать часов наступает, в малой избе свет зажигается. Утром приходят — никого нет, а пола вымыты, все чисто. Работника попова послали туда ночью посмотреть. Пришел он, залез на печку. Открывается половица, девушка выходит красивая, начинает прибираться. Потом говорит: «Ну, выходи, молодой человек, или боишься? Выходи, бери меня замуж!» — «Ты, может, чертовка?» — «Нет». — «А венчаться будем?» — «Хоть сейчас». Пришли к попу: «Венчай нас!». Обвенчал. Девушка в избе сидит и спрашивает: «Что в зыбке-то?» — «Ребенок». — «А сколько лет ребенку?» — «А вот уже восемнадцать лет не растёт». Девушка взяла ребенка на руки, перекинула через левое плечо, тот поленом обернулся. «Я ваша дочь, — говорит, — меня чертовка украла и восемнадцать лет воспитывала. И приданое припасла». Под пол пошли — там сундук стоит...» (с. Б. Кусты, САА, 1908).

«Где баня топлена, туда меня и ведут...»

«Это как сказку бабушка рассказывала или правду. Скорее всего, правду. Собрались, ну много там собралось. Ходили воровать, пар-

ни, девки. Одному парню пришлось первому зайти по договоренности. Зашел он, стал камень брать: как рука поймает. Вот его девка за руку взяла и говорит: «Возьмешь меня замуж». Он оплошал, вначале-то хотел сказать, что нет. Потом говорит: «Возьму!». Она ему говорит: вот к такому времени туда-то придешь с ответом, когда свадьба будет, да че да. И оне договорились. И вот эта девка сказала: «У вас в деревне есть такие, такие. Можете, — говорит, — никого на свадьбу не звать, а одних позовите обязательно, мужа с женой». Он пришел к матери и говорит: «Есть такие?». — «Есть». Ладно, свадьба собралась большая-небольшая, это уж я не помню. Только вот она, когда собрались все, те пришли, кого она сказала, она с ними давай разговаривать. — «А вот у нас в таком же возрасте дочь, все время болеет». Она матери говорит: «Ты иди, головой-то на порог положи, ногами под порог и топором ударь». Та пришла, а чё, дочь такая маленькая. Ударила, все так сделала, и оказалось осиновое полено: и все истрескалось, иссохло. — «А знаешь, как так получилось. Я, — говорит, — когда мылась с тобой в бане, уронила мыло. Ты сказала: «Леший тебя понеси!». И меня сразу подменили». — «А где ты была такое время?» — «По баням, где баня топлена, туда меня ведут. Так росла...» (с. Аряж, ЗКА, 1926).

РАССКАЗЫ О КЛАДАХ

Рассказы о кладах достаточно часто фиксируются в Прикамье. Их бытование отмечено как в северных районах (богатых историческими событиями, глубиной исторической памяти и развитыми традициями купечества и предпринимательства, как, например, Чердынь и Соликамск), так и в южных районах, до конца XVIII в. оставшихся незаселенными. В рассказах о кладах, записанных в Куединском районе, как и в других южных районах, клады, как правило, не связываются с какими-либо историческими событиями. Чаще всего историческая привязка рассказов о кладах соотносится с периодом раскулачивания в 1930-х гг. В то же время достаточно разнообразны мифологические представления, соотносимые с кладами.

Согласно народным повериям, клады открываются или показываются человеку. Именно по показывающимся видениям (людям, зверям или предметам) можно определить местонахождение клада. В других случаях в такой форме выходит сам клад, который можно тут же получить, совершив определенные действия: ударив липовой палкой привидевшееся животное или предмет, ударив левой рукой наотмашь, — в этом случае клад «рассыпется». Клады могут показаться в виде подсолнуха, старичка, девчонки, петуха, птицы, собаки, кота. В Куединском районе известны представления о заклятых или заветных кладах. В таком случае клад, спрятанный на определенный срок, «начинает млить» только по истечении закладного срока. В другом случае хозяин клада определяет, какое приношение следует совершить для того, чтобы взять клад.

Как взять клад...

«Бывают клады заклятые, на сколь годов заклад. Через такое время на том месте начнет млить¹⁷, человеком или животным. В Шайтанке показывалось ночью, вот то человек покажется, то пост, то свет, мерещило там все, говорили, клад. Клад ударить надо правой рукой, липовой палкой, тогда он выйдет, возьмешь его» (д. Н. Тымбай, КАИ, 1916; КММ, 1915).

¹⁷ Казаться.

Как клад выходит...

«В другом конце жила, в маленькой избушке, там рассказывали — кот выходил. А в другом доме, говорили, один дома останешься — собака из голбца выходит. Потом они стали менять бревна, когда разобрали, там оказался клад — золотишко. Это в сороковых годах еще было...» (д. Пильва, ДЕС, 1932).

«Вон, у Капы, девчоночка из-под полу вышла, маленькая, и брякает на ей чё-то. Надо наотмашь левой рукой ее было ударить — тогда бы рассыпалась деньгами, али чем дорогим...» (с. Б. Кусты, ЛЕП).

«Одна баба была. А за ней старичок маленький, лычком подпоясанный, увязался: «Сколь, говорит, годов за тобой хожу, вот ты мне и попалася!». Она, дуреха, испугалася, хоть и знала, че делать. Бывало, так выходили клады. Это правда...» (с. Б. Кусты, КЕП, 1911).

«С поля раз приезжаю, темно уже. Зажгла хозяйка свет, а по избе птица бегает, круглая, шея длинная, без хвоста, сама маленькая. Поймали, видим: нос у ней крючком загнутый. Хозяин говорит: «Выпусти ее». Я отпустила, смотрю: добежала до куста и исчезла. Прихожу и говорю: так и так. Хозяйка говорит: «Так это клад был!». До того в доме богатый жил. Надо было птицу ударить, клад бы и показался...» (с. Б. Кусты, САА, 1908).

«Я ишо молодая была, в речке купалася. Вдруг — подсолнух на речке появился, большушшой. Ударить надо было левой рукой — клад бы показался. А я ить не знала тогда, чё делать-то — убсжала...» (с. Б. Кусты, КЕП, 1911).

«Мне помлило один раз. Ребенка из бани ташила. Мать с отцом-то в бане были, а ребенка мне отдали маленького. А баня была на речке, вот отта¹⁸л иду с ребенком. Такая собака высокоущая вышла на меня. Я как заорала. Я до сих пор эту собаку в глазах вижу. Отец выскочил из бани: «Че ты, ребенка перепугаешь?!». — «Собака!». А и собака исчезла, нигде никакой собаки не стало. Че тут мне показалось? Дак говорили, что раньше богатые люди в этом доме жили. Клад-де, наверное, на тебя выходил. Ты бы, говорит, била его левой

¹⁸ Оттуда.

рукой налево. Собака белая была. А я испугалась» (д. Пильва, ЛКК, 1925).

«В доме соседки моей было. Как стемнеет, петух поет, из-под пола откуда-то выходит и поет. Пошли с лампой смотреть, открыли — нету никого. А соседка за ими следила. Хозяйка за чем-то ушла, соседка клад и выкопала. Приходит хозяйка, а там горшок пустой...» (с. Б. Кусты, САА, 1908).

Как мужик клад достал

«Жулик приходит в лес. Мужик там колья рубил, жулика увидел, на дерево залез, а тот его не заметил. Жулик клад принес. Закапывать стал: «На сто человечесих голов! Кто убьет, тот достанет». А мужик с дерева отвечает: «На сто осиновых колов!». Спорили, спорили, жулик на своем стоит, а мужик на своем. Потом жулик говорит: «Черт с тобой, будь по-твоему», — и ушел. А мужик с дерева слез, сто колов выкопал и клад достал...» (с. Б. Кусты, САА, 1908).

РАССКАЗЫ О ЗНАЮЩИХ

КОЛДУНЫ, КОЛДУНЬИ, ВЕКШИЦЫ

Былички и бывальщины о колдунах, колдуньях и других знающих составляют значительное число из записанных текстов мифологических рассказов. В текстах куединских быличек колдун имеет, как правило, названия *колдун*, *еретник*, *еретик*, *чертознай* (*чертызнай*). Соответственно, занятие колдовством обозначается словами *колдовать*, *еретничать*. Для женских персонажей чаще всего используются термины *колдунья* и *векшица*. При всем многообразии сюжетов быличек о знающих некоторые сюжеты и мотивы достаточно устойчивы и повторяются достаточно часто. К таким сюжетам можно отнести сюжет о получении колдовских знаний и посвящении колдуна, раскрываемые текстами нескольких быличек.

Получить колдовские знания можно было несколькими способами. Сам колдун мог передать их перед смертью даже без воли посвящаемого: либо через непосредственный контакт (задеть, поцеловать), либо через передачу какого-то предмета. Таким символическим предметом в одном из текстов выступает курица (хотя обычай давать курицу через гроб первому, кто зашел проститься с покойником, — элемент похоронного обряда во многих деревнях района).

Целый цикл рассказов объединен сюжетом «Посвящение в колдуны». Все варианты схожи в описании ритуала. В этом случае посвящение происходит в бане, как мы отмечали, наделенной символической пространством, где наиболее вероятен контакт с потусторонним миром. Временем совершения ритуала опять же выступает полночь. Распорядителем посвящения во всех текстах выступает уже действующий колдун — как посредник между человеком и потусторонними силами. Далее в бане появляется собака, пройдя через «огненную пасть» которой человек и становится посвященным. Смысл ритуала заключается в том, что посвящаемый проходит обряд инициации: проглоченный, а затем заново рожденный, он приобретает от тотемного предка или священного животного сакральные знания (*Криничная*, 2002, 11). В Куединском районе отмечены лишь тексты, в кото-

рых мифическим животным выступает собака. Н. А. Криничная отмечает, что собака вытеснила своего предшественника — волка, тесно связанного с представлениями о колдовстве и колдовском мире (см. сюжеты об обращении в волков свадьбы, оборотничестве колдунов волками и т.д.) (Криничная, 2002, 12). Одной из особенностей куединских текстов о посвящении в колдуны является тот факт, что в каждом из них посвящение прерывается и не совершается до конца.

Характерной особенностью представлений о колдовстве русских Куединского района является проработанность, многочисленность приемов магии противодействия колдуну. Так, защититься от колдуна в любое время и при любом случае помогает пояс с молитвой, шерстяная нитка, спряденная навыворот, нитка бисера, носимая на груди, «фига в кармане», молитва, предписание пить через большой палец и т.д. В быличках о колдуньях прописаны и способы лишения колдуний колдовских способностей: в д. Горка колдунью, чтобы она перестала колдовать, следовало протащить через хомут, в другом случае векшицу следовало ударить липовой палкой.

С магическими приемами противодействия колдуну связаны многочисленные способы узнать, привязать и обессилить колдуна. Такими способами является произнесение текста молитвы, троекратное произнесение: «Аминь! Аминь! Аминь!» (зааминить), осенение крестом. С вербальными средствами защиты, видимо, соотносятся и предписания ругаться с колдуном. Другие приемы основаны на идее «закрытия» пространственной границы (как правило, выхода из дома): «в соломинку вшей натолкать и на порог положить, он не сможет выйти». С закрытием пространственной границы можно соотносить и предписания воткнуть нож в столешницу, в полатный брус, сесть «голой ж...й» на печь или на полатный брус. Все эти предметы домашней обстановки (стол, печь, полатный брус) являются стержневыми в организации сакрального пространства крестьянского дома (Байбурин, 1983), соответственно, действия именно с ними позволяют очертить пространство всего дома. Группа магических действий основана на идее переворачивания (обычно предписание перевернуть ухват и вилы). Большинство предметов, так или иначе задействованных в магии противодействия колдуну, обладают также характеристиками острого и железного: ухват, вилы, вилка, нож, ножницы (Левкиевская, 2002, 77). С идеей переворачивания, скорее всего, связаны и такие присмы, как налить наотмашь питье или еду, подать что-либо наотмашь («если левой рукой наотмашь подаешь что-нибудь, колдун не возьмет»), напоить колдуна водой, пропущенной

через отверстие в раковине («...стакан браги в раковину вылили, а потом снова в стакан. Она выпила... и выйти не могла...»), бегать взад-вперед перед колдуном и т.д. «Привязка» колдуна одновременно расценивается и как его обезвреживание: «Если привязать колдуна, то он ниче тебе сделать не сможет».

Достаточно детально в куединских быличках разработан сюжет смерти колдуна. Как правило, смерть колдуна длительна и мучительна. Необходимое ее условие — передача колдуном кому-либо имеющихся знаний, как при непосредственном контакте, так и при передаче какого-либо предмета. Для облегчения смерти колдуна или для ее свершения предписывалось перевернуть выюшки (задвижки у печной трубы в форме крышек), открыть трубу, дверь, убрать конек с крыши. Иногда дополнительно предписывается и произнесение текста: «"Пахомихину смерть в тар-тарары..." Три раза сказала, и та умерла». Колдуны и колдуньи обладали способностями досаждать и после смерти, в этом случае следовало в могилу колдуна забить осиновый кол.

Несколько быличек связаны общей сюжетной линией «колдун на свадьбе». По этим текстам, колдун способен наказать тех, кто не пригласил его на свадьбу, а также оборотить весь свадебный поезд или отдельных участников свадьбы в волков.

Кроме рассмотренных нами сюжетов, в быличках также рассказывается о ряде магических способностей колдунов и колдуний. Например, они могут испортить и/или вылечить человека и скотину, посадить икоту, килу, порчу (тексты, раскрывающие эти особенности колдовской магии, помещены в отдельный раздел настоящего сборника).

Особенностью куединских быличек является почти полное отсутствие описания образа колдуна, в то время как в северноприкамских быличках, как и в быличках других северных регионов, образ колдуна прописан достаточно полно (*Былички, 1991*). Нехарактерны для куединских текстов и развернутые описания колдовской магии, редки сюжеты о непосредственной связи колдунов с бесами, чертями, слабо выражены представления о бесах, бесенках — работниках колдуна. Такая неразработанность представлений о колдунах, возможно, связана с тем, что в отличие, например, от Северного Прикамья, в Куединском районе достаточно развитыми были представления о колдуньях.

Спецификой представлений о колдовстве у русских Куединского района является бытование сюжетов как о колдунах, так и о колдунь-

ях. При этом образы и действия колдуна и колдуньи в одних текстах идентичны, как, например, в сюжетных линиях о противодействии колдунам, смерти колдуна, наслании порчи и килы. В других же текстах колдунья имеет некоторые отличия. Так, только с колдуньями связаны представления об отбирании молока у коров. Отличительной особенностью образов колдуна и колдуньи является и то, что, как рассказывается в текстах, колдунью с помощью магических приемов можно отучить колдовать (например, протаскивать через хомут, стукнув липовой палкой), в то время как о такой возможности применительно к колдунам тексты умалчивают. Колдунья чаще наделяется способностью оборачиваться свиньей, собакой, а также появляться, «летать» огненной метелкой, лукошком, что также, за редкими исключениями, почти не встречается в быличках о колдунах.

Характерной особенностью представлений о колдунье в Куединском районе является бытование представлений о колдуньях-векшицах. Эти представления о векшицах, как и сам термин векшица, известны не на всей территории района, а характеризуют лишь его центральную и западную части, почти не встречаясь в его восточной части, хотя представления о колдуньях известны повсеместно. *Вещица, векшица, вештица, векша* — такие варианты названий может иметь этот персонаж. Представления о векшицах в целом ложатся в общую канву сюжетов о колдуньях. Что сближает векшиц и колдуний в других текстах — это оборотничество (способность оборачиваться свиньей, собакой, реже — кошкой). Отличительная черта векшиц — способность оборачиваться еще и сорокой. Характерные сюжеты быличек с участием этого персонажа — подмена плода у беременных женщин и стельных коров, замена его на хлеб, мыло или головешку. Соответственно, там, где актуализованы представления о векшицах, во множестве вариантов известны способы защиты беременных от подмены плода. Это и предписание спать поперек половиц, поперек матицы, спать с мужем так, чтобы он закинул на беременную ногу, опоясываться гасником от мужских штанов, брать с собой в постель мужские штаны и т.д.

Второй, менее распространенный, но характерный для раскрытия образа векшицы сюжет (не характерный для образа колдуньи) — тексты, условно выделенные нами под названием «Как векшицы мужикам досаждали...». В этих текстах векшицы в виде лукошка, чаще — свиньи досаждают мужикам тем, что «хватаются» за мужские половые органы: «...за муди сцапают, мужику-то, он и пропадет...» (с. Б. Кусты, САМ, 1909).

Специфической чертой векшиц является их оборотничество, при этом в текстах о подмене ребенка векшицы, как правило, обращаются сорокой. Сорока, согласно представлениям восточных славян, считается нечистой птицей. Представления об обращении в сороку ведьмы известны у русских и других регионов. В русских загадках, по наблюдению А. В. Гуры, исследователя представлений славянских народов о животных, сорока сравнивается с бесом (*Гура, 1997, 556; см. также: Садовников, 1996, 188*). Второй, наиболее типичный персонаж оборотничества — свинья, которая также в народном сознании часто соотносилась с потусторонним миром. В Прикамье, например, неоднократно записывались тексты легенд, согласно которым свинья считалась поганым животным (*Черных, 1999*).

По нашим полевым материалам, развитые представления о векшицах характерны лишь для юго-западных районов Прикамья (Кудинский, Еловский, Чайковский, Частинский), а также для смежных районов Республики Удмуртия (Камбарский, Сарапульский и др.). Термин векшица для обозначения женщины-колдуньи в единичных вариантах фиксировался также в Суксунском, Чердынском районах, однако здесь с этим персонажем не были связаны обозначенные сюжеты о подмене плода и досаждении мужикам. Схожие представления известны русским Восточной Сибири (*Зиновьев, 1987, 155*). Сам термин в несколько ином варианте (вештица), как и представления о том, что вештицы поедают младенцев и человеческие сердца, бытовали у южных славян (*Виноградова, 2000, 237—241*), правда, разгул ведьм-вештиц чаще был приурочен лишь к масленичному периоду (*Агапкина, 2002, 381—387*).

Посвящение в колдуны

«Еретик — он бисей садит. Старуха девку учила еретничать: «Пойдем в баню». Девка пошла, там собака, такая большая. «Ты, — говорит, — залезай в пасть». Девка испугалась. Собака огненная. Она от этого не того стала» (с. Дойная, ШАИ, 1918).

«А вот этих еретников, их тоже в бане учат. Подружка, вот у нас жили, дак она дружила с одной, а они знающие. И вот она говорит: «Манька, хочешь, я тебя колдовать научу?» — «А как?» — «А вот пойдем, — говорит, — в баню, и в каменке будет сидеть собака, она откроет, — говорит, — рот, и ты туда залезай». Ну, испугалась. Пришла домой, матери рассказала. Мама, говорит, меня натискала за кос-

космы. И больше ты к ей не пойдешь ни разу. Вот тебе и научилась» (с. Краснояр, ЕЕС, 1923).

«Колдун Акин в Заболотной жил. Будто этот Акин колдовать умел. А Федот Акина учил. И вот, будто, когда всю эту грамоту пройдешь, надо зайти в двенадцать часов в баню, и выйдет большая собака из каменки. Ей надо в одно ухо залезть. Тогда это как экзамен, что ли, пройдет. Тогда будет толк от этого. Вот Федот привел Акина в баню-ту. Собака-то вышла. Акин переполохался — убежал. Акин таким и стал, здоровьем стал недовольный, ненормальный» (д. Пильва, ЧКП, 1939).

«Отец у одной хотел научиться колдовать. Колдун ему говорит: «Приходи в двенадцать часов в баню». Он пришел. А там такой огненной пес, и пасть раскрыл. «Лезь в пасть!» А он только сказал: «Господи, Иисусе Христе». Она всем молитвам молитва, Иисусова молитва. Ниче ты не знаешь, она и то оградит. Он только сказал, и все исчезло, и он ушел и не стал. Значит, сильнее молитва, чем всякие эти колдовства» (п. Куеда, ЮМФ, 1938).

Как узнать колдуна

«Как распознать колдуна? Возьми трехроговую вилку и воткни в стол» (с. Б. Кусты, МИВ, 1905).

«А знаете, как колдуна узнавать? Если левой рукой наотмашь подаешь что-нибудь, колдун не возьмет. Вот у нас у соседей было — одному подали стопку, а он ударил по ней, и пропала стопка, не могли найти. Хозяин подал всем по порядку правой, а ему левой. Дедушка у Капы был, он чертознай был, килы сажал, пчел портил...» (с. Б. Кусты, КУИ, 1923).

«Если надо проверить кого, колдун он или нет, тогда, когда тот человек придет, в соломинку вшей натолкать и на порог положить, он не сможет выйти, колдун-от...» (с. Б. Кусты, ЛЕП).

«Знаешь если, что он колдун, на стол ставишь, крестом окрестишь: «Аминь!», «Аминь!». Он тоже не заденет. Или «Воскресну молитву» начитаешь — тоже не заденет» (д. Пильва, ДЕС, 1932).

«Да, Фомиха — колдунья. Я не вру. Это правда, потому что ее проверяли. Соседский парень у нас... Она к ним пришла, он нож в стол из-под низу воткнул... Она выйти не могла и попросила, чтобы нож достали. Мне тогда десять лет было. А того парня Бог наказал, он восемнадцати лет погиб... Она сама говорила, кто так делает — над людьми насмехается, и за это Бог накажет. У нас в деревне старушка одна жила. За бутылку водки могла все сказать, и что было, и что будет, и у кого кто что украл. У нее за год до смерти пожар был. Так она свой сундук с книгами вынесла, а потом пятеро мужиков кое-как занесли его...» (с. Б. Кусты).

Как привязать колдуна

«Мать-то Нади была колдуньей. На вечеру у нас сидела. А мы взяли стакан браги и в раковину вылили, а потом снова в стакан. И ей показали. Она выпила и захмелела. И говорит, напоили меня и выйти не могла из дома-то» (с. Б. Кусты, МАА, 1931).

«А как колдуна распознать? Андрей — мы сидели за столом — забегал он, крестился. — «Не виноват», — говорит. Взяли, вилку в стол воткнули. И ходит. Старуха его, видно, знала. За скобу поймалась, и его за руку взяла, вывела...» (с. Б. Кусты, УАП, 1925).

«А вот мы в ясле работали. Пришла одна, принесла сестрино ребенка. А заведующая взяла да ухват перевернула кверху рогами. Дак вот, она пойдет: «Да чё это, я выйти не могу?». А мы сидим. И ребятишки все с нами. Дойдет до дверей, да обратно. — «Че такое? Не знаю!». Кто-то из ребятишек дверь открыл, она-от была да нет. Она мне говорит: «Ты ничего не заметила?» — «Да че-то сёдни Манька ходит, ходит». — «А я, говорит, ухват кверху рогами повернула, она и не может выйти...» (с. Краснояр, ЕЕС, 1923).

«Пришла как-то, не помню, как ее звали, колдунья. Смен мужик у ней был. Отца спрашивает: «Степан Иванович, лошадь надо, в больницу везти». А отец встал, знал, что колдует, на кухне ножик воткнул эдак под столешницу. Она сидит. Он говорит: «Иди, я ведь сказал тебе, какую лошадь взять». Она сидит, все сидит. А ему надо идти на разнарядку. Он дверь открыл, она вперед него бросилась в двери...» (д. Пильва, ДЕС, 1932).

«Как колдуна привязать — надо голой ж...ой на печь сесть. Тогда не выйдет. Одна девчонка села на печь. Он выйти не может. Мать грозит ей: «Танька, слезай с печи!» (с. В.-Сава, ВФК, 1909).

«На полатах есть брус, в него воткнуть нож. Так привязывали, чтоб не вышел. Он из избы не выйдет. Нашиворот нальешь питье — пить не будет...» (д. Пильва, ЛКК, 1925).

«Это-то правда. Ножик воткнешь ли че ли в стол, он не выйдет из избы, шоркатся, шоркатся, а выйти не может» (д. Н. Тымбай, КАИ, 1916).

«На брус на полати сядешь голой ж...ой, тоже колдун не может выйти. Вот у нас тоже было. И вот одна тоже в гостях была. А мы вот ниче не подумаем. Сели, да и ползаем по брису-то. Это ведь теперь ходят в штанах, а раньше до невест штаны-то не видали. Он долго сидел: «Ак выпустите меня, выпустите». Мама говорит: «Мы тебя не держим». — «Нет, выпустите». А мы и не подумаем, что они там сидят на брису голыми задницами. Потом кто-то пришел, двери-то открыл, дак он выскочил, как не знаю чё. «А чё вы, — говорит, — там делаете?» Мы на брису сидели...» (с. Красноярь, ЕЕС, 1923).

«Это, фигу им покажи, они уж знают, хоть в варежке. Нож в стол тыкали: «Давайте нож в стол воткнем, чтоб колдунья из избы не вышла». Или ухват рогами вверх надо ставить. Дуську также вот ножом закрыли. Нож воткнули в стол. Не может уйти. Просила вшей поискать, а раньше вшей ножом искали. Чугуниху также задержали, она собирала молоко со всех коров. Даже попу каялась, что у чужих коров молоко берет...» (д. Н. Тымбай, ТМВ, 1927).

«Домой пришел как-то дед. Ну, так просто зашел зачем-то. Она нож в столешницу воткнула — он езгался, езгался, а с места не уходит. Потом нож-то выдернула, он ш-ш-ть, только свистнул оттуда...» (д. В. Тымбай, МАА, 1967).

«Колдуны были. Были, были, как не были. Жил старик, говорили, что колдун. Ни с того ни с чего человек заболест, что делать? Сейчас на спину посмотрят, уже заколдуют. Сейчас тоже колдун на колдуне. Теперь и в открытую все. К куму как-то зашел мужик, а же-

на под стол нож воткнула, а пока она ножик не убрала, он из дома выйти не может» (с. Б. Кусты, МЗС, 1929).

Как досадить колдуну

«А тоже мы с Маруськой по ягоды пошли. А у их сноха была, она знала. Мы идем с ней, с Маруськой, и сноха с нами. Она и говорит мне: «Давай будем бегать по дороге взад-вперед перед ней. Говорю: «А че?» — «А Наташа у нас колдунья, дак она выйдет и домой пойдет». — «У-у, — говорю, — нет, она заколдует меня. Больше с тобой не пойду по ягоды...» (с. Краснояр, ЕЕС, 1923).

«Семен был трактористом, ему жена принесла обед, мужику на грань, туда — на Филиппову яму. Он на тракторе там пахал. Ее звали, что она, жена его, колдунья, много знает. Тятя у нас был грамотный. Она че-то спустилася. А обед оставила на стороне, на конце логга. Мешочек и творог был у нее в туеске. А тятя недолго думал, начитал «Воскресную молитву», а сам ушел по угору. Подошла Василиса. Он смотрит: чё она будет делать. Она подошла только к сумке, взяла, это все выбросила, и творог выбросила на землю и ушла домой простой. И Семена не накормила, и сама вывалила, ушла домой пустая...» (д. Пильва, СЕУ, 1926).

«И мы какой раз бегали ребятишками, так кукишки за спиной кажем. А он ругается, тошно ему, верное средство. А у него брат был. Также знающий, он тоже этим делом занимается. Подвыпили они с мужиком, а мужики возьми да воткни вилку рядом с ними под столом, острием вверх. Он и вертится, он и злится. А выйти-то нельзя без людей. А ему не до пляски-тряски. Ну, один-то вывел. Он вроде до ветру, да и домой ушел. Его злоба взяла, он нож наточил, в голенище спрятал и пошел драться. Мужики-те знали, что он злится, и знали, что с ножом. Нож вынул. Десять человек за руки держали, удержать не могли. Вот как заколдовал. И человек-то другой знал, как его лечить. Три слова сказал, и нож-от сам выпал. Нож искали потом и найти не могли» (с. Б. Кусты КАА, 1932).

Как защититься от колдуна

«Вилы вверх рогами переверни от колдуна. С колдуньями ругаться надо, мирно жить с ними нельзя, колдовство подарит...» (с. Б. Кусты, МАА, 1931).

«От колдуна все носят пояс, нитки шерстяной прядут навыворот, на голое тело надевают пояс. Или бумажный пояс из церкви можно...» (д. Н. Тымбай, ВАА, 1932).

«Нитку бисера на груди надо носить от еретников...» (п. Куеда, УЕА, 1911).

«Через дорогу без молитвы нельзя ходить — враз килу присобанят. Мне маленькой на мизинес килу посадили по воздуху. А мужик через дом жил — он и сажил, и снимал сам килы. И нам на масло (молосное — жирное, коровье) наговорил, помазал, помогло...» (с. Б. Кусты, КНН, 1930).

«Как уберечься от колдуна? Если пьешь что-то, то через большой палец. Если в порог воткнуть нож или вилку, то колдуну не войти...» (с. Б. Кусты, САМ, 1909).

«А чтобы колдунья ничего тебе не сделала, нужно ухват поставить вверх рогами. Вилку и нож нужно незаметно воткнуть в стол, чтобы колдунья ничего не сделала тебе. И она не выйдет...» (с. Б. Кусты, МАА, 1931).

Дедушка-чертызнай

«Дедушка тоже чертызнай был, все к ему ходили эти килы снимать. Он сам другу молитву вычитат и эту килу снимат...» (д. Кашка, МОЕ, 1917).

«Ну, рассказывали раньше про колдунов, много ведь рассказывали. От в Дубленевке мы жили. Жили там старик со старухой. Вот их звали, они летают. Они свой кал ели. Они вылетали в трубу и улетали. На их говорили» (с. Краснояр, ЕЕС, 1923).

Качинский колдун

«В Чернушинском районе была деревня Качина. И там был качинской старик, он знал много. И вот одна женщина продала корову и деньги потеряла. И вот она говорит на сноху: «Ты у меня деньги украла». — «Я не воровала деньги у тебя». — «Ты у меня деньги украла». А сноха сказала, если она на меня скажет, я задавлюсь. Раз она их не воровала. Ну вот, сноха или золовка поехали в Качину к старику воровать. А он говорит, когда к ему приезжали, он спать не пус-

кал. Хотя ты где ночуй, хоть на улице, хоть у соседей. К себе спать не пускал. Ну вот, оне уехали, был сильный дождь. А она поехала, у нее был с собой семилетний ребенок, мальчик. И он шибко замерз. И как в избу зашли, мальчик залез на печь и уснул. А старика дома-то не было. Потом он пришел. Она свою просьбу всю рассказала. Ага, он: «Ну, выйди из избы!». Она вышла, там где-то ночевала. Он говорит, спустился в голбец старик. И там спрашивает: «Куда эти деньги девались?». А парнишка проснулся, слушат. Вот он и говорит: «Куда деньги девались?! А они пали в лоханку, их выпила корова, деньги-то. А она сказала, на нее скажут — она задавится. Говори на нее — наша будет». Парень-то все слышал. Утром-то она пришла. Он ей сказал: «Деньги украла сноха». Домой-то поехали, парнишко ей говорит, вот че, мама, получилось. Корову-то зарезали — деньги в желудке. А она бы задавилась...» (д. Пильва, ЧКП, 1939).

«Хомутес как-то... посадили...»

«Хомутес как-то маме посадили, така болезнь — ни встать-ни лечь, на вешалах лежала, тело неприкасаемое вовсе было... Тоже Яша ведь масло заговаривал. Прошло» (с. Б. Кусты, САМ, 1909).

Колдун-оборотень

«Мы гуляли с подругой Таней и друзьями. Идем, смотрим: черный баран с рогами. Бежит баран за другом Таниным и в ворота рогами. Еле успел домой забежать друг-то Танин. Точно, колдун был» (с. Б. Кусты, МАА, 1931).

Колдун на свадьбе...

«Да, это были такие люди нехорошие. У одних на свадьбе лошадь даже в двери остановилась. В двери-то не зашла лошадь-то. Обычно все на тройках ездили. Ну, чё-ка делали, расколдовывали» (д. Никольск, ААП, 1922).

«Я знаю, сваху ли че ли на свадьбе обернули как волком. У ей ребенок был, дак отпускали ее к ребенку-ту. Она эту шкуру-ту снимала, волчью-ту с себя. Уйти-то, видно, уж нельзя было ей. Шкуру-ту снимет, прибежит. Ребенка насосит де и опять убежит туда, к волкам. Потом мужик или кто ли подкараулил, что придет не в шкуре, не волком, а человеком, а потом опять волком обернется. Он подкрался, куда она шкуру спрятала, положила. Он взял и сожог шкуру. Дак она

шибко заревела о шкуре-то. Она тогда уж осталась жить, видно» (д. Куеда, БПД, 1904).

«В Горюшках пришел еретник-то на свадьбу. А подавали-угощали, а ему не подали. Оказалась береза на столе, почала хлестать, стол закрыла весь...» (д. Куеда, БПД, 1904).

Ой, страшно в те годы было

«Колдунья, да-да, есть, хвост тянется и так светится. Я бегу, летит за мной. Прибежала к суседке одной, за калитку забежала, а огненно-то исчезло. То собакой обернется, то волком, то вороной керкает. Ой, страшно в те годы было. А когда мы с мужем познакомились, он меня повел за речку на угор, там мельница была, как закеркают сороки, ой, страшно даже. Один раз мы идем пару на пару, девчонка одна припадошна, но она здорова была девка,— летит за нами баран, черный такой баран. И этот пацан убежал домой, ворота-то закрыл, а баран в них торк рогами, торк рогами. Колдун! Один раз мы работали на ферме, мельница была не здесь, я приехала на мельницу, к нам дяденька пришел, чаю попил, поговорил со стариком и поехал. На следующий день-то мы услышали, что мужика-то всево истыкали. Мяч! Он ехал с мешками, помолот уже, и с мешками ехал. И мячик сел и давай его тыкать. Мячика-то истыкал-истыкал, и старуха-то пришла на другой день. Ты, говорит, прости меня, я не знала, что ты с мешками-то едешь. Извиняться пришла. А старуха эта много знала, но она как человек, как вот мы с тобой разговариваем, просто много знат. У таких вот у старух книга есть такая черная, всяко-всяко там написано» (д. Капка, ЧЗ, 1944).

Кто такие векшицы

«Вещицы вылетали на женщину беременную, ребенка вытаскивали, и у коров, и у овец. Как лукошко. И мужиков ловят...» (с. Б. Кусты, МИВ, 1905).

«Мельница была деревянная. Деверь и муж мой провожали домой по угору. Сорока кечкает — векша-то» (с. Б. Кусты, МАА, 1931).

«Векшица — та же ведьма. Векшицей любой может сделаться. Лекарство у них есть, они намажутся и в трубу вылетают. Они в лесу в грудку собираются и праздники делают. Вреда много приносят. Женщина последнее время ходит, они ребенка достанут. А на то ме-

сто положат или мыло, или головенку, а женщине больше ниче не сделают...» (д. Кашка, ШДП, 1921).

«Колдуньи, они летали. Она как человек, векшицы детей и воровали. Маленьких из живота воруют, так говорили» (с. С. Шагирт, ГТФ, 1905).

«Были, как не было. Векшицы были. И в трубу вылетит, и клубком делается. Коров доила, портила. Сама видала я, когда конюшила. Клубок бежит, бежит, наперед нас катился. Колдунья болела шишко долго. Крышу снимали, чтоб померла» (с. Б. Кусты, УАП, 1925).

«Векшицы были, а как ино. Один раз я пошла, заболела, а соседка и говорит: «Вытрясет, вот, ребенка векшица» (д. В. Ошья, МАМ, 1928).

«Вот тебе конь, поежжай...»

«Прохожий зашел ночевать к вештицам и имя свое не назвал, а чужое. Лег спать. Они намазались и улетели. Он намазался и тоже улетел. Они то ли в бане обед жарили. Увидели его: «Ты, мол, зачем прилетел-то? Вот тебе конь, поежжай и не оглядывайся». Он не стерпел, оглянулся. Смотрит он, на чем ткут, на мялке сдет, и в месте незнакомом. От, когда они превращаются в кого-нибудь, надо липовую палку, лутошку, лыко отдерут на лапти плести, ударить наотмашь ей надо...» (с. Б. Кусты, ШФИ, 1929).

«И белку векшей зовут, у нас говорят так. А это векшица, колдунья. Векшицы в трубу на ухвате летают. Солдат шел со службы, зашел к женщине переночевать. Она его спать уложила. Думала, что спит, встала, достала пузырек, помазалась и полетела. Солдат встал, тоже помазался и за ней полетел. Прилетел на полянку, а их там целая стая. Кто на ухвате, кто на чем. Хозяйка его увидела и говорит: «Улетай, пока жив!». Улетел...» (с. Б. Кусты, МКИ, 1927).

«Вещица намажется, в трубу на метле залазит и улетит. Старик шел куда-то. Пришел ночевать к одной бабе. А она в двенадцать часов намазалась сажей, маслом и улетела в трубу. Мужик так же сделал и к ей прилетает. — «Ты откуда тут взялся?» Совещание колдунов там было. Лошадь ему дали: «Скачи, а то не успеешь». Это палка была, а ему лошадью показалаась. Скакал, скакал всю ночь на палке. Еще потом семь лет домой шел...» (д. Н. Тымбай, ВАА, 1932).

«Колдунья жила тут одна недалеко от меня, так она векшицей была. Вот в один вечер муж ее смотрит: она мазью какой-то намазалась, взвилась да улетела. Он подождал маленько и сам обмазался. Тут его как понесет в трубу! Так он вылетел. И прилетел туда, где они все собираются. Тут его баба к нему подскочила и давай на него ругаться: «Ты что здесь, старый хрыч, делаешь! Убирайся отсюда!». Дала ему липовую палку, а он на нее смотрит и видит: конь стоит. «Езжай, — говорит, — до дому и не оглядывайся!» Нельзя, стало быть, ему оглядываться-то было. Вот поехал он и уж у самого дома оглянулся. Видит: сам на липовой палке сидит. Так уж на ей до дому-то и доехал...» (с. Б. Кусты, КТС, 1906).

Как векшицы мужикам досаждали...

«Векшицы раньше были, средятся, да в трубу ну и летать, лукошками делаются. Как за муди сцапают, мужику-то, он и пропадет...» (с. Б. Кусты, САМ, 1909).

«А вот у моей соседки отец. Раньше-то сходки были, нынче — собранья, он ушел на сходку, его и до утра нет. Он пришел домой-ту. «Ты, — говорит, — Кузьма, это где-те пробыл?» — «Да вот, мать твою протак, — говорит, — загнали меня свиньи вон на прясла¹⁹. Однако, — говорит, — с одной стороны прясла, другая — с другой, и на меня, говорит, машут. Я всю ночь на прясле и провисел, а к рассвету они меня бросили». Нет, ниче она не пакостила. Они так... Ну вот, старик-то вот на прясле, озорничали, его до утра держали, на прясле ничего не делали. А свинья-то всякая, у которой сердита, вот такие свиньи кусаются. А ведь это оборотень, он ведь черт знает, что сделает, вот он на прясла-то и залез» (д. Д. Гора, БМА, 1918).

«Мужик-от у меня рассказывал. Шел де вот из деревни, и бежит за ем кошка да мяргат. Он, может, и испугался, прибежал де домой, скорей-скорей стукат, прямо еть без ума, без ума. Кто знат, раньше-то это было...» (д. Кашка, РЛП, 1932).

Как векшицы плод вынимали

«Маланья корову испортила. Мы с мамой жили. Я вижу: у коровы нехорошие идут. Ведьма вытащила теленка и голик, веник, затол-

¹⁹ Изгородь из горизонтально уложенных жердей.

кала. А она сказала: «Че корову повела?». А я ей говорю: «Есть добрые люди, сделали!» (с. Б. Кусты, МАА, 1931).

«Были колдуньи, беременной женщине плод вынимали. Вот если которой женщине вместо ребенка головешку подсунут — это плохо, может она умереть. Головешка-то не рассосется, а мыло рассосется, оно измылится и рассосется» (с. Краснояр, ЕЕС, 1928).

«Вешисы были. Летают в трубу. Ребятишек добывали у баб, жарили да ели в бане. Одна в трубу залетела, а мужик заговорил. Она выйти-то не знает как» (с. В.-Сава, ВФК, 1909).

«Вот с первым, вот с Иваном, а в клите спали там-то вот, в клите. Вот в самую полночь сорока затеськала. А окошка там большие тоже выпилены. Я Тихона бужу, мужа Тихоном звали. «Тихон, — говорю, — сорока теськает». — «Ты де че плетёшь, сорока, наверно, не полночь самая. Ты де сороку поминашь». — «А послушай, — говорю, — послушай-ко». Он послушал, правда, сорока теськает. «А вот сорока ета вешшица, — говорит, — ребёнка добывает». А вещица как человек. Да, она вот, кто в тягости ходит, она старается в полночь вытащить ребёнка. Она в трубу вылетает, краской намажется, летает и блажит, вытаскивает ребятишек. Подкрадывают, наверное. Кто знат, что они завернут, в полночь самую. Скотину не трогают. У коровы-то красть и днем украдут, если толковые люди. Потом, а я слыхала, надо, говорит, мужику ногу, руку ли положить на меня вот. Я говорю: «Ты положи на меня руку ли, ногу ли или ещё ли руку ли». Как только положил, и сразу тескать не стала. Уж тескать не стала и, видно, улетела уж она. Ага, они собираются. Да, совещание у них идёт, где че делать, промышлять. Да вот, вот в Тымбае есь, знают и собираются, советуют между сами с собою. Ето было, было...» (д. Н. Тымбай, КАИ, 1916).

«Говорят, раньше были колдуньи, я уж не застала. Говорят, одна старуха тут была, на метле, раньше в печь, вот, грит, она на метлу лазила, и это, и в трубу вылазила. Говорят, из коров телят вытаскивали, головешку засавывали. Вот корова отелится, а там головенка²⁰, а теленка нету. Вот такие были колдуны-де. Это вот у нас, Максимиха ее звали, метло-то летала» (д. В. Тымбай, АВ, 1928).

²⁰ То же, что и головешка, обгоревшее, не прогоревшее полностью полено.

«Мама ко мне в Кашку шла осенью. В деревне соседней переночевать решила. Видит, старичок с дровами стоит. Спрашивает: «Переночевать можно?» — «Если жена разрешит». Пошли к нему, старуха ворота открывает, ругается. Не пустил ночевать. Мама мужика с возом увидала, спрашивает: «Можно переночевать?» — «Да мне не жалко, вот только у меня жена беременная». Зашли в дом, хозяйка хлеб достала, накормила. Про ту старуху, которая не пустила, сказала: «Векшица она. Я вот с двенадцатым животом хожу, ни одного ребенка не имсю». Она ее научила опушку от мужиковых штанов или гасники на голое тело надевать и спать поперек полу. Уехала. На обратном пути к ним снова зашла, а у той уж зыбка висит, ребенок родился» (с. Б. Кусты, САА, 1908).

«У одного мужика жена в положении была. Раз пришел у ей муж выпивши, и спать все легли. Вдруг заходят две старушки, одна другой говорит: «Давай ребенка достанем, краюху хлеба положим». Другая: «Головенку засунем». Мужик-то проснулся, соскочил, давай всех будить. Одну-то бабу он узнал — она ходила детей принимать...» (с. Б. Кусты, САА, 1908).

Как защититься от векшицы

«Если в положении, в баню после двенадцати не ходи. Если дома ты одна и в положении, клади мужские брюки в голову, а можно липовую палку под порог...» (с. Б. Кусты, МАА, 1931).

«Вот ежели увидишь, что за тобой лукошко катится, домой приди и в трубе в печи веником поскреби. Кто тебе вред хотел сделать, на следующий день придет и в трубу начнет заглядывать...» (с. Б. Кусты, ЛЕП).

«Летали через трубу — их векшицами звали. В Горках одна летала, ее поймали, руки отрубили. Утром она лежит и болеет. Чтобы ведьма не колдовала, говорили, ее надо через хомут протащить. Вот мы на конном дворе на одну хомут надели, бабы помогли ее протащить. Она больше, верно, ничего не делала...» (с. Урталга, ДЕА, 1912).

Как колдунью опознали

«На ферме работал Федосей. Один мужик молот здесь и счал мимо фермы домой. Мяч прямо на сани закатился. Он не растерялся

и мяч и потукал. А на следующий день пришла старуха вся истыканная: «Ты прости меня!». Она хотела за ноги взять и задушить» (с. Б. Кусты, МАА, 1931).

«А что колдуньи-то делали, как оборачивались? В конце, где свинарка, из соседней деревни прилетала сорокой. У нас охранник Федосий был. Она скачет, поросят выбякивает²¹. Лебедихой звали ее. А Федосий-то палку припас. Он избил ее, она вылетела. Он рассказал. А потом слышно было: Мария чисто избитая, вся в синяках» (с. Б. Кусты, УАП, 1925).

«Двоюродный брат мой как-то со сходки возвращался и шел мимо овина. Слышит: сороки текут²². А сороки-то ночью никогда не текут. Под овином огонек. Глядит: две старушки сидят, кирпичики у них, огонек, жарят чего-то. Одну-то он узнал. Пришел домой, спать лег, ниче не рассказал. Утром встали, приходит старушка, вся в шаль завязанная. Ей хозяин говорит: «Иди чай пить с нами». Она села на скамейке: «Нет, спасибо, Александр, прости. Ты что, Александр, надо мной сделал?» — «А-а, да ты векшица!» — как закричит брат. Он до того в трубе поцарапал — так это он ей лицо поцарапал, она завязанная и была. Так бегом убежала...» (с. Б. Кусты, САА, 1908).

«Дак че это, раньше в деревне всякий был народ, нонче-то нет. Вот людей портили, кто, говорит, портит, тот и лечит. Кто знат, то килу поставят, то че. Вот заболает, заболает человек. Придет, че-то нашепчет, нашепчет, помажет, вылечит, и все. Над скотиной дековались²³, раньше-то че, всяко было. Каки-то колдуны были. Вот идешь по деревне вечером, я помню, бегали, сбегались после войны. В войну еще — идешь с работы ли че, катится вот колесо, от него бежишь. А то бежит свинья за тобой, делается как свинья, бежит, вот убегаешь скорей. В это время робята схватили, мы еще маленькие были, вот это я помню, и схватили этого человека, посадили на кол в огороде. Кол, чтобы жерди не падали. Утром достали, баба сидит на кол-то. Это я помню. Колесо катится от телеги, словили взрослые кто, замечали все это, поймали еть, взяли колесо и посадили на кол-то.

²¹ Здесь *выбякивает* — достает.

²² Текут — здесь: обозначение специфического звука, передающего стрекотание сороки. Ср. другие слова, напр., кечкают.

²³ Издеваться.

Это я помню шибко хорошо, бабу посадили на кол дак, раньше че говорили — каки-то колдуны да че да» (д. В. Тымбай, ОМ, 1926).

«У нас Ефим был, как-то шел — за ним свинья увязалась, вот пристала. Он взял ее да отлупил — она сиганула к Агафье, Маришкиной матери, под ворота... А Агафья сроду свиней не держала. Потом к ней зашел на другой день: Агафья-то вся в синяках лежит... Ведьма она была...» (с. Б. Кусты, ЛЕП).

«Векша поймает, говорили. Тут у нас кривая жила за речкой. Все говорили, что она векшица. От, мол, мужик поймал ее да вилкой выткнул глаз. У жены у беременной поймал. Если напяташь ее, дак узнаешь потом» (д. Н. Тымбай, КАИ, 1916).

«Векшицы были. Может ребенка вытащить. Баба мучается: брюхо пустое, всякую грязь накладет. Может и умереть: пустое де брюхо было. Одной женщине показалось, что катится колесо. Шли мы по деревне, ребятами были. Идем, и катится посередь деревни колесо к горе. Ребята за стим колесом, кто палку, кто че кидат. Догнать не могли. Попадали не раз, а колесо катится. Не знали — им бы прочитать «Воскресную молитву» перед ней. А наутро установили, одна не вышла Ивановна на улицу коров выгонять. Дочь вышла, она, говорит, хворает. Она вся в синяках. Промышляла, видно. Три дня не показывалась» (д. Куеда, ТЗИ, 1927).

«А раньше было, люди свиньей оборачивались. Вот, свиньей оборотится и ходит. У нас женщина была, она ходила по деревне. Свинья, настоящая свинья. Все ее видели, как не видели. Ее, говорят, наотмашь если нечаянно ударишь, она перед тобой обернется опять человеком. Вот у нас тут один ее ударил, дак она все из сундука ему отдала, только чтобы он не сказывал» (д. Д. Гора, БМА, 1918).

«Было, было... Свинью поймали, сказали, что это колдунья. Давай ее палками бить. Ухо поранили. На другой день стали искать — кто, кто? Маланья оказалась, у нее ухо болит. Людям, говорят, они вредят сильно, векшицы-то. У женщины в положении ребенка могут отнять, у коровы — молоко или теленка. Родит корова — а там венник вместо теленка. Вот так говорят» (д. Кашка, ГПА, 1922).

«Женщина одна по ночам до двенадцати часов в свинью превращалась. Однажды деревенская молодежь сговорилась побить эту свинью. Наутро эта женщина в синяках была» (д. Трегубовка, ЛАГ, 1915).

«Ариша-то, видно, тоже как-то превращалась. Тоже знала, да знала. Ну, вот у нас отец шел с заседания правления и говорит — бежит свинок. Он говорит, она за ём, а потом кто-то навстречу попал. Поймали ее и надавали. Утром-то услышали, что это Дарья лежит вся в синяках. Она колдовала, ей черти спокою-то не дают. Двенадцать часов ночи, она в трубу вылетат. За народом бегала. Из хвоста искры летят. Ребята как-то шли с гармошкой по деревне, она за имя. Они колья надергали, давай ее кольями-то бить, так избили, что она долго лежала. Она бежит, и из нее искры из рота. Она только свиньей делалась. Как побежит, свиньей делается, набегается, придет — человек» (д. Р. Чикаши, КЕА, 1925).

«Подковать мне надо лошадь...»

«А вот раньше-то еще и лошадью оборачивались. Опять оборачивалась женщина по деревне. Только это уж я не помню, кто это был, рассказывали. Вот она бегала, а сыну не глянулось это. А раньше-то отправляли в провоз. Это вот ездили, в провоз называли. Ну, вот, до Осы ездили, до Перми, на лошадях гоняли. Собрание соберут и пошлют. Выберут, кому ехать. Потом, говорит, к кузнецу и пришел. Поймал ее, мать свою, и к кузнецу ночью, зимой, пришел. Разбудил кузнеца: «Мне,— говорит,— надо лошадь подковать». — «Это ночью-то?» — «Меня,— говорит,— сегодня-то на утре гонят, ехать надо в провоз. Вечор собрание было, сходка, в провоз надо ехать. Подковать мне надо лошадь, она у меня не кована. Я помогу тебе все разгрести-то». Ну, и помог, подковал ему эту лошадь. Он дошел до своего двора, узду снял с матери и уздой хлестнул, она, говорит, и поскакала. И утром к ней пошел. Она, говорит, на печи сидит, у ней к рукам и ногам подковы, и ревет. Он ей сразу сказал: «Не станешь бегать» (д. Д. Гора, БМА, 1918).

«Она его котом сделала...»

«А как-то шкуру они оставляют — где-то на печке, под платным корытом. Раньше платные корыты деревянные были. Нынче-то в ванной стираем, железны корыты, у ковань машины нет. Вот она, говорит, сняла шкуру-то, и под корыто. Сын-то у ней вязальной иглой

шкуру-то у ней истыкал, этой вязальной-то иглой, а потом она пришла, надела ее, и лежать на ней нельзя, говорит, было, — всю истыкал. Она говорит: «Ты с ума сошел». И сам он ее бил, чтоб она не ходила. Она в свиной шкуре ходит, а свою оставляет. И вот, к этой бабке ходило два мужика, и оба Степаны. Их обоих Степанами звали. Любоваться, по-русски. У обоих бабы были. Одна все время с ней ругалась, что ты моего Степу котом делала. Один пришел вперед, а другой после пришел. И они там разговаривают. А заперты были. Он постучался, она открыла, а того нету. Он говорит: «Ты с кем разговаривала?» — «Ни с кем! Ты что с ума сошел!». Он давай искать. Лежит, говорит, кот большущий на печи, и никого нету, лазит-лазит, нигде никого нету. «Сказывай, кто у тебя был?» Она его выгонит, опять закроется, они опять разговаривают. Он сорвал крючок, которым дверь на ночь закрывают. Говорит: «Ты где был? Я тебя искал». — «На печи!» — «Как на печи!? На печи только кот лежал». — «А тебя, — говорит, — видать было. Я тебя видел». А он сам себя не видит, что он кот, он думает, что лежит как человек, а он котом был. Она его котом сделала» (д. Д. Гора, БМА, 1918).

«У нас баба свиньей оборачивалась...»

«У нас баба свиньей оборачивалась. Свинья бежит, а это колдунья. Человек выходит в трубу, как переверотится в свинью, свинья за людьми бегала. Кого укусит, тот захворает и умрет» (с. Бикбарда, БАД, 1914).

«Есть колдуньи. Овечек стригут, коров доят. Свинья по дороге шла. Ее липовой палкой били, колдунья оказалась. Липовую не любят — боятся» (с. Б. Кусты, МАА, 1931).

«В войну пришел один раненый, его поставили председателем. К нему женщина пришла муки просить. Не дал. Всечером пошел в контору, за им свинья белая бежит. Остановился, она тож. Мост перешел, оглянулся: женщина в белом платочке стоит, та, которой он муки не дал. Векшицей была, разозлилась на него сильно» (с. Б. Кусты, САА, 1908).

«У нас здесь превращалась одна, Афониха, в свинью превращалась. Видели ее: за одним парнем бежала. Ниже той девка жила. Па-

рень проводил ее домой, идет по лужочку обратно. Свинья сдохла²⁴, и за ем. С конца до сюда бежала, у него вся рубашка мокрая, в ограду домой забегают. Мать-то: «Петюша бежит!». К синям подбегат: стук-стук-стук! Отец открывает, а он: «Впускай скорей!». Зашел, рассказывает. А мать-то смеется над ем, не верит...» (д. Кашка, ШДП, 1921).

«У нас про одну бабу сказали, она пройдоха была. Вот свадьба, вот свинья ходит, на нее сели, поспели. Дуня пишет — она, мол, оборотнем оборачивалась, а тело ее под корытом лежит» (п. Куеда, МНМ, 1911).

«Собака та Фомихой была...»

«Ребятишки у Даниловых ходили в клуб. Когда домой возвращались, подходят к крыльцу — там незнакомая собака лежит. Они ее гонят. Она лежит. Камнями стали кидать, тады она ушла. А как спать легли, Юрку, который первый камень кинул, рвать стало. Говорят, собака та Фомихой была...» (с. Б. Кусты, МЛВ, 1968).

Как колдунья огненным летала

«Одни были у нас, жили бедно, детей шестеро. Она жила с матерью, мать у нее Марфа, а у матери сестра — Мария. Вот у Марии мужик умер, она одного взяла в дети. Я не вру, мне он сам рассказывал. Он приходит домой из школы, у ней на замке — закрыто. А домой не смеет идти к матери, раз взяла в дети. Он уйдет к соседям. Совсем темно будет, летит огненной, он рассыплется, падет. Он пойдет — она дома. А говорили, что она колдунья» (д. Пильва, ЧКП, 1939).

«Их ведь черти-то ломают...»

«Их ведь черти-то ломают, ей надо делать, раз она умеет — жжется. Видали у нас Лизавету, сколь раз в святки видели, на кочерге и на метле» (с. Б. Кусты, КНН, 1930).

Как колдунья кошку варила

«Вот через два дома от меня колдунья живет. Так мне про нее ребята рассказывали. Она кошку взяла, в чугунок засунула да в печку поставила и заслонкой закрыла. Ребята тогда к ей за чем-то пришли и

²⁴ Здесь: сдохнула.

ту кошку выпустили. А колдунья-то им говорит: «Вы зачем заслонку открыли? Я же чертенка душила, а вы его выпустили» (с. Б. Кусты, СМП, 1934).

Как колдуни людям досаждали

«Колдуни-то ярко обстригли в ладонь. Крола обстригли посреди хребта. У коровы хвост обрезали, и пропадет скотина» (с. Б. Кусты, МАА, 1931).

«Колдунья раз у меня подсолнух взяла. Че-то ведь сделала! Не стали у меня семечки расти, хоть сади, хоть не сади. Не стали родиться» (с. Б. Кусты, ЛЕП).

«Колдунья у нас серу из ушей коровы доставала. А у нас не было сливок. Пошла я к корове и наступила на что-то. Смотрю — обмылок. Это Надя корову подоила и обмылок оставила» (с. Б. Кусты, МАА, 1931).

Смерть колдуна

«Им ведь легче умирать-то, если они кому-то свое дело передадут...» (с. Б. Кусты, ПЛП, 1937).

«Она шибко мучилась — помереть не могла, три дня по полу каталась, потом уж дочь ее на крышу залезла. Конек разворотила — сразу померла...» (с. Б. Кусты, ЛЕП).

«Колдунов много было, друг другу передавали. Ты не хочешь, а передадут. Вон баба на горе жила. Она умирала, говорит: «Князек сними или вьюшки переверни». А сноха догадалась, заругалась на нее. Всех детей из дома увела. Она знать знала че, умереть и не могла. Тут соседка пришла. Дверь открытую оставила, и говорит: «Пахомихину смерть в тар-тарары». Три раза сказала, и та умерла. Соседка-то тоже колдунья была. Бог той смерти не давал — нагрешила много, портила. А открыть че, душа и вылетит. Баба-то не передала и не могла умереть. Она руку просила, а сноха всех детей-то увела, догадалась. Кто подойдет — она передаст в жилы. Колдунов отпевают, хоронят на кладбище. Кол на могилу осиновый вместо креста вбивают. Вот у нас на кладбище три или четыре кола вместо крестов стоят. Кол если вбили — то не боятся» (с. Бикбарда, БАД, 1914).

«В этом вот доме умирала женщина. Охлупень пока не снял зять, она не умерла. Под лавку ее затащило, между ножек. Кто первый простится, это ему и передастся. Вот люди и не шли к ей. Как распознать колдуна? Возьми трехроговую вилку и воткни в стол...» (с. Б. Кусты, МИВ, 1905).

«У Нюры мать умирала. Долго не могла умереть. А дочь трубу открыла, чтобы сыну не передала мать колдовство...» (с. Б. Кусты, МАА, 1931).

«Офинья колдовала. На Рождество умирать стала. Говорит дочери: «Ленка, курицу через гроб подавай». А она говорит: «Че заробила, то и получай». Переходит колдовство по курице...» (с. Б. Кусты, УАП, 1925).

«В Софьино колдунью схоронили, а потом на могиле дыра стала большая такая. Колдуны-то такие. Если передадут, дак умирают. Если передадут, те хворают, а они умрут. Одна вот хворает, говорит: «Меня научить хотели, чтоб я знала, а я отказалась...». Недавно ее во сне видела: «Я засяла, выйти не могу, дайте мне воды попить...» (д. Ключики, НВИ, 1929).

«Если долго человек не умирает, надо охлупень снять с крыши. Человек-колдун умирает. Он руку подает: «Возьми мое все себе, меня освободи!». Ему умирать легче, если передаст» (с. Дойная, ШАИ, 1918).

«За речкой у нас колдунья жила. Умирала очень долго, три дня мучилась, сорока по коньку бегала все три дня. Муж оторвал конек и сбросил сверху. Сорока перестала бегать, и старуха умерла. Она вылетела из окна сорокой...» (с. Б. Кусты, БЛП, 1938).

«А тут ишо старуха одна была, когда умерла, рот у нее вот эдак вот скривило... А у другой — смерть пришла, а она умереть не может, мастся, дык пока конск не сняли, умереть не могла...» (с. Б. Кусты, ПЛП, 1937).

«Колдунов на кладбище не хоронили, креста на могиле не ставили, а втыкали осиновый кол в ноги» (д. Трегубовка, ЛАГ, 1915).

Колдуны и колдуньи в текстах быличек наделяются магическими способностями лечить и насылать болезни. При этом быличек о лечении заметно меньше, нежели быличек о наслании колдунами болезней. При лечении колдун чаще всего прибегает к магическим приемам и к заговорным текстам, реже использует другие методы воздействия (например, парит в бане). Однако лишь несколько записанных текстов раскрывают подробности этого лечения. Способность лечить приписывается не только колдунам и колдуньям, но и другим знающим.

К перечням болезней, которые, по народным представлениям, имеют колдовское происхождение, относят, прежде всего, килу, порчу и икотку. Кила, нарыв, может быть послан не только человеку, но и скотине. Чаще всего кила, как и порча с икоткой, пускаются по ветру.

Большинство записанных текстов посвящено порче, под которой понимаются разного рода недуги. Порча может быть пущена по ветру, может попасть в человека с питьем и едой. В некоторых случаях она считалась неизлечимой, в других — лечились только с помощью колдунов или знахарей. В этом случае, как правило, больной «рожал» порчу в виде «мясного куска» или колобка со множеством глаз с ресницами. Порча по-разному досаждала человеку, в некоторых случаях это телесный недуг, в других — психическое расстройство. В кюединских быличках порча, например, не дает человеку выполнять определенный вид работы: стирать или жать пшеницу. Одним из видов болезни является порча, способная говорить или издавать звуки. При этом в ряде мест говорящую порчу не выделяли особым термином, в других ее обозначали икотой, порчей-икоткой, икоткой. Бытование такой терминологии позволяет говорить о близости местных традиций с традициями Русского Севера (*Славянские древности*, 1999, 402). Порча-икотка часто персонифицирована, имеет имя или прозвище, может выступать как мужчиной, так и женщиной. В случаях порчи или икоты больной против своей воли совершает поступки, произносит слова. Икотка участвует в разговоре (в этом случае человек как бы разговаривает и от своего имени, и от имени беса); некоторые «порченные» получали способность предсказывать будущее.

Как колдуны лечили

«А вот знахари-то... Зубы мне как-то лечили, маленькая еще была. Ноги простудила, и зуб коренной болел. Повели меня к соседям. Старуха-то была ничего, а старик колдун, наверное, был. Он заслонку перевернул, саженное место кверху, на нее встал. Бабка дала ему пузырек с растительным маслом. Шептался он, шептался перед иконой, потом бабка кудельку маслом намочила, и мне ее приложили к зубу. Я уснула. Проснулась — зуб не болит, но чувство неприятное у щеки. Не знаю: то ли сам зуб прошел, то ли вылечили мне его» (д. Кашка, ГПА, 1922).

«У Фомихи, у Аксиньи, свекровка была, так та пуще самой Фомихи колдунья... Я с Ильей брюхата ходила, она у меня все выпить просила, я говорю — нету. А в августе было дело, жаркуше, я на крылечке лежала, соснула вроде, как слышу: «Катерина, спишь ли че?». И пальцем вот эдак вот с обеих сторон носа потыкала... Я потом, погодя, встала, как у меня все взбухло — посадила есть че-то, зараза! Я к ей жо потом и пошла, говорю — прихворнула. Лечила она меня, веник под поясницу положила, маслом мазала около носу-то. Дак у меня и после этого ишо полгода подбородок зуделся» (с. Б. Кусты, ЛЕП).

Как килу садят

«Вот у соседки маме килу посадили, колдунья-то не хотела, да не туда попало. Она по ветру пускала, ветром надуло. Ей, говорит, над бровью как кольнуло. В больнице месяц лежала. А потом баба-то и говорит, я, мол, не тебя хотела, и вылечила ее. На коров садят. Вымя разбагреет, молока нету...» (с. Бикбарда, БАД, 1914).

«Аксинья, Фомиха, в том доме живет, у ее мужик Фома был, дык вот у него брат был Федор... Он — колдун. Тощно-тошно. Он у нас в соседях жил. Вот он сдох, так у нас коровы не стали болеть. Он килы ставил... Никитихе сам признался, когда пьяный был, что ее корове килу ставил...» (с. Б. Кусты, КНН, 1930).

«Как килу посадили? Одна старуха вверху там жила. Я тоже там жила. Ко мне пришла, говорит: «Ой, Наташа, как давно я тебя не видела. Че-то есть выпить?» Накануне Нового года. Я говорю — есть, стакан налила, дала ей. А я пол мыла, она через порог шагнула, дальше не идет никуда. Ну, мы давно знали, что она такая, ну, я внимания не обратила никакого. Ладно, я ей дала стакан, она два раза

пивнула: «На, выпей сама!». Я выпила и не подумала ниче, что ладно не ладно, выпила. Она постояла и лицом пала, ой как заревела, вот к чему, не знаю. Потом встала: «Еще подай мне!». Еще подала, она опять стакан отдала мне, я выпила, она попятилась и ушла. Сколько время прошло? Может часа два-три, она мне посадила килу. Ну, я и пошла к другой, она много знала, сказала, че, давай, лечи. Три раза ходила к ей, а на смертельно было сделано, вот как. Потом она яйцо проткнула, говорит, давай, выпей. Я выпила, сегодня будет перелом, вытерпишь — живая будешь. И вот меня заломало, у, как мучилась, утром стала, у меня ничё нету» (д. М. Кусты, КНН, 1935).

«Мне килу сажали, за жениха. Сваты пришли, сели за стол. Я вышла и говорю: «Лучше камнем в воду, чем взамуж!». Сваты ушли, у меня как морда распухла, ломота, терпенья нету. Утром отец меня в шубу завернул и к им повез. Говорит: «Лечите, а то милицию приведу!». Та баба и лечила, на масло наговорила. Мазала, три раза делала. Все прошло. Кто посадит, тот и снимает» (с. Бикбарда, БАД, 1914).

«Мама ино рассказывала. Отец плоховато жили. Надо огород породить. Отец осенью жердей нарубил. А земля уже застыла. Он по второй-от воз поехал, а навстречу ему Семен. Рукавицей-то и проведи отцу по шее. У него язык говорить не смог. «У меня де горло заболело!» Мать стала спрашивать: «Может, кто навстречу попал?». Он рассказал про Семку. Ну! Мама взяла масличка, пошла к тетке. Ух, она проклинат Семку. Велела три дня походить, и вылечила теплым масличком. Кила это была» (с. Б. Кусты, КАА, 1932).

«А говорят вот, векшицы есть. Людей они портят. Килы, говорят, садят на руки. Как кому посадят, те к знахарке идут. Она им пошепчет что-то над рукой-то, и потом прорывает килу, срам оттуда идет. Потом все проходит» (д. Н. Тымбай, ППФ, 1906).

«А вот осердится на тебя и поставит чирей какой-нибудь, а потом к ней же пойдешь лечиться, к кому еще. Заплати ей, платок подари, она тя вылечит обратно. Сама же поставит, сама вылечит. Илья скотину попортит, вымя заболест, шишка кака-нибудь вырастет. На мамку осердилась, поставила корове килу. Мамка переживает, не знат, что делать. Бабы говорят, иди к ей, а то куда пойдешь еще. Я, говорит, сходила к ей, платок купила, еще че-то, пряников. Пришла, и

сделала обратно, корова вылечилась, вот был такой случай» (д. В. Тымбай, МЕН, 1940; ЖМН, 1940).

«А ко мне Григориха как-то приходила: «Ой, Наталья, как я давно тебя не видела! Выпить есть-нет?». Дак как нет, под само Рождество было, я подала... Она попила, и вот столь, четвертиночко, оставила... «На,— говорит,— Наталья, допей, я вроде как не хочу боле». Я с простой души и выпила. Она вовсе больше не стала. Потом как лисом пала, как завоюет, потом назад пятки, вот эдак вот, и вышла не заворачиваясь. Вот ночью че-то защемило — заболело. Поглядела — она еть мне, зараза, килу на моньку поставила... О-о-о-й, ну че... Пошла на следущой день к Вавиловне. Че, все равно казать-то надо. Я ишо прикрываю один-от бошок. Бутылку с собой взяла. Три раз я к ней ходила. Первой раз она вином помазала, че-то пошептала — махом уснешь, говорит. На другой день — на йод, на третий — яичком мазала, снизу помазала, остатки я выпила и спать захотела. Долгонько поспала у ей тутoka. Она потом говорит: «Сёдни в двенадцать часов ночи перелом у тебя будет». Вот ночью меня и загнуло. Выжила...» (с. Б. Кусты, КНН, 1930).

Как порчу ставят

«Когда маленька была дак были каки-то колдуны. А думаешь, сейчас их нету? Дак вот осердятся на тебя, оставят порчу, да что-то, она (порча) разговариват. У меня с мамой тако было, она мучилась, на коленках ползала. Еще после свадьбы человек пришел после времени. Свой назвался, а колдун был. Не угостили его, все уж отдыхать легли после свадьбы-то, он и посадил...» (д. В. Тымбай, КМИ, 1940).

«Да колдуны делали. Человека испортят, он и мається. Бабушки были, они и лечили. Так кричит нечеловеческим голосом. Только это не человек кричит, а бсс. У меня мама вот порченная была. Но она не говорила. Он так ее маял, так маял. Работать ее заставлял...» (д. Узяр, ДАФ, 1915).

«Родила она порчу...»

«Родила одна порчу. Я слышала, видели люди: комок с глазами. Глаза то открываются, то закрываются. В туесок ее сразу надо и в печь. Иначе не избавиться от нее» (д. Н. Тымбай, ВАА, 1932).

«У нас одной порчу по ветру пустили. «Манька да Ванька» — так они себя называли. Ее старухи как-то достают. Она как колобок с глазами. Ее надо сразу в туесок и сжечь, а то перейдет. И заслонку сразу крепко закрыть...» (д. Никольск, ААП, 1922).

«А порчу когда рожали, ее надо быстро в туесок закрывать и в печи сжигать, а то другому человеку перейдет» (с. Б. Кусты).

«Колдуны порчи садили. В Ревизе у одной порча была, дак как человек кричит. Порча кричит в ней, орет. Порча родится как ребенок, а вся в глазах. В печь ее бросали, так орет, жгать ее надо. Но печь топить, двенадцать сортов дерева надо» (с. В.-Сава, ВФК, 1909).

Как порча говорила

«Порча говорила не своим голосом: вина просила писклявым голосом. Ее один раз в банке показывали, такое в банке...» (п. Куеда, ТКА, 1938).

«У нас соседка была, дак она говорила у нее порча. Ворожила, деньги зарабатывала. Она говорила: «Я молодчик, красненький». Она как-то в себя говорит. Старушка совсем она была, в больницу она ходила. Ей доставали — такой волосяной кусок...» (п. Куеда, ЮМФ, 1938).

«Старушка была одна, она порчена была. Она говорила, порча-то. Потом с подружкой пошли к другой подружке. — «Пойдем, Ленку попроведам!» Пришли, матери не было дома. «Ванюшки оденки, шарабься — шарисься». Она (порча) говорит: «У меня седня пировка была, нагледелися. О-ей, пьют. А мы в браге-то купаемся, да потом в воде вымоёмся, да в щи-от имя наклали. Пускай жрут, хлебают. А у меня хозяйка-то сама все наговариват, она Богу молится, она все с молитвой закрыват. Без молитовки уж ниче нет. Она у меня шибко хорошая». Та вся покраснела, сидит, хозяйка-то. Она вздохнет тяжело, она опять наговариват: «Ой, мы там ей набаловали. Нас много было, много было». Вот, думаю, чертей-то сколько было, сидело в их, в старухах-от. Ой, не дай Бог! У нас мама все говорила: носи ленточку шелкову, носи, никогда не снимай ее, только в бане, когда моешься. На себе пояс носили. Там воскресная молитва была. Носи пояс, никогда никакой порчи, никого не будет» (с. Б. Уса, ГЕТ, 1921).

«"Сегодня хозяйшкy задавлю", — порча так одной говорила. Та пошла к старухам. Они ей сказали крест надеть. Свой-то она не носила, порча и не выступала больше» (д. Н. Тымбай, ВАА, 1932).

Как бес не дает работать

«Рассказывали, что женщина была, которая стирать не могла. Как начнет стирать, так пот с нее градом. Никогда до конца выстирать не могла. Перед самой стиркой обязательно заболевает. А остальное все могла и умела» (с. Б. Кусты, КУИ, 1923).

«Может бес в человека вселиться. Знала я Мокриду. Бывало, пойдем жать, плоха пшеница попадет — ей бес не дает жать. Она валется, не может работать. Бес в ней молчал, не говорил. Она косила хорошо, быстро, сеяла лучше всех. А вот малую пшеницу жать не могла. Бес ее маял, чтоб она так работала...» (с. Б. Кусты, САМ, 1909).

Икотка бывает в человеке

«Еще икотка бывает в человеке. Она ему говорить не дает. Одна, видно, икотка была, перешла к матери. Она в человека-то влетает...» (с. Б. Кусты, УАП, 1925).

«Колдуны порчу сделают, беса внутрь посадят. Икает человек. Икотка это. Вот старуха у нас была. Сидит и говорит: «Как я меда хочу!». Сама дурным голосом говорит: «Ай, ай, ай. Он в ногу ушел». Икоткой его называли, беса-то, вот он заикат. Бес че захочет, то чтоб исполнили. А то скажет, кто умрет. Вот у нас парень застыл, потерялся, бес как бы сказал, где» (с. Дойная, ШАИ, 1918).

«Бабка была. Придет и начинает: «Вот такая я, вот такая я», и матюкалась. Человек у ней, человек тама. Она не может сама себя сдержатъ. Он ей руководит. Она испорченная была...» (с. С. Шагирт, ГТФ, 1905).

Как икотка ворожила

«У Маланьи Федотовны порча-икотка был. Его Григорисм Ивановичем звали. Он пищал так, когда говорил. И заикой был. Ворожил. У меня теленок пропал, я спросила у нес про теленка: «Где теленок?» — «Пиет теленок, пиет», — пропищал так. Придет, значит. А

потом сын уехал в Казахстан. А меня вызывают в сельсовет: где твой сын. Я говорю, что давно уж уехал, а где и че, не знаю. Может, и не доехал даже до Казахстана-то. Пошла о сыне ворожить. Взяла пол-литру, конфет, колбасы, пришла. Она, сама Маланья-то, спит на диванчике, дочь ее сидела, пустила меня, и кричит: «Григорий Иванович, вставай, к тебе пришли!». Не «мама», главное, сказала, а «Григорий Иванович». А ведь Григорий Иванович и нужен, к нему пришла. Та глазами захопала, села: «Йо?» (Че?) Ну, я все рассказала. — «Бумага пиет, зывой». А через два дня письмо от сына пришло, а там и фотография. Живой, точно...» (с. Б. Кусты).

«Одна Маланья у нас была. К ней ходили ворожить. Заикается она. А дьявол в ней говорит. Коня я тогда жо потеряла. Пришла к ней. А из ее голос тоненький говорит: «Найдешь, найдешь». И точно, в другой деревне нашла. Вот как бывает» (с. Б. Кусты, ЛЕП).

Чего икота не любит

«Вот здесь женщина недалеко живет. С ней, если в разговоре рыбу помянешь, она икать начинает. Рыбу сырую аж ела, спортили ее» (с. Бикбарда, МЕИ, 1908).

РАССКАЗЫ О ПОКОЙНИКАХ

Раздел «Рассказы о покойниках» — один из самых больших в сборнике. Дело в том, что взаимоотношения человека и умерших предков всегда составляли значительный пласт народного мировоззрения. Культ предков и представления о загробном мире, по мнению исследователей, одни из древнейших. В приведенных быличках нашли отражение представления о контактах двух миров, о влиянии, которое оказывают умершие на живых. Многочисленность и разнообразие бытующих представлений говорит об актуальности этого компонента народного сознания до настоящего времени.

В народной культуре мир предков никогда не воспринимался чем-то далеким и недостижимым. Умершие предки всегда сохраняли связь с живущими потомками, что выражалось не только в ежегодных поминальных обрядах, но и в испрошении у покойников дождя во время засухи, благополучия для семьи. Однако отношение к умершим всегда было двояким. С одной стороны, предки помогали, они наделялись, например, способностью предсказывать будущее, о чем рассказывается в тексте «Как предки предвещают...». В то же время предки всегда требовали четкого исполнения похоронных и поминальных ритуалов. С другой стороны, от представителей мира мертвых исходит опасность, немотивированные контакты с ними нежелательны, связь с мертвыми может привести к смерти контактируемого. Особо опасными считались умершие не своей смертью: утопленники и удушенники, убитые, проклятые, незахороненные. Именно они представляют большую опасность для человека, именно они, как правило, являются действующими героями быличек.

Самый частый сюжет быличек о покойниках — рассказы о посещении умершими живых. Возможность прихода умершего и контактов с потусторонним миром объясняется представлениями о проницаемости миров, о возможности в определенное время и при определенных обстоятельствах этой связи не только в сновидениях, но и наяву.

Уже в похоронном обряде выполняются определенные действия, направленные на то, «чтобы покойник не ходил», «чтобы не бояться

покойника». Повсеместно после похорон, возвратившись с кладбища, предписывалось войти в дом с поленом и бросить его на шесток, заглянуть в печь. В д. Куеда для того, чтобы умерший не приходил, не казался, свечу с гроба с наговоренной воскресной молитвой клали на косяк входной двери.

В классическом варианте к тоскующему супругу является умершая жена или муж. Однако в куединских текстах являются не только умершие, но и уехавшие надолго, не только супруг навещает супруга. «Ходить» может и умершая мать, бабушка, дед, сестра и другие умершие родственники. Бес может являться и к тоскующей по любимому девушке. Главными героями быличек становятся преимущественно женщины и дети; умершая жена гораздо реже является живому супругу. В одном тексте отмечается, что ходить после смерти могут только умершие неестественной смертью, прежде всего — удавленники.

В народной терминологии приходящий супруг, как правило, обозначается как «огненной, летающий, огненной змей» (в научной терминологии принят и термин «мифический любовник» — Козлова, 2002). В куединских быличках приходящий к тоскующей женщине является ипостасью черта, беса, который принимает облик умершего супруга. Об огненном часто говорят «летает», так как в воздухе он выглядит огненным снопом, огненной метелкой, веретеном. В одном из текстов умерший супруг появляется в виде лошади. Только на земле или в доме огненный принимает облик супруга. Облик змея также связывает мифического любовника с потусторонним, дьявольским миром; согласно христианским представлениям, змея является воплощением сатаны (*Славянские древности*, 1999, 334). Некоторые черты мифического супруга, подчас не сразу определяемые жертвой, также выдают его дьявольскую природу: у него нет спины («а будто у бесей спины нет...»); вместо ног можно различить конские или коровьи копыта, временем появления часто становится лишь полночь. Связь с огненным рано или поздно приводит к смерти.

Множество магических приемов помогало избавиться от «огненного». Основные действия, направленные на избавление от огненного, построены на проведении сакральной границы между внешним миром и жилым помещением, избой. Для создания такой границы в куединских деревнях могли применить несколько приемов. К наиболее распространенным следует отнести прием обсыпания или обсеивания маком. В некоторых случаях предписывалось «навтыкать кругом березовых палок», в других — «лутошки вокруг

дома поставить». В д. Еламбуй магический круг очерчивали, объезжая на помеле вокруг дома. Еще одним способом создания безопасного, очерченного пространства было «закрещивание» (осенение крестом, часто с молитвой), «зааминивание» (также перекрещивание с троекратным произнесением: «Аминь!») наиболее уязвимых пространственных локусов, через которые огненный мог попасть в дом: окон, дверей, печной трубы. При создании магической границы используемые в ритуале предметы усиливали сакральность созданного очерченного пространства. Зерна мака, которые в народной культуре воспринимались как самые мелкие из всех культивируемых растений, осмыслялись как бесконечное множество, которое почти невозможно сосчитать или собрать (*Левкиевская, 2002, 40*). Действия мака часто усиливаются предписаниями использовать трехгодовалый мак, глухой, нераскрывшийся мак. Помело, связанное с печью, с печным огнем, как и другой печной инвентарь, также достаточно часто выступает важной апотропеей в обрядовой практике. Характерно и использование березы в качестве оберега от нечистой силы, оно широко представлено на славянском материале (*Славянские древности, 1995, 159*). Апотропейные функции приписываются и липовым лутошкам, однако, в отличие от березы, в этом контексте используются не ветки или палки липы, а лишь та ее часть, с которой было содрано лыко (лутошка — палка из ствола молодой липы без коры). Таким образом, этот предмет приобретает свои сакральные свойства, потому что находится на границе мира природы и человека (его свойства приобретаются лишь в процессе определенной хозяйственной деятельности человека). Кроме создания границы вокруг дома, липовая лутошка может и самостоятельно (занесенная в дом, поставленная возле дверей) выступать оберегом от мифического любовника.

В пространстве дома лишь печь обладала способностью защиты от огненного, поэтому предписывалось «сидеть на печи», «забраться на печь». В случаях встречи с другими мифологическими персонажами также именно печь спасала от нечистой силы (*Юрлинский край, 2003*).

Одним из действенных способов защиты выступало и опознание летающего огненного змея, определение его истинной природы. Не случайно в быличках последними словами огненного часто бывают такие: «А, догадалась!». Для опознания достаточно было увидеть или задеть его спину. В случае разоблачения огненный также переставал ходить к тоскующему. Создание или проигрывание нереальной ситуации, сообщение о необычном, из ряда вон выходящем событии

также способно отпугнуть нечисть. Так, в одном из рассказов жена, к которой летает огненный, собирается на свадьбу. Из диалога становится известно, что свадьба должна состояться между братом и сестрой, а это невозможно в реальной жизни. В диалоге также определяется нереальность прихода умерших: «А умирают, так ходят?».

Отогнать опасность было возможно и при помощи определенных предметов, наделенных соответствующей семантикой. К такому можно отнести, как мы отмечали выше, липовую лутошку, топор, который нужно незаметно или преднамеренно положить под подушку, крест, снятый с покойного. Топор достаточно часто использовался в качестве оберега у восточных славян, например, его помещали в хлев, использовали при первом выгоне скота, чтобы защитить скот от сглаза (*Левкиевская, 2002, 75*). Крест с покойного — непременный атрибут народной охранительной магии: в Куединском районе считали, что он способен защитить человека от суда. К предметам, защищающим от огненного, следует отнести и потный хомут с предписанием надеть его. Возможно, выполнение этого действия направлено на изменение статуса тоскующего. Именно с этой целью проводилось протаскивание через хомут в других магических приемах (например, чтобы обезвредить колдунью, — см. выше).

Стрельба с целью отогнать и уничтожить опасность — достаточно распространенный прием в традициях восточных славян и других народов (*Мифологические рассказы, 1996, 51*). Предписание париться трехгодовалым веником основано на сакральной значимости именно этого предмета народной культуры, всесторонне используемого в лечебной, охранительной и другой магии, семейной и календарной обрядности. Символический статус веника, как в большинстве текстов, и мака дополнительно усиливается временной характеристикой: трехгодовалый (*Липина, 2003*). Достаточно редкая форма оберега — «фыркнуть кипятком», другие варианты использования кипятка в магических целях известны лишь у южных славян (*Левкиевская, 2002, 106*). К сожалению, неоткомментированным остался способ избавления от огненного чересполосной травой (что это за трава, как ею защититься: поить настоем, принести в дом или другие варианты?), хотя использование трав в охранительной магии в русских традициях встречается достаточно часто.

К вербальным способам оградить дом и отогнать опасность следует отнести произнесение особых заговорных или молитвенных текстов. Былички раскрывают использование именно этих приемов защиты от огненного. К одному из заговорных текстов следует отне-

сти формулу: «У-у-у, поганое корыто полно мудей намыто, муди доставай, свои забирай...», записанную в с. Б. Кусты. Молитву как средство защиты достаточно часто отмечают информаторы, рассказывая об огненном. Встречается ее применение против огненного и в приводимых текстах.

Приглашение: «Бес-сатана, приходи вчера» — основано на временном несовпадении прихода огненного и настоящего бытия (как отмечают сами информаторы: «Пусть вчерашний день ищет!»). В достаточно редком «рецепте» защиты от являющегося покойника — предписании «сгульнуть» — происходит символическая замена мифического любовника настоящим. Огненный в этом случае перестает летать, потому что замещена его главная цель и функция — любовная связь с женщиной.

Нельзя тревожить покойников

«Девку похоронили богатую. Один решил ее раскопать да забрать одежду. Другой говорит ему: «Ты не раскапывай!». Он все равно раскопал. Вытащил из могилы. Он с нее верхнее снял. Она ничего, все молчит. А потом он и нижнее с нее снял. Она ему сказала тогда: «Как я встану, второе Христово пришествие будет, нагишом-то я как появлюсь? Я же девица! Ты зачем такое сделал? А за это ты будешь слепой!». И вот он сделался слепым» (д. Пильва, ЧКП, 1939).

Как покойная мать ребенка кормила

«Тут у нас один случай рассказывали. Женщина одна при родах умерла. Ребенок остался с отцом. Днем ревел, а ночью спал спокойно. Пошел отец к старухе. Старуха говорит: «Это мать ночью приходит, кормит. Соберите, — говорит, — по деревне всю родню, в глиняные горшки поставьте кругом свечи, сядьте все и не шевелитесь». Мужик один пьяный горшок уронил, так она исчезла вместе с ребенком. А на могиле разрыто все, и трафарет отпечатался: мать с ребенком» (с. Б. Кусты, ВЕК, 1927).

«Как там покойника принимают...»

«Если простой человек умрет, на могилу слушать идут. Вот умер мой муж, мы пошли на могилу слушать, как там покойника принимают, а он песни любил петь, стихи. А если не на свое место покойник ляжет, так там они ругаются. Так вот у него много голосов запели» (с. Б. Кусты, КТС, 1906).

Как предки предвещают

«Почему-то некоторые мертвые могут предвещать. Раньше я этому не верила. Здесь, на углу в доме, жила Тоня. Она работала нянечкой в садике, умерла совсем молодая. Осталось двое детей: дочь и сын. Она мне сейчас снится и предвещает о жизни в их семье. Видела я сон. Иду на работу, а Тоня плачет — сын сидит в тюрьме. Так и случилось» (с. Б. Кусты, КТС, 1906).

«Человек ведь чувствует, когда помирать пора...»

«Человек-то ведь чувствует, когда помирать пора. У меня мужик помер в дороге... В тракторе стали все рассаживаться... а он говорит — вот тут и место мое, маленько просхал и помер... Перед тем как умереть-то ему... сон как в руку — ворона лошадь, в запрягах²⁵ с санными бежит от меня в сторону кладбища. Бегу-бегу за ней, сколь быстрее, она ишо пуще скачки делат. Тьфу, говорю, я тебя больше догонять не буду, и ушла...» (с. Б. Кусты, ПЛП, 1937).

Незахороненные люди

«Я один раз заблудилась. Столько раз сама ходила, да какие-то овраги-овраги, каждый кусток знаю, а заблудилась. Тут вроде леса-то маленькие, заблудиться негде. А шайтан-то, ага. Все там заблуждаются. Может, на этом месте человека убили ли бросили, вот тут ведь гражданска война была. Там есть, шайтан-то, незахороненные люди» (д. В. Тымбай, МЕИ, 1940; ЖМН, 1940).

О богатом доме

«Дед рассказывал, дом богатых одних был, брошенный-неброшенный, они уехали, оставили дом. И этот дом как сельсовет должен продать. Кто бы ни пришел в этот дом, жить не могут. А причину не говорят. Отказываются и уходят, отказываются и уходят. Говорят, хоть бы даром кому-то отдать, чтобы не пропадал. Один выискался. Пришел, зажег свечку и сидит со свечкой: зажглась люстра, богатый дом был, ни с того ни с сего заиграла музыка. Парень с девкой вышли танцевать. Как ночные петухи запели, все, музыка затихла, свет погас. И он сразу пошел на то место, где они исчезли, крест поставил. А утром говорит: «Давайте это место разбирайте!». И правда, в этом месте замурованные были парень с девкой, то ли брат с сестрой, то ли муж с женой!» (с. Аряж, ЗКА, 1926).

²⁵ Запряженная.

Как покойники кажутся

«Да, покойники могут являться человеку... У нас сосед был, Колька, он каким бухгалтером, что ли, робил, и у него деньги пропали, сумма большая... И задавился на чердаке. Мужик мой его сымал, удушенного-то. Вот как ночь, он к ему и зачал ходить, в окошко прямо наяву так и лезет, так и лезет, все до самых сорочин мучил ходил... Кто ведь не своей смертью умрет, ведь шибко кажется людям, и вот особливо тому, кто их снимает или из воды достает...» (с. Б. Кусты, ПЛП, 1937).

Как огненного видели

«Я огненного видала раза два. Как сноц, а сзади метелка и искры сыплотся. Кто его пускает, к тому и летит, вот едем из Куеды, а он летит, черт это...» (д. Ключики, НВИ, 1929).

«Иду я одна, пою. Огненный летит шар, а взади хвост. Так бегу, к соседке забежала. А то кто-то тосковал. Вот и летел. Мать ли, отец ли умрет. Через речку улетел шар...» (с. Б. Кусты, МАА, 1931).

«Я вот ночью как-то вышла, корова телиться зачала... Вышли из конюшни-то уж и от нас, прямо из-за крыши на крыльцо соседям шар большой, огненный, и искры в разные стороны сыплотся — это нехорошая, удушенные покойники ходят...» (с. Б. Кусты, ПЛП, 1937).

«У ней мужик был в плену в германску-ту войну. А я вечеровать к ей пришла. Она стоит как на кухне. А я эдак сидела, пряла, против окошка. А там амбар стоял, против амбара-то такой свет сделался. Я вот видела своими это глазами. Весь в искрах, большущий, как ровно метла большущая, голова есть. Видеть, что как голова, круглое будто. Сзади как хвост, как метла. Я заукала: «Тетка, тетка!» — «Че де ты?». Соскочили — никого нигде не стало. Вот кто-то падал в ограду. Против окошка. Стали говорить-то соседям, дак соседка тосковала о мужике, дак нечистый дух как вроде прилетал, блазнило²⁶ как вроде...» (д. Куеда, БПД, 1904).

²⁶ Казалось.

Как муж приходил

«Старушка говорила, молода была, мужика потеряла. Легла спать. Он пришел ко мне. Я говорю: «Игнатий, ты?» — «Тихо,— говорит,— не сказывай отцу. Я из тюрьмы сбежал. А, мол, из голбца пришел, там ход есть». Она утром голбец на ключ закрыла. А он еще три раза приходил. А потом не стал. Свёкр заметил, что она не спит, во двор выходит, пригрозил ей: до смерти, мол, запорю. Он и не стал. А потом муж пришел с этапа. Я, говорит, никуда не ходил и не бегал...» (с. Дойная, ШАИ, 1918).

«А парень не любил ее...»

«Нечистая сила и сейчас ходит. Рассказывают, тут кака-то эта как палка така летит, огонь сыплется. Девка, говорят, шибко влюбилась, а парень не любил ее. Она страдат, страдат и заболает. Нечиста сила приходит в его облик...» (д. В. Тымбай, МЕИ, 1940; ЖМН, 1940).

«Он, видно, обшибся...»

«Даже есть змей какой-то, летат, и его видели. Он у меня упал на крыльцо, этот змей. Мы со снохой к какому-то празднику кумышку гнали. У нас аппарат стоял на кухне. Вот кумышка бежать. И вот враз на крыльцо строхало чего-то, изба-то у нас качнулась, колпак сорвало, и даже припрыгнул у нас котел-то. Ну, прямо вся изба задрожала. Я повернуться боюсь. Так двенадцать ровно часов было. Ладно, все утихло, все снова сделали. А тут жила старушка, у ней два сына было, они у ней работали на лесопилке, а мужик у ней-то удавился. Вот он к ней ходил сюды, вот он видно обшибся, и ко мне-то на крыльцо упал. Я утром пошла к ней. Она-то мне: «Сегодня я-то сижу, печка-то у меня топится, я лежу тут, робят жду, у меня похлеб-ка варится и чай кипит. А он зашел и сразу-то он, говорит, утопец, его-то не вижу». У старухи сын умер, она видела, как он летел и у них на задах и рассыпался, только искры из него полетели. Крылья есть, ли че. Я вот трубу закрепощиваю, чтобы в трубу не попал. И в трубу, говорили, он может попасть» (д. Д. Гора, БМА, 1918).

Все равно тебя задавлю

«Женщина схоронила мужа, очень тосковала об нем. И стал он к ней приходиться ночью, ущипнет ее. Она проснется, возьмет его за руки, а они у него холодные, словно железные. Она взяла дом и обсыпала трехгодичным маком. Он пришел в очередной раз и сказал, что я все равно тебя задавлю. Чсм кончилась история, не знаю» (д. Пантслесвка, ММ, 1932).

Он ходит, ходит, а потом задавит...

«Есть... У нас баба была, имела с бесом... А как вот узнаешь, он ходит — и ходит. Глаза-то ей застит, будто ее мужик это к ней пришел. Потом уж догадались. Трехгодовалым маком обсыпали — не стал летать-то, жива осталась... Он ить ходит-ходит, а потом задавит...» (с. Б. Кусты, САМ, 1909).

«Скажешь кому — не станет ходить...»

«Я видела. Пошла утром на работу и летит большущий клуб страшный. И искры посыпались. Кто тоскует, к тому и летали. Муж куда бы задевался у тебя, ты бы затосковала. Он бы и стал летать. Гостинцы тебе принес. Под вид человека, если скажешь кому — не станет ходить...» (с. С. Шагирт, ГТФ, 1905).

Через крышу стрелять, чтобы бес не ходил

«У нас Ольга умерла. Ванюшка, мужик-то, шибко по ей тосковал, и зачал бес в ее обличье приходить — собака залаяла. Собака-то ведь чует беса. Надо, говорят, через крышу стрелять. Тогда он лучше не придет. Ванюшка-то стрелял, прошло...» (с. Б. Кусты, САМ, 1909).

«Поганое корыто полно намыто...»

«А мне не приходил мой мужик после смерти. Я как че где застукает, так говорила: «У-у-у, поганое корыто полно мудей намыто, муди доставай, свои забирай». Это ведь не покойник приходил, а бес кажется человеку. Если человек по покойнику тоскует, то бес принимает образ покойника и приходит...» (с. Б. Кусты, САМ, 1909).

«А умирают, так ходят?»

«Жили-были мать с дочерью. Мать померла. Дочь скучала о ней, мать и стала приходить к дочери мертвая. В Пасху дочь шаньги делала. К ней мать пришла, села у печки: «Фу, устала. Сегодня у нас корова отелилась, красную телочку родила. Пеки шаньги, подем доить». Дочь сзади зашла, видит: у ней из-под стула хвост торчит, и ноги коровьи. Дочь испугалась и побежала. С соседями утром поехали, и вправду, корова отелилась. Дочь стала спрашивать у соседей, что делать, чтобы мать не ходила. Ей сказали: «Кипяти самовар, чашки поставь, срядись красиво. Мать спрашивать будст: «Ты чего такая красивая-нарядная?» Отвсчай: «Я замуж выхожу». — «За кого?» —

«За родного брата». — «Да разве за родного брата выходят?» Ответ: «А умирают, так ходят?». И не станет ходить». Сделала дочь как ей наказывали, мать и не стала ходить...» (с. Б. Кусты, КЕП, 1911).

«Он на печь нейдет...»

«К одной женщине ходил, она пожаловалась. Ей сказали — ты на печь ложись, он на печь нейдет. Она на печь легла. Бес пришел, а на печь залезть не может, все царапался до петухов, а больше не приходил...» (с. Дойная, ШАИ, 1918).

«Надо на печи спать, тогда не будет сниться... Маком отваживают, постелю обсыпают. Я и сама делала, мне и самой делали. Это у меня у самой было наяву. Маком трехгодовалым, глухим. Слышу как-то маму, а она умерла. А я затопила печь и лежу, уснула. Проснулась, спрашиваю: «Мама, в печи-то топится?». Она отвечает: «Топится!». Я когда образумилась — испугалась. Встала, пошла — никого нет, и в печи топится. Говорили, тоскующий, он как огненная метелка. Дедушка умер, я его все во сне видела. Меня потом маком обсыпали. И как на вышке сгрохало, как будто труба упала. Ну, я утром печь затопила и побежала в сенки. Смотрю на вышку, трубу видать немного, и заглядываю. Когда бес ходит, когда сделают, я слыхала, он состукат и больше не придет. Смотрю: труба целая стоит» (д. Пильва, ДЕС, 1932).

«Надо было его кипятком фыркнуть...»

«Ленька-то пришел, двери отковыриват, отковыриват, вроде как пустить его: «Пусти меня, говорит, замерз». Как ты замерз? И двери-то у меня открылись. Он стоит в фуфайке и шапке, и говорит: «Че ты меня выганиваешь?». Слышу: по крыльцу подымается и шагает. Он умер, дак вот, вот так вот я сама видела, а его уж два года нет. Надо было его кипятком фыркнуть» (д. В. Тымбай, МЕИ, 1940).

Крест с покойника

«Меня научили: вот с покойника крестик нательный, вот такой же крест. Ты его возьми и носи неделю в кармане, в платочке, а ему другой. И вот я сняла и положила, и верно: не боялась и не тосковала. Потом молитвы какие-то есть, чтобы не бояться. А то кажется человек и кажется...» (д. Земплагаш, БЕЕ, 1927).

«Можно еще чересполосной травой спастись...»

«Когда человек тоскует, умерший ему кажется, прилетит и потом искрами рассыпается. К одной женщине прилетал муж, а она никому не говорила. Он приходил с гостинцами и спали вместе. Он только не разрешал ей трогать ему спину. Говорил, что ему больно. А она ела его гостинцы. Однажды соседка скараулила эту женщину с мужем. Они обсыпали кругом маком. И он как полетел, как торкнет в дверь, так изба затрещала. Если бы не спасли, то задушил бы ее. Можно еще чересполосной травой спастись...» (д. Пантелеевка, СТА).

«Навтыкали березовых палок...»

«Покойный отец начал приходиться к матери. Разговаривал с нею, а дети не слышали. Ходила по ночам, с литовкой, якобы косить. Приходила и приносила нам, детям, подарки. Будто от отца — заячий помет. Отец матери спрашивал ее: «Тоскуешь?». Она отвечала: «Нет, не тоскую!». Чтобы отвадить, посыпали маком и навтыкали березовых палок вокруг избы. Он и не стал...» (д. Тапья, КПВ, 1917).

«Трехгодовалым веником париться — млить не будет...»

«Я жила сироткой, вышла взамуж. Осталась в положении. Муж-то помер. Сплю, слышу, кто-то нажимат, смотрю — муж. Я закричала. А потом вдруг как гроыхнет че. Утром посмотрела. А там полати были, сельница²⁷ на пол пала — кот ходил вроде. Трехгодовалым маком надо избу обсыпать, вокруг. Трехгодовалым веником париться — млить не будет. Когда бес приходит, ложится спать, он спину не дает задевать. У него спины нет...» (с. Дойная, ШАИ, 1918).

«Лутошку заносят голую...»

«Не только бабы тоскуют, у меня дядя был, тосковал. Перву жену похоронил — ниче не было. Вторую похоронил, стало казаться. Приду домой, мама меня посылат: «Пойдем к дяде, че он там делат». Придем. Он там разговаривает, слышим. Стукамя, стукамя — не пускат. Все равно добьемся, пустит. Давай нас ругать: «Че пришли? Я с Настей щас разговаривал». Всяко начнет нас ругать. Мама забирается на печь. Я пойду, окошки огражу, двери огражу крестом, прочитаю молитвы: «Крест-хранитель всей вселенной...», и на полати, и ночевали. Эдак поделали, и больше не стала ходить к ему. Еще по-другому делают. Обсыпают маком трехгодовалым круг дому по воле.

²⁷ Деревянное корыто для просеивания муки.

Лутошку заносят в избу голую, липовую, липу дерут, ее положат...» (д. Пильва, ЛКК, 1925).

«Бес-сатана, приди вчера!»

«Я даже видала сама, как метла летит огненная и рассыпается. И тогда он заходит туда. Он даже может, если тоскует женщина, с ней и спать. У нас в Талмазе даже было. Я утром шла на работу, он упал прямо в лог, то ли к соседке нашей летал, то ли к маме. Только я и писала: «Бес-сатана, приди вчера! Бес-сатана, приди вчера!». Везде бумажки написала и наложила. Пусть он вчерашний день-то ищет. Слыхала, что и маком обсыпали. Дак не всегда берет его ее маком...» (п. Куеда, ЗЛК, 1923).

Заамишить надо

«Дедушка тосковал, бабушка умерла, я из клуба шла,— и правда, метла красная, как за дом залетела и над домом рассыпалась. «Аминь, аминь, аминь»,— говорят. Маком обсыпают трехгодовалым, чтобы три года мак пролежал...» (с. Б. Уса, КЕФ, 1927).

«Топор под подушку положить...»

«Пия рассказывала. У нее кто-то умер. Тетя Маша поспала у ей до девяти, а больше не стала. А Пию кто-то научил: топор под подушку положить. Это надо класть — не будет ходить. А я еще слышала, что надо положить так, чтоб она не знала...» (д. Пильва, ЧКП, 1939).

Надо пробежать на помеле в сумерки...

«Мама стала скучать, когда от отца пришла похоронка. Старухи все говорили: «Какой-то сноп над вашей избой рассыпается, ведь отец летает, че вы с матерью ниче не делаете, уведет ведь он ее». Боялись, кто у нас мать уведет. И правда, сестры приехали в гости. А мать встанет среди ночи, выйдет и разговаривает воочию с ним на улице, стоит, разговаривает. Не то что о любви: «Картошки шибко мало накопала, чем я ребят-то кормить буду». Не стали пускать, она найдет причину — лошадь вашу надо попроведать. Уйти надо в двенадцать часов и все. Че только не делали. Старушка ходила, маком обсыпала дом. Мы с Дусей так делали: вокруг усадьбы надо пробежать на помеле в сумерки. Меж ног помело деласшь и так всю усадьбу пробежать. И не стал. Надо сще всем рассказать. А мама боялась людям-то рассказывать, че про нее будут говорить. А бабка говорит:

«Ты не говори людям-то, ты пойдешь корову доить, корове расскажи, петуху расскажи, раз петух тебя там встречает. Чем больше ты будешь говорить про это, не будет летать». Не скрывать. Он ей воочию казался. За дровами поедет, ей навстречу по просеке бежит и все, отец. До нее немножко не добежит и свернет, нету, раз она не одна, раз мы тут, нам не казался...» (п. Куеда, ТКА, 1938).

Стала молитву читать

«Мой отец жил на Петровке, там же Маруся жила. Она шла в гости. А муж ее в это время в армии служил, на войне. Она потом рассказывала: «Я иду по лесу, а он рядом со мной. “Что, Маруся, в гости пошла? Я тоже пошел. Я ведь приехал”». Она стала молитвы читать, его и не стало» (с. Б. Кусты, КУИ, 1923).

«У нас Маня, она очень любила Мишу и тосковала. Вот она говорит: «Я на печке лежу, днем было, а летом форточка открывается. Ветер подул, окошко открылось, и жеробенек заскакивает. Как стукнет — Миша стоит. А я на печке лежала. А говорят, на печке он ниче не может сделать. Он меня зовет, а я давай молитву творить. Он как за ногу дернет, как стукнет. И ниче нигде не стало. Мама это рассказывала...» (п. Куеда, ЮМФ, 1938).

«Не поверишь, он стучится ко мне по ночам. Это не он стучатся, а сам дьявол. Сперва-то я окошко крестила, дверь, ложусь спать, все закрещу. А потом не стала креститься, вот он ночью в окошко стучат, я встану, подымусь: «Господи Иисусе Христе, Господи Иисусе Христе!». По окошкам пробегусь — никого, ничего нет. И как-то я заперла ворота, и взяла — ворота перекрестила. И спать легла. Он ни в одно в окошко. Вот это со мной было. Это уже не покойники ходят, а сам черт. Вот мы плачем, а он ходит» (д. Д. Гора, БМА, 1918).

«Если сильно тоскуешь, то является. Вот одна тосковала, у ней муж на фронте погиб. А когда он уходил, то его костюм она в сундук убрала, а не перекрестила. И вот как-то ночью приходит он к ней в том же костюме. Она его спрашивает: «Ты почему не в военной одежде?». А он отвечает: «Да на побывку отпустили». Жена обрадовалась, накормила его, напоила. А потом они в баню пошли. Моются оба, а он все спину от нее отворачивает. — «Дай спину тебе потру!» — баба ему говорит. А он все отворачивается — чистая-де она у ме-

ня. Тогда она сказала: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». И перекрестилась. Биса-то и не стало» (с. Б. Кусты, КТС, 1906).

«А вот вы, девки, не верите, а я на своем опыте знаю. Я когда родила, и мне его не показали, а только обсказали, что сын родился. Сына не привозят. Молоко сцедают в соски и дают. Муж к этому времени умер. Его вспоминаю, думаю. Все равно чувствует сына. Он ночью и явился. Я лежу на спине, сын рядышком. Я лежу и думаю засыпать. Вот в 12 часов свет погас, он прикоснулся ко мне. Под койкой по стене зашабаркало. Одной рукой за горло меня взял. Я хочу его за спину взять, а он не дает. Я от соседок слыхала, что суседко давит. Я говорю: «Че меня давишь?» Он говорит: «Ху!». Это к худу, к добру он целует и за горло не берет. А я стишок знала очень полезный наизусть. Я уж хыркаю, говорить не могу. Как сказала слово: «Да воскреснет Бог!..», он сразу ослабился и спускаться стал. Договорила, он хлопнул дверями, и стены сдребезжали. Я одна слышала и этим стишком отбилась. А потом сиделка пришла, лампу принесла...» (с. Б. Кусты, КАА, 1932).

«Чтоб покойник не ходил, я все двери с молитвой закрывала. Сильно скучала я по своей сестре. По два раза за ночь она ко мне приходила. Придет и уйдет в деревню. Потом снова воротится, а я все стою и смотрю в окно на нее. А потом родителям рассказала, они меня спать в середину положили, караулить стали. Если покойник долго ходит, говорят, задавит. Это не покойник ходит, а черт» (д. Пантелеевка, СМЗ, 1923).

«Окна перекрестила...»

«У нас тятя помер, мама скучала. Мы спали на полу и на полатях. Перед сном на улице окна перекрестили и трубу. Заходило ночью, застучало в окна, потом по углу, как бы чем-то хряпало. Ниче. Постучало и стихло. Окна, двери крестят, чтоб не ходил. Все дыры...» (с. Краснояр, ЕЕС, 1923).

«Если окошки не перекрестишь, дак он домой ходит. К маме ходил. Мне сказали, что может увести скоро. Я окна перекрестила, трубу. Я никогда раньше не верила, а с той поры поверила. По-за углом сильный-сильный треск, как в мороз. И я повернуться не могу, как стало светать, тишина стала. Вот так до утра было, пока в четыре часа петухи не запели. А охранница видела, говорила: «Ну, Ивана седня

в дом не пустили». Он подлетит, рассыплется шаром красным...» (с. Аряж, ПВИ, 1938).

«Маком и отбиваются...»

«Говорят, у Пети мать умерла, дочь тосковала. Ее ночью даже имали. Федор пришел из клуба, глядит, в огород двери открытые, кто ночью в огород пойдет. Глядит, Надька бежит по огороду: «Бабушка стоит, бабушка стоит». Пошла имать, кто стоит. А потом двери стали закрывать, она опять в чулан убежала: «Бабушка меня звала». Мы маком обсыпали, глухим. Глухой мак есть. Есть открытый, а есть глухой мак. Обсыпали избу, только спать-то легли, сразу кто-то по углам застукал. С тех пор не стала Надька тосковать у нас. Маком и отбиваются» (д. Пильва, СЕУ, 1926).

«Вот когда у меня внучка умерла, так внук Андрей тосковал очень. Я его спрашиваю: «Вера-то ночью приходит к вам-то?» — «Нет, только во дворе, а в избу не заходит, папу боится». Тосковал он очень по ей. Я его маком накормила и обсыпала, он тосковать перестал» (с. Б. Кусты, КТС, 1906).

«Как уберечься от беса? Чтобы он в избу не попал, нужно вокруг избы посыпать трехгодовалым маком. Муж говорил, что у них бабушка тосковала по дедушке. Только крыша дрожала — так он попасть хотел. Посыпали маком — не попал» (с. Б. Кусты, САМ, 1909).

«Черт летат. Говорят, Аннушка у тети летала, схоронила она дочь. Трехгодовалым маком обсыпают и круг дома, и углы. Одна рассказывала, мама умерла, спать легла, и мама пришла. Пришла мама и принесла деньги: возьмите деньги. Я взяла, а утром проснулась, а там не деньги, а козы катышки лежат. Обсыпали тоже чем-то» (п. Куеда, САМ, 1932).

«После смерти ходят — это млит. Спишь когда или наяву, если тоскуешь. Сноха мужа постоянно видела, ночью на могилу бегала, ночами с ним разговаривала. Трехгодовалым маком избу обсыпали — больше не стало. Это не нами заведено, не нами и кончится» (с. Бикбарда, БАД, 1914).

«У меня дочка ведь умерла, Любашка, одиннадцати лет, голову ей на мотоцикле оторвало. Так она ведь после похорон уж, как ночь,

она ко мне... Просыпаюсь — у меня аж одеяло скидывало, в углах трещит, наяву прямо является... «Мама, мама, ты пошто в другу деревню уехала? Я тебя нашла ведь...» — «Ой, Господи!..». Бабка обсыпала округ избы, всю, трехгодовалым маком. И все, не стала боле ходить, а то задавила бы она меня...» (с. Б. Кусты, ПЛП, 1937).

«У одной женщины дочь умерла. Ну, она, конечно, тосковала по ней. И соседи как-то увидели огненную метёлку, летела с таким хвостом, и к ней. Рассыпалась по всему двору, прямо искры везде. Это, говорят, леший. А она сама-то не видела. А люди говорят, поди она тоскует шибко по девке-то. Ну, обсыпали её маком трёхгодовалым. Вроде ничего больше не было» (д. Степановка, ААЛ, 1931).

«Рассказывали мне, брат у одной был. Он был на лесозаготовках и ходил к дочери. Это бес ходит. Дочь тосковала без него, он и ходил. Я баю-то много. Они стали замечать — кал заячий лежит, лисий, щепочки всякие. «Че это?» — «А это мне папа конфетки носит!» Это было до войны. Мама-то заметила это дело: «Че, задавит ведь ребенка-то!». Она обсыпала избу глухим маком. Слыхали, что глухой такой мак, сверху у мака бывают дырочки, а у него нет. Еще надо трехгодовалый мак. Мать избу обсыпала, а другой брат идет с фермы. Кто-то по вышке заходил. И ходит, и ходит, и ходит. «Давайте, идите!» — зажгал лампу — и в сени. Все на вышке прошли — никого нету. Зашли в избу, как ровно бревно с вышки в сенки пало, вся изба вздрожала. А мама-де говорит: «О, де, это я знаю че. Бес это». От этого еще лутошки липовые ставили вокруг дома и в постель клали» (д. Пильва, ЧКП, 1939).

«Будто бы надо сгульнуть...»

«У Веры мужик умер и к ей ходил. А ее бабы научили. Вот будто бы надо сгульнуть, сб...нуть надо с другим мужиком, тогда бес отстанет. Тогда Вера пришла к одному, заревела и в ту же ночь с им ночевала. Она уж не рада была, бес ее одолел» (д. Пильва, ЧКП, 1939).

«Выйди на улицу — я тебя увезу...»

«Он к себе уводит. К одной летал. Он говорит ей потом: «Выйди на улицу — я тебя увезу». Она детей оставила у соседки, и в назначенное время вышла. Вышла, такая лошадь стоит хорошая. Стала садиться: «Господи Исусе!» — сказала. У колодца стоит, ногу одну уже

закинула в колодец. Тогда все кончилось, с тех пор ничего не стало. Если б не сказала, все бы, наверное...» (д. Пильва, ДЕС, 1932).

«Когда тоскуют, у нас здесь обсыплют маком. На печи можно спастись, он на печку не залезит. Мама рассказывала, умер — приходит. Вначале так ходит... Это не человек, а бес. И уговариват, айда ко мне жить. Она согласится, пошла. А первую очередь скажет: «Господи, благослови!». То через огород лезет, то в колодец садится. Такие случаи...» (с. Аряж, ЗКА, 1926).

«Не нужно стало ей больше жить...»

«Тама, в Тымбае, муж у ней умер, заболел. Не было у них детей-то. Она все, видно, тосковала, что ли, по нему. Че, всю жизнь вдвоем жили-то. Она, говорит, домой заходит, и он лежит на кровати. Вот у нее вовсе после этого крыша поехала. Тут родственники в нашей деревне, она приходила, к им просилась, возьмите меня жить, и не взяли. Время-то прошло два дня, ли че ли, она повесилась, не нужно ей стало больше жить, вот действительно кака-то нечиста сила, правда» (д. В. Тымбай, МЕИ, 1940; ЖМН, 1940).

«А вот это ведь метеор летает. Он сперва толстенький, потом хвост. А говорят — бес. Умер мужик у бабы, а бес к ней летал, млил ей. Снопом во дворе разбивался. У солдатики вон муж ходил, она пошла трубу закрывать. Он ее и задавил. Она, видно, сказала кому, а нельзя...» (с. Дойная, ШАИ, 1918).

«Спину не трогай!...»

«Огненный-то залетает под крышу. Сосед у нас есть, так у него жена пошла на сеновал, корове сено давать, а он там. Говорит ей: «Спину не трогай, она у меня болит». Она затронула — а там доска...» (с. Б. Кусты, САМ, 1909).

«Варвара, мужик у нее ушел на фронт, и она шибко тосковала об ем. И он к ей ходил. Ну, ходил бес. Дак она даже с ним блуд творила, она с ем спала. И они говорят, бесенки-то, только мне спину не задевай. А будто у бесей спины нет, там кости или кишки ли уж вовсе» (д. Пильва, ЧКП, 1939).

«Вот будешь думать о покойнике — придут. Будут конфетки носить. Вот моя мама говорит, бабушка в 1921 году умерла, а маму вза-муж успела, выдала. Вот лежу с мужем. Выйду ночью на двор, а мать

мать покажется и говорит: «Подожди. Я конфеток дам». — «А ты где, мама?» — «А ты пойдешь корову доить, я приду». И придет. Если покойник придет, надо в спину поглядеть. А он не дает. А она-то повернулась и по спине его задела, а там доска оказалась. А домой пришла, а в карманах конфеты. Говорит: «Есть не буду. Ну, к корове подошла, мать и ушла. Молоко процедила. Идет с дойником²⁸. Свекровь говорит: «Че ты угрюмая!» А сегодня свекрови уже говорили: «У вас огненной рассыпается» Как веретешко. Летит, а где одёжу переменить надо, как нищий летит, а где столбик без молитвы поставлен, одёжа его хорошая лежит. Он поднимает этот столбик, свое поднимает. Плохое складывает, а потом домой уходит пешком. Бабушка заметила, что он в самом деле рассыпается. А мать говорит: «Я уже с неделю томлюсь». Бабушка говорит: «Думаешь о матери». Она говорит: «Думаю». А бабушка заставила потной хомут надеть. Она, грит, надела, походила. А потом де легла, на ночь она с мужем легла, а бабушка кровать маком обсыпала. А мать-то прилетела. Стучит в окно, так ни с чем и улетела. А после этого в карманах заячьи какашки вместо конфет нашли» (с. Б. Кусты, КАА, 1932).

«Вот из них такие и делаются...»

«Говорили, родит женщина ребенка да бросит вот где-нибудь, не захоронит, например, ребенок тайный умер или неживой еще родился, на кладбище не несут, вот из них таки и делаются. Дак как палка летят, и в избу зайдет через трубу, и окажется человек вот мужем ее, как живой пришел, а поддаваться не надо этому, надо там кипятком: «Ты ж не живой, зачем пришел?». Есть такие женщины, у которых умер муж, он приходит как будто даже любовью заниматься, а его ж практически нет, это бес, нечистый дух. Он не дает говорить людям, чтоб они не открывались. Вот приходит к тебе муж мертвый, так делат, чтоб ты не говорила, чтоб его это там. Каки-то травы, говорят, есть, ложить в постель там» (д. В. Тымбай, МЕИ, 1940; ЖМН, 1940).

²⁸ Ведро, посудина для дойки. То же, что и подойник.

РАССКАЗЫ О БЛАЗНЯХ И ЗНАМЕНИЯХ

В разделе, достаточно условно обозначенном нами как «Рассказы о блазнях и знамениях», помещены тексты, в которых главный действующий персонаж не определен или обобщен в форме нечистиков, нечистой силы и т.д. В раздел вошли также рассказы, в которых персонажами выступают черти или дьявол. Помещены здесь и тексты, раскрывающие разные персонажи народной мифологии, но записанные в Куединском районе лишь в одном или нескольких вариантах.

Часть из приведенных текстов, в которых главный персонаж не определен по сюжету, близка к быличкам из других разделов. Так, тексты об огненном лукошке могут быть близки как к текстам о мифическом любовнике, помещенным в разделе «Рассказы о покойниках», так и текстам о колдуньях, которые также часто показываются человеку в виде лукошка. К рассказам о кладах близок фрагмент текста «Случай в поповском доме». Несколько текстов (например, рассказ о необходимости крещения, «Сила молитвы», «Как отпугнуть нечистого») раскрывают представления об оберегах, способах защиты человека.

Отдельную группу текстов представляют мистические знамения перед войной, широко представленные на общерусском материале и лишь в нескольких вариантах записанные в Куединском районе. Несколько особняком стоит рассказ о персонификации в образе старухи коровьей болезни, известный по публикациям из других регионов (Журавлев, 1994, 102—112). Рассказ о заколдованной елке также находит аналоги в текстах о почитании священных и проклятых деревьев в других регионах. Быличка «Как стена стала» раскрывает особенности восприятия различных пространственных локусов (в народе считается, что некоторые объекты ландшафта особенно притягательны для «нечистиков», там постоянно блазнит).

Некоторые мистические рассказы, например, «Как стол пошел вдоль по полу», вообще достаточно трудно поддаются интерпретации. Они интересны как отголоски древних представлений о сакральности некоторых бытовых реалий.

Заколдованная елка

«Вот в Дубленевке против ихнего дому росла елка большая, была чуть-чуть подсеченная. Никто к ей не подходил. Она уж посохла. И вот етот дед подумал ее срубить. Рубил, рубил — не может. Позвал суседа. Они пилили, пилили, и у всех у них руки отнялись. Болели, болели и все скончались. Тут дед один слышал об этом. Она, говорит, заколдованная. Ее можно только сжечь» (с. Б. Кусты, КАА, 1932).

Как стол пошел вдоль по полу...

«Когда отца посадили в 1937, мы очень горевали. Пришли домой после того, как его проводили. Сели за стол, ужинаем. Мать говорит: «Че ты, Ванька, толкаешь стол на меня?» — «Че ты, мама, у меня ноги на лавке, до стола не достают». — «Тогда ты, Зоя». — «И не я!». Тогда мама убрала скамейку, и стол пошел с едой вдоль по полу. Дошел до порога. Мама обомлела. И стол обратно пошел и дошел до места. Мать брата отправила к бабушке: «Ванька, иди за мамонькой», так бабушку звали. Бабушка Настя прибежала. Ей рассказали, она на дверях и на окошках кресты поставила. Спать осталась. Мать плакала, загоревала, видно, поэтому стол-то пошел» (д. Куеда, ТЗИ, 1927).

Огненное лукошко

«Мы едем к Саве, ниже к лесу, горизонтально все, как лукошко прошло! Сзади искры сыплются, так и летит. На звезду не скажешь, на комету тоже. Как упало, так и сторело» (д. Кашка, МОЕ, 1917).

«Мы с Фомой раз ехали на телеге, летом, откуда ни возьмись — шар огненный, как просвиснет. «Понужай,— говорю,— скорей!..» Это бес был» (с. Б. Кусты, САМ, 1909).

Окрестили — как рукой сняло...

«Сын у меня болел, в больницу положили, ниче анализы не показывают, а он все одно твердит: «Мама, я всех боюсь...». Повезла в Пермь, к бабушке одной. Она сказала: «Дак ты ще его привела, он ведь у те некрещенный. Если не окрестишь — умрет, припадкой будет бить...». Окрестили — как рукой сняло, есть-пить стал, румяный стал. У нас Сережка из армии присхал, женился, и вот стало его бить, по два-три раза в день. Алка, жена у его, плачет. Врачи говорят — не можем излсщить. Говорю: «Окрестись!». Молчит. Потом послушал-

ся, поехал, окрестился, сколько годов уже сейчас, слава Богу, живет...» (с. Б. Кусты, САМ, 1909).

Сила молитвы

«Женщина продала корову, у ей деньги. К ей сосед пришел деньги-то украсть. Пришел ночью. Дак она не закрывалась, ли че ли, на заслонку-то? А она на пече спала. И она читала молитву «Живый в помощи...». Она две ночи прочитала эту молитву перед сном, сосед придет, ее не видит. А третью ночь она пришла, устала, днем работала, половину молитвы прочитала, половину нет. А третью-от ночь пришел сосед. Он пришел, ее увидел, половина есть, второй половины нет. Он сильно переполохался и убежал. А утром-то ей говорит: «Ты где была эти три ночи?» — «Дома была». — «Дак как, ты меня прости Христа ради, я пришел к тебе деньги воровать», — ей покалялся в своих грехах» (д. Пильва, ЧКП, 1939).

Как отпугнуть нечистого

«Козла держали в нашей деревне специально для отпугивания. Дьявол боится козла, у него рога большие» (с. Б. Кусты, МИВ, 1905).

У чертей на свадьбе

«Два парня дружили крепко, один был богатый, а другой — бедный. Как-то они сидели, гармошкой играли, а девки когда от них ушли, друзья пошли домой. Пошли через поле и видят: к ним на черных конях едут. Всадники им говорят: «Айдати, у нас сегодня свадьба». Посадили и увезли к дому. Друзья видели, что все, кто проходит в дом, мажут водой левый глаз. Бедный-то парень помазал водой глаз, а богатый так прошел. Бедный идёт и видит, что в доме девушка повешена висит и кушанья кругом противные. А богатый заходит и всё по-другому видит, что девушка как невеста сидит, а кругом еда вкусная. А потом черти говорят: «Увезем мы вас домой». Бедный-то вышел во двор, и ему кони говорят: «Ты держись за дерево, когда мы обратно поедem. Если не зацепишься за него, ты погибнешь». Вот поехали они обратно, бедный зацепился за дерево, а богатый дальше уехал. Бедный очнулся в избе, а богатый пропал» (д. Земплягаш, РЕВ, 1931).

Как коровья болезнь ходит

«В деревне, значит, вот такая чепуха началась: коровы, овцы у соседей помирают. И вот прабабка моя сидит как-то дома, а ночью уже было, ворота закрыты, и чувствует, кто-то заходит. Ну, прабабка

моя вышла из дома и видит: женщина стоит. «Ты,— говорит,— как зашла, ворота-то закрыты?» Та ничего не отвечает. Они в дом прошли. Прабабка ей на стол накрыла. Та поела и ушла, опять через закрытые ворота, просочилась. И все. А потом у соседей скот сдох, а у прабабки моей ничего, все нормально...» (д. В. Тымбай, МАА, 1967).

Как стена стала

«Вот брат, когда, бывало, скажет: «Приди к нам!». Я говорю: «Я, Костя, боюсь к вам ходить». Днем ходить некогда, а вечером — боюсь. У нас в поле Максимовна есть, там мы сено убирали, и сбрызнул дождик. И все домой, и мне надо домой, у меня дома дела. А сын на конных граблях работал, небольшой был. И вот он лошадь за кусты привязал. «И только зашел к ложку, — он так рассказывал, — и враз сделалась передо мной стена кругом, и ничего не вижу». Кричал бригадир, и я кричала. А он: «Я хочу присесть, у меня ноги не гнутся, хочу кричать — у меня рот не разевается, звуку от меня никакого нет». Ну, я домой пошла, а там бригадир остался. Я реву, пошла картошку копать. Он и бежит, бледный. Я говорю: «Ты где был?». «Мама, — говорит, — я вот только лошадь привязал, и шага два шагнул в сторону, в лес, и вот враз сделалась стена кругом каменная, и ничего не вижу — ни неба, ничего, темнота. А вокруг меня на лошадях, только лошадей этих я не вижу, а копыта-то отчакивают». Говорят, что черт-то туда забредат. Ну, забредат и все. Пугает. «А после,— говорит,— все прошло, и я стою в краю, и поле наружу, и лошади нет» (д. Д. Гора, БМА, 1918).

Знамения перед войной

«Бывает, когда небо раскроется, закроется. Оно чистое, и как раздвоится, красное делается, как горит все, это я видела. Это перед войной было. Народ говорил, что война будет, так и было» (д. Н. Тымбай, КММ, 1915).

«А вот это перед самой-то войной тожно было. Я тогда в девках была, мне никто не верил. На мостик вышла, небо открылось, и вижу: на кромочке ходит солдат с ружьем. Упреждало, видно, что все равно война будет» (с. Б. Кусты, КЕП, 1911).

Как нечистый водил

«Один старик шибко пил. К нему пришли какие-то люди. Гармонь играет. Выпивка есть. Позвали его, мол, пойдем с нами. Он соблазнился и пошел. Через мост шли, и один топить его стал. И зато-

пили бы, но молитву успел сотворил. Никого не стало. Нечистый, знать, его водил» (с. Б. Кусты, ЛЕП).

Случай в поповском доме

«Вот мой дед рассказывал. Как заезжаешь в Аряж, здесь раньше поповский дом стоял. Ну вот, в двадцать восьмом или тридцатом году сделали из него площадку, ясли. А нашего деда охранником на ночь оставляли. Он и рассказывал, вот седни такой случай был, седни такой. Раньше на печи подле трубы ножик всегда лежал. А раньше так, берут ножик, плюнут и об плиту (у печи плита) точат, ножик острый, не брусом точили. Вот, состукал голбец, голбешница²⁹. И слышно — нож о плиту точат. Потом нож на стол бросили, голбец опять состукал, опять никого нет. Утром рассветало, посмотрел — нож точеный не там лежал. А теперь на столе лежит.

Теперь случай был. Опять дед приходит, рассказыват. Вот из голбца человек вышел. Вышел и начинат на стол деньги бросать: «Тысяча, две, три...» И до двенадцати тысяч досчитал. Голбец состукал, и опять никого нет. То ли клад там был, то ли че.

А тут опять рассказывали. Новая заведующая приехала, грамотная. А там было так: здесь комната и там, напротив, комната, и сквозные двери. И вот она видит, с одной стороны стоит мальчик в косяке, с другой — стоит девочка и так покачивается. Дочь пришла, она дочь пустила, их и не стало. Не заметила, как появились и как ушли. А один раз, мы приходили печь разбирать, нашли: кольцо в печке было заложено и фотография, эти мальчик и девочка» (с. Аряж, ЗКА, 1926).

Кони не идут

«У меня с мужиком было еще. Как-то повез корову продавать, вот продал уже и едет домой. Видно, выпил маленько. Деньги у него в кармане. И вот едет, и вдруг лошади у него встали, никак, знаешь, его не пускают. Не идут и все, стоят как вкопанные на месте. Вот тоже кака-то нечистая сила. А он знал каку-то молитву. Видимо, знал про нечистиков. И он взял ее, прочитал, и лошадь пошла. А так не идут. «Я, — говорит, — и бью их, и всяко, а они не идут». Ему кажется: сидит какой-то мужик, как нечистик. И лошадь дальше не пускает. Сел и сидит, не дает ходу» (д. Земплягаш, БЕЕ, 1927).

²⁹ Здесь: крышка от люка-входа в голбец.

Как женщина показалась

«Мужик-от уехал с сыном на ярмонку в Гондырь. Она осталась одна дома-то. Ночью. Вот пришла-де вотка³⁰ на крылечко с ребенком. Вот ревет: «Пусти, пусти меня, пусти». Она пошла пускать-то, а там никого нигде нет. А ревела, просилася. Так вот что блазнило³¹ де» (д. Куеда, БПД, 1904).

Встреча с нищим

«Подруга моя рассказывала. У нее брат был. Первая жена у него умерла. Пошли они на кладбище, на могилку. Перед ними нищий появился, грязный такой, говорит: «Вы бы мне рубашку дали». Они пошли в бюро похоронное и купили ему рубашку. Он ее развернул и говорит: «Лучше вы мне старую дали, а то теперь молодежь будет умирать, а старые жить». И с глаз долой. А ведь так и есть» (с. Б. Кусты, КУИ, 1923).

³⁰ Вотка (*устаревш.*) — женщина-удмуртка.

³¹ Казалось.

РАССКАЗЫ-ПАРОДИИ

Когда записываешь в экспедициях тексты мифологических рассказов, иногда встречаешь забавные рассказы-пародии о нечистой силе. Сюжеты этих рассказов, как правило, построены достаточно просто: возникает какая-либо ситуация, схожая с той, которая традиционно связывается с нечистой силой, однако в итоге все разрешается достаточно просто, а порой и нелепо. Как правило, главными героями в таких рассказах становятся не мифологические персонажи, а люди и животные. Рассказов-пародий немного. Однако мы решили поместить их в сборнике, так как они также являются текстами народной прозы, отражают некоторые аспекты народного мировосприятия. С одной стороны, такие тексты соотносятся с мифологическими рассказами, а с другой — близки такому жанру народной прозы, как анекдот.

«Лешего винить тут не стоит...»

«Как-то я в лесу заблудилась, пыкалась-мыкалась в разные стороны, а выйти не могу. Решила успокоиться и посидеть. Если до ночи не выйду, хотела на дерево залезть. От медведя-то не спасешься, то хоть от волка уйдешь. Села отдохнуть и вижу — летит самолет «Пермь — Куеда». И сорока на дереве покричала и полетела за самолетом. И я решила пойти за ней. Через двести метров вышла из лесу. От тебе и леший. Сама оплошалась, вот и заблудилась, а лешего винить тут не стоит...» (д. Еламбуй, ММД, 1926).

Как мужики всех пугали...

«Черт в бане есть, с хвостом, с рогами, говорили. Они, черти, пляшут, да поют, да пугают. Одна баня была по дороге, все боялись. Все говорят: «Старуха умерла, там все огонек горит». А там вот зайдут в баню мужики, в карты играют, попивают. А один осмелился, открыл — а там в карты играют. После этого бояться не стали...» (п. Кусда, МНМ, 1911).

«Домой убежал без штанов...»

«Банник есть, говорили. Говорили, что там блазнит³². В Горке жили, один мужик пошел в баню, а другой залез на крышу, на чердак, и разговариват там. Тот дверь откроет, а там — никого. Опять. Домой убежал без штанов!» (с. Урталга, ДЕА, 1912).

«Пищала всякими голосами...»

«Суседко есть, он в подполье. Один раз даже из-за него мы из дома вышли. Мамы с работы нету, а мы небольшие были. Там пищит в подполье всякими голосами. Мама пришла. «Мама, там суседко сидит, кто-то орет. Мы боимся домой-то зайти!» Мама зажгла фонарик, пошли. А там — а там лежала десятилитровая бутылка, она была опрокинута на завалинке в подполье на бок, и в нее попала крыса. И она там пищала всякими голосами. Вот вам и суседко...» (п. Куеда, ТКА, 1938).

³² Кажется.

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

- д. В. Ошья, МАМ, 1928 — д. Верх-Ошья, Мерзлякова Анфиса Михайловна, 1928 г. р.
- д. В. Тымбай, АВ, 1928 — д. Верхний Тымбай, Антонина Васильевна, 1928 г. р.
- д. В. Тымбай, ЖМН, 1940 — д. Верхний Тымбай, Жданова Мария Николаевна, 1940 г. р.
- д. В. Тымбай, КАМ, 1926 — д. Верхний Тымбай, Кузнецова Анфимья Максимовна, 1926 г. р.
- д. В. Тымбай, КМИ, 1940 — д. Верхний Тымбай, Карпова Мария Ивановна, 1940 г. р.
- д. В. Тымбай, МАА, 1967 — д. Верхний Тымбай, Макаров Алексей Александрович, 1967 г. р.
- д. В. Тымбай, МЕИ, 1940 — д. Верхний Тымбай, Маркова Елена Игнатьевна, 1940 г. р.
- д. В. Тымбай, ОМ, 1926 — д. Верхний Тымбай, Офелия Максимовна, 1926 г. р.
- д. Д. Гора, БМА, 1918 — д. Дубовая Гора, Бесптанова Мария Алексеевна, 1918 г. р.
- д. Еламбуй, ММД, 1926 — д. Еламбуй, Мальцева Мария Дмитриевна, 1926 г. р.
- д. Землягаш, БЕЕ, 1927 — д. Землягаш, Белоногова Екатерина Егоровна, 1927 г. р.
- д. Землягаш, РЕВ, 1931 — д. Землягаш, Рыжова Ефросинья Владимировна, 1931 г. р.
- д. Капка, ГПА, 1922 — д. Капка, Городилова Пера Артемьевна, 1922 г. р.
- д. Кашка, МОТ, 1917 — д. Кашка, Мерзляков Олимпий Трофимович, 1917 г. р.
- д. Кашка, РЛП, 1932 — д. Кашка, Русинова Любовь Поликарповна, 1932 г. р.
- д. Капка, ЧЗ, 1944 — д. Капка, Чепкасова Зинаида, 1944 г. р.
- д. Кашка, ППДП, 1921 — д. Кашка, Пшаболин Д. П., 1921 г. р.
- д. Ключики, НВИ, 1929 — д. Ключики, Немытых Варвара Ивановна, 1929 г. р.
- д. Ключики, СВГ, 1922 — д. Ключики, Судисва Вера Гурьяновна, 1922 г. р.
- д. Куеда, БПД, 1904 — д. Куеда, Бурмасова Прасковья Дмитриевна, 1904 г. р.
- д. Куеда, ЛРМ, 1936 — д. Куеда, Левкина Раиса Михайловна, 1936 г. р.
- д. Куеда, ТЗИ, 1927 — д. Куеда, Трубникова Зоя Ильинична, 1927 г. р., родом из д. Горка.
- д. Куеда, УЕХ, 1928 — д. Куеда, Усанина Ефросинья Харитоновна, 1928 г. р.

- д. М. Кусты, ИВИ, 1931 — д. Малые Кусты, Ильин Владимир Ильич, 1931 г. р.
- д. М. Кусты, КНН, 1935 — д. Малые Кусты, Коровина Наталья Николаевна, 1935 г. р.
- д. Н. Тымбай, СЕС, 1924 — д. Нижний Тымбай, Сынина Елена Степановна, 1924 г. р.
- д. Н. Тымбай, ВАА, 1932 — д. Нижний Тымбай, Волкова Антонина Александровна, 1932 г. р.
- д. Н. Тымбай, ВНИ, 1934 — д. Нижний Тымбай, Волкова Нина Ильинична, 1934 г. р.
- д. Н. Тымбай, КАИ, 1916 — д. Нижний Тымбай, Карелина Анна Игнатьевна, 1916 г. р., родом из д. Апугай.
- д. Н. Тымбай, КММ, 1915 — д. Нижний Тымбай, Кузнецова Мария Михайловна, 1915 г. р., родом из д. Апугай.
- д. Н. Тымбай, ППФ, 1906 — д. Нижний Тымбай, Попова Прасковья Федоровна, 1906 г. р.
- д. Н. Тымбай, ТМВ, 1927 — д. Нижний Тымбай, Тенсина Мария Васильевна, 1927 г. р.
- д. Н. Тымбай, УММ, 1915 — д. Нижний Тымбай, Унисова М. М., 1915 г. р.
- д. Никольск, ААП, 1922 — д. Никольск, Анпилова Анна Павловна, 1922 г. р.
- д. Пантелеевка, ММ, 1932 — д. Пантелеевка, Мария Мироновна, 1932 г. р.
- д. Пантелеевка, СТА — д. Пантелеевка, Салмина Татьяна Александровна.
- д. Пантелеевка, СМЗ, 1923 — д. Пантелеевка, Суханова Минадора Зиновьевна, 1923 г. р.
- д. Пильва, ДЕС, 1932 — д. Пильва, Долгих Елена Степановна, 1932 г. р.
- д. Пильва, ЛКК, 1925 — д. Пильва, Лямзина Ксения Кузьминична, 1925 г. р.
- д. Пильва, СЕУ, 1926 — д. Пильва, Сажина Екатерина Ульяновна, 1926 г. р.
- д. Пильва, СГН, 1925 — д. Пильва, Сажин Петр Николаевич, 1925 г. р.
- д. Пильва, ЧКП, 1939 — д. Пильва, Чепуштанова Ксения Павловна, 1939 г. р.
- д. Р. Чикапти, КЕА, 1925 — д. Русские Чикапти, Кобякова Елизавета Андреевна, 1925 г. р., родом из д. Кибай.
- д. Степановка, ААЛ, 1931 — д. Степановка (Русско-Чикапинская с/а), Александрова Анна Лаврентьевна, 1931 г. р., родом из д. Кибай.
- д. Тапья, КПВ, 1917 — д. Тапья, Косьвинцева Пелагея Васильевна, 1917 г. р., родом из с. В. Буй.
- д. Трегубовка, ЛАГ, 1915 — д. Трегубовка, Лисина Ангелина Григорьевна, 1915 г. р., родом из д. Губаны.
- д. Узяр, ДАФ, 1915 — д. Узяр, Дружинина Агриппина Федоровна, 1915 г. р.

д. Узяр, КАП — д. Узяр, Коробейникова Августина Петровна.
 д. Узяр, КДА, 1929 — д. Узяр, Кишин Дионисий Андреевич, 1929 г. р.
 п. Куеда, ЗЛК, 1923 — п. Куеда, Загородских Любовь Ксенофонтовна, 1923 г. р., родом из д. Большой Талмаз.
 п. Куеда, КЕН, 1933 — п. Куеда, Калинина Евдокия Никитична, 1933 г. р., родом из д. Верный Тымбай.
 п. Куеда, МНМ, 1911 — п. Куеда, Мокерова Наталья Михайловна, 1911 г. р., родом из д. Суюрка.
 п. Куеда, САМ, 1932 — п. Куеда, Смолина Анна Мироновна, 1932 г. р., родом из д. Ипаты.
 п. Куеда, ТКА, 1938 — п. Куеда, Трандина Капитолина Артемьевна, 1938 г. р., родом из д. Еламбуй.
 п. Куеда, УЕА, 1911 — п. Куеда, Усынина Екатерина Александровна, 1911 г. р., родом из с. Верх-Сава.
 п. Куеда, ЮМФ, 1938 — п. Куеда, Юркова Мария Филипповна, 1938 г. р., родом из д. Ирмиза.
 с. Аряж, ЗКА, 1926 — с. Аряж, Зубарсва Клавдия Аркадьевна, 1926 г. р.
 с. Аряж, ПВИ, 1938 — с. Аряж, Патракова Валентина Ивановна, 1938 г. р., родом из д. Губаны.
 с. Аряж, СИА, 1923 — с. Аряж, Суетин Иван Алексеевич, 1923 г. р., родом из д. Тараны.
 с. Б. Кусты, БАА, — с. Большие Кусты, Бубнова Анна Андреевна.
 с. Б. Кусты, БЛП, 1938 — с. Большие Кусты, Башкирова Любовь Павловна, 1938 г. р.
 с. Б. Кусты, ВЕК, 1927 — с. Большие Кусты, Вотякова Е. К., 1927 г. р.
 с. Б. Кусты, ЗВИ, 1929 — с. Большие Кусты, Зузеева Валентина Ивановна, 1929 г. р.
 с. Б. Кусты, КАА, 1932 — с. Большие Кусты, Клячина Анфиса Афанасьевна, 1932 г. р., родом из с. Дубленевка.
 с. Б. Кусты, КЕП, 1911 — с. Большие Кусты, Кустова Е. П., 1911 г. р.
 с. Б. Кусты, КНН, 1930 — с. Большие Кусты, Коровина Наталья Николаевна, 1930 г. р., родом из д. М. Кусты.
 с. Б. Кусты, КТС, 1906 — с. Большие Кусты, Кустова Т.С., 1906 г. р.
 с. Б. Кусты, КУИ, 1923 — с. Большие Кусты, Коробейников Увсен Ивойлович, 1923 г. р.
 с. Б. Кусты, ЛЕП — с. Большие Кусты, Лакмова Екатерина Павловна.
 с. Б. Кусты, ЛФФ, 1920 — с. Большие Кусты, Ломаева Екатерина Филипповна, 1920 г. р., родом из с. В.-Сава.
 с. Б. Кусты, ЛТА, 1930 — с. Большие Кусты, Ларионова Тамара Антоновна, 1930 г. р.
 с. Б. Кусты, МАА, 1931 — с. Большие Кусты, Манкова Анна Андреевна, 1931 г. р., родом из д. Каменный Ключ.
 с. Б. Кусты, МЗС, 1929 — с. Большие Кусты, Миронова Зинаида Самойловна, 1929 г. р.

- с. Б. Кусты, МИВ, 1935 — с. Большие Кусты, Макарова Ирина Васильевна, 1905 г. р.
- с. Б. Кусты, МКИ, 1927 — с. Большие Кусты, Морозова К. И., 1927 г. р.
- с. Б. Кусты, МЛВ, 1968 — с. Большие Кусты, Морозова Любовь Витальевна, 1968 г. р.
- с. Б. Кусты, ПЕ, 1921 — с. Большие Кусты, Парапина Екатерина, 1921 г. р.
- с. Б. Кусты, ППП, 1937 — с. Большие Кусты, Павлова Лидия Павловна, 1937 г. р.
- с. Б. Кусты, САА, 1908 — с. Большие Кусты, Сазонова А. А., 1908 г. р.
- с. Б. Кусты, САМ, 1909 — с. Большие Кусты, Суханова Аक्सинья Михайловна, 1909 г. р., родом из д. Пантелеевка.
- с. Б. Кусты, СМП, 1934 — с. Большие Кусты, Сюткина М. П., 1934 г. р.
- с. Б. Кусты, УАП, 1925 — с. Большие Кусты, Усынина Апросинья Поликарповна, 1925 г. р., родом из д. Филипповка.
- с. Б. Кусты, ППФИ, 1929 — с. Большие Кусты, Шутова Фекла Ивановна, 1929 г. р., родом из с. Дубленевка.
- с. Б. Уса, ГЕТ, 1920 — с. Большая Уса, Горбунова Евдокия Терентьевна, 1920 г. р.
- с. Б. Уса, КАФ, 1940 — с. Большая Уса, Королева Анастасия Филипповна, 1940 г. р.
- с. Б. Уса, КЕФ, 1927 — с. Большая Уса, Кочева Евдокия Филипповна, 1927 г. р.
- с. Бикбарда, БАД, 1914 — с. Бикбарда, Баранова Агриппина Даниловна, 1914 г. р., родом из д. Кибай
- с. Бикбарда, МЕИ, 1908 — с. Бикбарда, Мокерова Елизавета Ивановна, 1908 г. р., родом из д. Вапугино.
- с. Бикбарда, ЩАВ, 1919 — с. Бикбарда, Щеткова Анна Васильевна, 1919 г. р.
- с. В.-Сава, ВФК, 1909 — с. Верх-Сава, Вахрина Фекла Кузьмовна, 1909 г. р.
- с. Дойная, ШАИ, 1918 — с. Дойная, Шибко Акулина Ивановна, 1918 г. р.
- с. Дубленевка, ПАП, 1931 — с. Дубленевка, Прохорова Анфисия Петровна, 1931 г. р.
- с. Краснояр, ЕЕС, 1923 — с. Краснояр, Елисеева Ефросинья Савиновна, 1923 г. р.
- с. С. Шагирт, ГТФ, 1905 — с. Старый Шагирт, Глухова Татьяна Фемьяновна, 1905 г. р.
- с. Урталга, БТА, 1927 — с. Урталга, Бушмакина Татьяна Андреевна, 1927 г. р.
- с. Урталга, ДЕА, 1912 — с. Урталга, Дранишникова Евгения Александровна, 1912 г. р., родом из д. Горка.
- с. Урталга, ЛАН, 1917 — с. Урталга, Лебедева Анна Николаевна, 1917 г. р.

с. Урталга, ТПВ, 1924 — с. Урталга, Трубникова Прасковья Васильевна, 1924 г. р., родом из д. Сандияк.

с. Федоровск, КЯГ, 1913 — с. Федоровск, Кобяков Яков Григорьевич, 1913 г. р.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапкина, 2002* — Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря: Весенне-летний цикл. М., 2002. 816 с.
- Байбурин, 1983* — Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- Былички, 1991* — Былички и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье /Сост. К. Э. Шумов. Пермь, 1991.
- Виноградова, 2000* — Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М., 2000.
- Вишерская старина, 2002* — Вишерская старина: Сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района Пермской области /Сост. И. А. Подюков, Н. В. Жданова, С. В. Хоробрых. Пермь, 2002.
- ВСФ, 1993* — Восточно-славянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993.
- Гура, 1997* — Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Деревня Монастырь, 2003* — Деревня Монастырь на Каме-реке: Сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по Гайнскому району /Сост. И. А. Подюков. Пермь, 2003. 60 с.
- Журавлев, 1994* — Журавлев А. Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян: этнографические и этнолингвистические очерки. М., 1994.
- Зиновьев, 1987* — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири /Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.
- Козлова, 2002* — Козлова Н. К. Указатель сюжетов восточнославянских быличек о мифическом любовнике //Живая старина. 2002. № 2. С. 8—10.
- Криничная, 1993* — Криничная Н. А. Лесные наваждения: Мифологические рассказы и поверья о духе — «хозяине» леса. Петрозаводск, 1993.
- Криничная, 1994* — Криничная Н. А. На синем камне: Мифологические рассказы и поверья о духе — «хозяине» воды. Петрозаводск, 1994.
- Криничная, 2002* — Криничная Н. А. Посвящение в колдуны: Историко-этнографическая основа русских мифологических рассказов о передаче-усвоении эзотерических знаний //ЭО. 2002. № 2. С. 10—23.
- Куединская свадьба, 2001* — Куединская свадьба: Свадебные обряды русских Куединского района Пермской области. Сборник фольклорно-этнографических материалов /Сост. Черных А. В. Пермь, 2001.
- Левкиевская, 2002* — Левкиевская Е. Е. Славянский оберег: Семантика и структура. М., 2002.
- Липина, 2003* — Липина В. В. Веник и метла (по материалам Этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области) //Традиционная культура Урала: Альманах. Вып. 3. Екатеринбург, 2003. С. 53—70.
- Максимов, 1903* — Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.
- Мифологические рассказы, 1996* — Мифологические рассказы и легенды русского Севера /Сост. и автор комментариев О. А. Черепанова. СПб., 1996.
- Духовная культура Белозерья, 1997* — Морозов И. А., Слепцова И. С., Островский Е. Б., Смольников С. Н., Минюхина Е. А. Духовная культура Белозерья: этнодиалектный словарь. М., 1997.

Народные знания, 1991 — Народные знания. Фольклор. Народное искусство. Вып. 4. М., 1991.

Нытва, 2001 — Нытва: Традиционный фольклор, язык и фольклор: Сборник полевых фольклорно-этнолингвистических материалов. Нытва-Пермь, 2001.

Подюков, 2004 — Подюков И. А. Карагайская сторона: Народная традиция в обрядности, фольклоре и языке. Кудымкар, 2004.

Померанцева, 1978 — Померанцева Э. В. Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице //Славянский и балканский фольклор. М., 1978. С. 143—158.

Померанцева, 1975 — Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

Правдивые рассказы, 1993 — Правдивые рассказы о полтергейсте и прочей нежисти на овине, в избе и бане /Сост. К. Э. Шумов, Е. С. Преженцева. Пермь, 1993.

Садовников, 1996 — Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач /Сост. Д. Н. Садовников. М., 1996.

Славянские древности, 1995 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1. А-Г. — М., 1995.

Славянские древности, 1999 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2. Д-К. — М., 1999.

Соколовы, 1915 — Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915. С. XXXIX XLV, LVIII LX.

Тихов, 1993 — Тихов В. Страшные сказки, рассказанные дедом Егором, крестьянином бывшего Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1993.

Черных, 1999 — Черных А. В. Легенды и предания праздников пасхального цикла у русских Южного Прикамья //История церкви: изучение и преподавание: Материалы научной конференции, посвященной 2000-летию христианства. 22—25 ноября 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 149—151.

Черных, 2002 — Черных А. В. Этнический состав населения и особенности расселения в южном Прикамье в XVI — первой четверти XX вв. //Этнические проблемы регионов России: Пермская область. М., 1998. С. 39—113.

Черных, 2003 — Черных А. В. Куединские праздники: Календарная обрядность русских Куединского района Пермской области в конце XIX — первой половине XX вв.: Материалы и исследования. Пермь, 2003.

Шумов, 1994 — Шумов К. Э. Способы размыкания границ между миром живых и миром неживых и обереги в некоторых жанрах русского фольклора //История и культура Волго-Вятского края: Тезисы докладов и сообщений. Киров, 1994. С. 270—272.

Шумов, 2001 — Кто живет за печкой? (публикация К. Э. Шумова) //Живая старина. 2001. № 3. С. 17—19.

Шумов, Черных, 1996 — Шумов К. Э., Черных А. В. Беременность и роды в традиционной культуре русского населения Прикамья //Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 175—192.

Юрлинский край, 2003 — Бахматов А. А., Подюков И. А., Хоробрых С. В., Черных А. В. Юрлинский край: Традиционная культура русских конца XIX—XX вв.: Материалы и исследования. Кудымкар, 2003.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Былички и бывальщины русских Куединского района	3
РАССКАЗЫ О ДУХАХ ПРИРОДЫ	13
Леший	13
Водяной, русалка, чертовка	20
Полудница	24
РАССКАЗЫ О ДУХАХ ПОСТРОЕК	25
Домовой, суседко	25
Банник	38
РАССКАЗЫ О ПОДМЕНЕННЫХ	43
РАССКАЗЫ О КЛАДАХ	47
РАССКАЗЫ О ЗНАЮЩИХ	50
Колдуны, колдуньи, векшицы	50
Порча, икотка, кила	73
РАССКАЗЫ О ПОКОЙНИКАХ	80
РАССКАЗЫ О БЛАЗНЯХ И ЗНАМЕНИЯХ	98
РАССКАЗЫ-ПАРОДИИ	104
Список информаторов	106
Список литературы	111

Научное издание

Куединские былички:

Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области
в конце XIX—XX вв.

Составитель Александр Васильевич Черных

Редактор Л. В. Паршина

Подписано в печать 03.11.2004 Бум. ВХИ. Формат 60х90¹/₁₆
Гарнитура «Таймс». Печать на ризографе. Усл. печ. л. 7,125 Уч.-изд. л. 5,42
Тираж 500 экз. Заказ 127

Издательско-полиграфический комплекс
Пермского образовательного научно-исследовательского центра авиальной активности
614094, Пермь, ул. Кисловодская, 13; тел./факс: (3422) 34-67-65

